

СОЮЗ СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ СССР

АРХИТЕКТУРНЫЕ ВОПРОСЫ РЕКОНСТРУКЦИИ МОСКВЫ

МАТЕРИАЛЫ VII ПЛЕНУМА ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ СССР

8—12 июля 1940 года

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АРХИТЕКТУРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ СССР
МОСКВА 1940

8—12 июля 1940 г. в Москве состоялся VII пленум правления Союза советских архитекторов СССР, посвященный пятилетним итогам реконструкции Москвы.

В повестке дня пленума были следующие вопросы: 1) Итоги реконструкции Москвы за 5 лет — доклад председателя Мосгорисполкома В. П. Пронина; 2) Вопросы архитектуры в реконструкции Москвы — доклад акад. арх. К. С. Алабяна.

В работах пленума приняли участие архитекторы, художники, скульпторы, инженеры, работники городского хозяйства.

Во время работ пленума была открыта выставка, посвященная выполнению сталинского плана реконструкции Москвы за 5 лет.

Настоящая книга содержит отчет о работах VII пленума по сокращенной стенограмме и резолюцию, принятую пленумом.

Вступительное слово ответственного секретаря правления Союза советских архитекторов акад. арх. К. С. АЛАБЯНА

10 июля 1940 г. исполнилось пять лет со дня опубликования постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о генеральном плане реконструкции Москвы. VII пленум правления Союза советских архитекторов посвящается этому историческому постановлению.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) является новым этапом в истории градостроительства. Впервые в истории человечества был создан документ о том, как надо строить, планировать и реконструировать социалистический город. Мы с вами гордимся, что имеем счастье быть участниками выполнения этого исторического постановления. Мы обладаем всеми необходимыми условиями для того, чтобы построить подлинно социалистический город.

Лучше всего мы отметим пятилетие исторического постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), если наш пленум проведем в атмосфере деловой критики той работы, которую мы, советские архитекторы и строители, проделали за эти пять лет. Мы должны по-деловому обсудить все наши достижения и недостатки с тем, чтобы ясно и четко начертить те задачи, которые стоят перед нами.

Прошлый наш пленум был посвящен вопросам скоростного строительства. В центре внимания этого пленума был опыт скоростного строительства в Москве. Недавно мы провели творческую встречу ленинградских и московских архитекторов. Эти два мероприятия имели непосредственное отношение к вопросам реконструкции Москвы, к нашей творческой деятельности в Москве. Сегодня мы должны подытожить пройденный за пять лет путь с тем, чтобы четко уяснить для себя — над чем нам следует работать в дальнейшем.

Обсуждая нашу практику, мы должны оказать помощь московским руководящим органам и вскрыть те дефекты, которые имеются в нашей работе, с тем чтобы еще быстрее, еще лучше двигаться вперед. Я думаю, что обсуждение практики строительства и реконструкции Москвы представляет интерес не только для московских строителей и архитекторов, но и для всех архитекторов нашего Советского Союза, для всей нашей общественности.

Имея колоссальный объем строительства, имея возможность быть руководимой в области реконструкции непосредственно ЦК нашей партии и лично товарищем Сталиным, Москва является школой в вопросах градостроительства для всего Советского Союза.

Мы пригласили на наш пленум не только архитекторов, но и инже-

неров, художников, скульпторов, работников городского хозяйства. Я думаю, что эти товарищи помогут нам глубже и шире критиковать нашу практику.

Во всем мире развернулась вторая империалистическая война. Только в нашей стране ведется гигантская созидательная работа по строительству и реконструкции городов. Мы имеем возможность заниматься этой работой благодаря мудрому руководству нашей великой партии Ленина — Сталина, благодаря тому, что наша социалистическая страна, усиливая свою оборону, ведет мирную политику.

ИТОГИ РЕКОНСТРУКЦИИ МОСКВЫ ЗА ПЯТЬ ЛЕТ

Доклад председателя Мосгорисполкома В. П. ПРОНИНА

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о генеральном плане реконструкции, принятое 10 июля 1935 г., положило начало огромному размаху реконструкции столицы, положило начало новой эпохе развития Москвы на социалистических принципах.

Москва дореволюционной России, как и города всех капиталистических стран, строилась в условиях классовых противоречий, раздирающих капиталистическое общество и выросших на основе частной собственности, на основе эксплуатации кучкой людей трудовых масс народа. Поэтому дореволюционное строительство Москвы, подчиняясь всем этим капиталистическим противоречиям, велось без продуманного плана, стихийно, случайно, в интересах кучки финансовых заправил. Отпечаток этого варварского капитализма до сих пор сказывается на развитии города.

Наша столица имеет солидный возраст. Через несколько лет ей исполнится ровно 800 лет. Однако то, что произошло с Москвой за последние годы, по своему размаху превосходит строительство любого столетия в прошлом. Дворянско-феодальный, а затем и капиталистический порядок старой России создали улицы кривые и узкие, промышленность размещалась стихийно и беспорядочно. Архитектура Москвы носила торгашеский характер. Только в центре, в так называемой дворянской части города, на всех этих Гагаринских, Волконских, Трубецких переулках высились красивые особнячки, служившие для прихоти аристократов. Трудящийся же люд селился на окраинах, в нищенских лачугах. Белинский писал, что не было никакой возможности ходить по Москве из-за ее узких и искривленных переулков, Салтыков-Щедрин писал о вонь, которая стояла коромыслом на улицах Москвы.

Проходили века, менялись правящие, господствующие классы, а вонь и нищета на улицах Москвы оставались, и трудовой народ так же ютился на окраинах города, в домах с койками в 2—3 яруса. Только Великая Октябрьская революция заложила основы города на социалистических началах. Социалистическая революция вселила трудящийся народ в высокие, красивые дома, дала возможность не только разработать грандиозный план реконструкции города, но и в невиданно краткие сроки его осуществлять. Генеральный план реконструкции столицы, названный сталинским планом, создан волею и мыслью товарища Сталина. Товарищ Сталин подробно разрабатывал планы реконструкции Москвы, он рассматривает каждое сооружение новой Москвы, часто

беседует с планировщиками, проектировщиками и строителями новой Москвы.

Созданный товарищем Сталиным генеральный план реконструкции Москвы помог московским организациям отвести антибольшевистские, антисоциалистические предложения, которые сводились к тому, чтобы либо сохранить старую Москву, как музейную ценность, либо к тому, чтобы старую Москву до основания сломать и на ее месте построить совершенно новый город. Товарищ Сталин указал, что для нас неприемлемы и позиции тех, кто тянет нас к превращению Москвы в музейную ценность, и позиции урбанистов, когда город рассматривается как нечто необъятное. Товарищ Сталин указал, что правильная реконструкция — город, дающий экономию на канализации, освещении и отоплении. Поэтому неправы те, кто предлагает растянуть город на большое количество километров и тем превратить его в большую деревню.

Этот сталинский принцип положен в основание генерального плана реконструкции Москвы. Тут имеются налицо все огромные возможности и преимущества социалистического города. Этот план показывает заботу партии о человеке и о строительстве социализма.

Всем известны основные положения плана реконструкции Москвы. Они заключаются в нормировании заселения большого промышленного центра с прекращением роста промышленности и с выводом опасных промышленных предприятий. Тут недопустима концентрация в одном месте коммунальных и культурных учреждений со сгущением населения до 1 000 чел. на 1 га. Тут имеется в виду удобная связь жилья с культурными и промышленными учреждениями. В плане намечена перепланировка исторически существующей радиально-кольцевой системы с расширением улиц Москвы до 50—60 м. Основным стержнем города является Москва-река с Ленинскими горами. Новый Западный район будет органически связан с нынешней территорией Москвы. Социалистическая реконструкция города обязательно предполагает использование лучших образцов архитектуры, соединение их в ансамблевую архитектуру с требованием высокохудожественного проектирования как отдельных сооружений, так и целых площадей и улиц и крупнейших магистралей города.

Наличие рек и больших водоемов в Москве, огромное количество зелени в ней и вокруг нее, наконец, холмистый рельеф города позволяют нашим архитекторам и строителям сооружать замечательные здания, достойные нашей социалистической эпохи. Огромный размах обводнения и озеленения создаст исключительно здоровые условия для населения, проживающего в таком большом городе. Основой основ гениального плана товарища Сталина является забота о человеке.

Вся работа строителей, архитекторов, планировщиков, представителей всех отраслей городского хозяйства, московских парторганизаций направлялась все эти годы на решение архитектурных вопросов генерального плана Москвы. За пять лет сделано очень много. Почти полностью закончена застройка Большой Калужской улицы. В будущем году кончается застройка Можайского шоссе и Мещанской улицы. С будущего года начинается пробивка новой магистрали — Нового Арбата. Закончена и в основном принята планировка проспекта Дворца Советов, который начнет застраиваться красивыми монументальными общественными зданиями. В этом году мы приступили к реконструкции

наиболее захламленного участка Москвы — так называемого Зарядья. Реконструируются и застраиваются многие площади Москвы.

Сталинский план реконструкции Москвы определил огромный размах строительства города. Уже в этом году на реконструкцию магистралей Красной столицы запроектировано 10 млрд. рублей.

В результате огромной помощи Центрального Комитета партии и советского правительства генеральный план успешно осуществляется. Москва с каждым годом изменяет свой облик: она за последние годы обогатилась значительным количеством монументальных сооружений, как метро, дом СНК СССР, Центральный театр Красной Армии, целый город Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и мн. др.

Из старого захламленного города с нищенским коммунальным обслуживанием населения в центральных районах и почти полным отсутствием всякого коммунального обслуживания за пределами центра Москва за короткое время превратилась в передовой культурный город с полным коммунальным обслуживанием населения, с невиданным размахом застройки площадей и магистралей на основе использования лучших образцов классической и новой архитектуры.

Только за последние пять лет было построено 500 капитальных 7—9-этажных домов с 1 800 тыс. м² площади.

Несмотря на такой размах строительства, мы не исчерпали всех возможностей и не использовали полностью средств, отпускаемых правительством на жилищное и коммунальное строительство Москвы.

Необходимо указать, что в некоторых вопросах, в частности в размещении жилищного строительства и в отношении типов строительства, московские организации до 1939 г. допускали ошибки, которые были исправлены ЦК ВКП(б).

Первая ошибка выразилась в том, что до 1939 г. жилищное строительство расплывалось по окраинам Москвы на случайно подобранных площадках, иногда без строгой планировки, что привело к задержке реконструкции Москвы и к удорожанию строительства. Весной 1939 г. товарищ Сталин указал и исправил наши ошибки, и в том же году 52% всего жилищного строительства было направлено на основные магистрали, а с 1940 г. строительство проводится только на основных магистралях и набережных Москвы. Исключение составляют отдельные улицы, где строительство связано с большим сносом старых зданий. Московские организации твердо осуществляют и будут осуществлять указание Центрального Комитета партии.

Всем известны происходящие у нас споры о типе жилых домов. Ряд архитекторов, под влиянием некоторых групп руководящих работников, сводивших всякое экономическое обоснование в строительстве жилых домов к санитарным условиям, проектировал дома с узкими корпусами, в 10—12 м. Весной 1939 г. товарищ Сталин указал и на эту ошибку, и по поручению ЦК ВКП(б) Моссоветом летом 1939 г. были предложены новые типы домов, шириной в 14—18 м с выходом 4—5 квартир на лестничную площадку. Со второго полугодия 1939 г. новое жилищное строительство в Москве происходило уже по установленному Моссоветом типу домов с широкими корпусами, за исключением отдельных случаев на центральных магистралях, где это было связано с большим сносом домов.

До сих пор имеются работники, которые нерешительно исправляют указанные ошибки, выискивая для этого различные оправдания. Не луч-

ше ли этим товарищам, вместо того, чтобы подыскивать оправдания старым типам жилых домов, последовать примерам многих наших архитекторов и основательно поработать, чтобы улучшить и совершенствовать имеющиеся типы жилых домов?

Товарищ Сталин пристально наблюдает за осуществлением генерального плана реконструкции столицы. Не мало внимания, не мало заботы уделяет он застройке магистралей, набережных и улиц красивыми домами. Не мало во всей огромной работе по реконструкции Москвы мы пользуемся советами и указаниями товарища Сталина. Относясь с большим вниманием, с большой прозорливостью к нуждам населения, товарищ Сталин подмечает ошибки и недостатки строительства, дает нужные советы о том, как лучше строить жилища, как правильно создавать здоровые и культурные условия для жизни населения Москвы.

Всем известно, какое значение в реконструкции Москвы имеет обводнение города, в частности реконструкция реки Яузы. Постройка канала Москва — Волга и реконструкция Москвы-реки с ее гранитными набережными и асфальтобетонными проездами коренным образом разрешили водоснабжение и водные пути столицы. Эта огромная работа резко улучшила санитарное состояние нашей столицы и повысила ее общий культурный уровень. Без Московско-Волжского канала Москва в настоящее время ощущала бы острый голод в воде, так как уже сейчас суточное потребление воды доходит у нас до 90 млн. ведер в сутки, а Москва-река до реконструкции могла дать всего 60 млн. ведер в сутки. Москвичам нехватало бы 30 млн. ведер, а Москва-река была бы выпита буквально до дна.

Огромное значение в культуре строительства имеет и постройка 10 прекрасных мостов через Москву-реку. Наши архитекторы и инженеры построили в течение всего двух лет 10 мостов, в общей сложности вдвое больше старых, используя последние достижения техники и смело разрешив ряд сложнейших технических задач. История мостостроения не знает примера, когда бы в одном городе в течение двух лет одновременно было построено 10 таких больших и замечательных мостов.

Москва-река обводнилась волжской водой, стала судоходной, широкой, глубоководной рекой с гранитными берегами. А за последнее время развернулась работа по реконструкции Яузы. Закончено Лихоборское водохранилище, построен гидроузел, поднимающий уровень Яузы на 4 м. Построено на ней несколько мостов и 12,5 км гранитных набережных. На это строительство правительство ассигновало 250 млн. рублей. Весной 1941 г. реконструкция будет закончена, и спрямленная Яуза шириной в 25 м, глубиной не менее 2 м, с железобетонными стенками и асфальтовыми проездами, с чистой водой будет превращена в благоустроенную водную артерию города.

Приближающаяся к концу реконструкция реки Яузы является основным фактором оздоровления пяти районов Москвы, большим новым вкладом в благополучную жизнь города Москвы. Это результат забот чашей партии и советского правительства о жизни народа.

Большие работы проведены и по водопроводному хозяйству. Построена Сталинская станция, которая дала возможность значительно увеличить потребление по городу воды в сутки. Эта станция дала возможность провести воду по всем пригородным районам и окраинам Москвы и увеличить суточное потребление на каждого жителя до 260

ведер, вместо 60 ведер (надо упомянуть, что в настоящее время суточное потребление воды на 1 жителя равно в Вене 132 ведрам и в Лондоне — 158 ведрам). Таким образом, по уровню потребления воды Москва теперь занимает одно из первых мест в Европе.

Задача московского коллектива в целом заключается сейчас в том, чтобы ликвидировать диспропорцию водоснабжения и водопровода Москвы и придать сильнейшую мощность нашим водопроводным станциям и разводящей водной станции.

Дореволюционная Москва, так же как и вся Россия, славилась бездорожьем. Булыга или немощеные улицы, пустыри — вот как выглядели тогда улицы и городские площади. В Москве асфальт был только на некоторых площадях и около особняков.

По постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) в Москве широко развернулось дорожное строительство. Оно протекало с большим успехом, так как в эти годы тесно увязывалось с планом реконструкции улиц и площадей.

Асфальтировано больше десятка площадей, больше двух десятков центральных улиц и набережных Москвы-реки. За эти пять лет было покрыто асфальтом около 3 млн. м².

Для освобождения города от дальнепривозного топлива издано было постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о расширении предприятий по теплофикации и энергоснабжению. В осуществление этого московскими строителями проведена большая работа. Мощность теплоэлектроцентралей в 1940 г. доведена до 235 тыс. квт. В настоящее время развернуто строительство новых пяти теплоэлектроцентралей и реконструируются три старые с расширением их.

Кроме удвоенного по мощности газового завода, в Москве строится новый, который с введением одной первой очереди его даст газа столько же, сколько его потребляет сейчас вся Москва.

За пятилетнюю работу по осуществлению генерального плана реконструкции Москвы широко шло строительство культурных учреждений и больниц. За это время построено 379 школ, где обучается 70% всех детей города Москвы, большое количество детских садов и яслей, 7 бань, 6 прачечных, 29 больниц, 11 родильных домов и 2 диспансера. За эти пять лет количество больничных коек увеличилось до 7 500, выросло число мест в яслях больше, чем в 12 раз; по сравнению с 1935 г. в 2 с лишним раза выросли расходы на здравоохранение.

За эти годы построено 3 больших театра и 5 кино.

Коренное изменение произошло и в московском городском транспорте. Сильно изменилась техническая его оснащенность, увеличилось количество московских трамваев, появились новые виды транспорта: троллейбусы, автобусы и таксомоторы. Но самым совершенным видом транспорта по культуре и удобству является, конечно, метро.

Постройка первой и второй очереди метрополитена внесла огромную культуру в работу городского транспорта в Москве. Наш метро работает без перебоя, из года в год повышая удельный вес перевозок пассажиров города. Он перевозит около 350 млн. пассажиров в год, что составляет 17% общего количества пассажиров в Москве. А с пуском в эксплуатацию в 1941 г. новых радиусов — Покровского и Замоскворецкого — удельный вес перевозок пассажиров по метро еще больше увеличится. Перед строителями метро стоит большая задача. Намечено строительство новых линий и прежде всего для соединения через центр

Москвы групп предприятий, расположенных в Краснопресненском и Первомайском районах. Стоит на очереди также задача постройки кольцевой магистрали в обход центра города, а также строительство большого диаметра метро от сельскохозяйственной выставки до Ленинских гор через центр города.

Несмотря на рост нашего городского транспорта и резкое улучшение его технического снабжения, в работе городского транспорта имеются крупнейшие недостатки, которые снижают качество обслуживания трудящихся Москвы. Недостаточна культура в работе трамваев, автобусов и таксомоторного парка. Это не дает возможности культурно и полностью обслужить население города Москвы.

Задача московских организаций и всех московских работников во втором пятилетии заключается в том, чтобы вместе со строительством новых линий метро и трамваев, с увеличением автобусного и троллейбусного движения, а также и количества таксомоторов проявить твердую большевистскую дисциплину и добиться безукоризненного обслуживания населения Москвы в отношении транспорта.

Невиданный размах строительных работ по реконструкции столицы вызвал и новые, невиданные до сих пор методы работ. Многие строительные организации Моссовета перешли на поточно-скоростные методы строительства, разработанные гг. Мордвиновым, Красильниковым и Вальденбергом. Этот метод строительства, осуществляемый как бы по конвейеру, при сборности конструкций на строительной площадке, имеет огромное значение, и ему, несомненно, принадлежит большое будущее. Тем не менее при явных огромных преимуществах этого метода есть еще в настоящее время некоторые организации, которые его недооценивают.

Достаточно, казалось бы, сослаться на тот факт, что одна строительная организация Моссовета построила в 14 месяцев 10 больших домов на Б. Калужской улице с полным благоустройством улицы или достаточно посмотреть на четкое, культурное строительство без всякой штурмовщины на ул. Горького, объемом в 80 тыс. м³ каждый дом, чтобы ощутить и понять всю мощь строительства при ведении поточно-скоростного метода. К сожалению, еще многие строительные организации, в особенности организации наркоматов и ведомств и отдельные архитекторы, далеко стоят от поточно-скоростного строительства, в результате чего дома строятся по шесть-семь лет.

И даже «Строительная газета», газета архитекторов и строителей, крайне слабо занимается вопросами поточно-скоростного строительства, крайне слабо помогает строителю и архитектору в осуществлении этого метода. Она не показывает всех преимуществ его на примерах конкретного строительства в Москве.

Метод поточно-скоростного строительства является гарантией успешного осуществления всего нашего огромного строительства. Одной из задач настоящего пленума Союза советских архитекторов является указать каждому зодчему нашей страны на необходимость безотлагательно освоить метод поточно-скоростного строительства и, по примеру, арх. Мордвинова, взять инициативу в этом вопросе в свои руки.

Само собою разумеется, что огромное строительство по реконструкции Москвы привело к резкому улучшению коммунального, культурного и бытового обслуживания ее населения. Например, прирост населения по сравнению с 1913 г. увеличился в 2,5 раза и по сравнению с

1935 г. — в 1,2 раза; перевозки транспорта по сравнению с 1913 г. увеличились в 10 раз и по сравнению с 1935 г. — в 1,3 раза; среднесуточная подача воды соответственно — в 9 раз и в 2 раза; потребление энергии — соответственно в 2,1 и в 1,7 раза; отпуск газа на бытовые нужды — соответственно в 15 и в 1,7 раза.

Наши проектировщики и планировщики, инженерно-технические работники и строители, работники всех отраслей хозяйства проделали за эти пять лет огромную работу. Каждый на своем поприще, по своей специальности, со всей большевистской страстью вкладывал свою лепту в реконструкцию социалистической столицы.

Большую работу по реконструкции столицы проводит и наш боевой коллектив архитекторов и планировщиков, украшая Москву прекрасными зданиями. Такие архитекторы, как т. Чечулин, главный архитектор Москвы т. Чернышев, академики Алабян, Щусев и Колли, архитекторы Фридман, Розенфельд, Буров, такие молодые архитекторы, как Ловейко, планировщики Заславский, Талалай, Рогов, Айрбабамян и многие другие, вместе с инженерами и техниками создали и создают в нашей столице великолепные здания.

Но наряду со всеми этими достижениями есть еще много недостатков в нашем строительстве. И вот о них-то и надо резко всего сказать на нашем пленуме. Тем более резко надо сказать о них, что через год уже кончается реконструкция некоторых магистралей Москвы, а в ближайшие два-три года будут застроены и набережные Москвы-реки. Все ошибки, имеющиеся в нашем строительстве, надо острее вскрыть и по-большевистски уничтожать все плохое и все ошибочное в нашей работе.

К сожалению, много еще серости, много провинциализма и непродуманности наблюдается в нашем строительстве. В архитектуре наших домов наглядно можно видеть, как наряду с хорошими зданиями, построенными с большим вкусом акад. Щусевым, архитекторами Чечулиным и Розенфельдом, имеется много безвкусных и пошлых коробок.

Многие архитекторы работают еще механически, либо копируют наследие прошлого без критического анализа, либо создают жилые сооружения без мысли и фантазии, которые портят целые кварталы, а иногда и целые улицы Москвы. Некоторые из этих архитекторов нередко впадают в эклектизм и становятся похожими на повара Ноздрева из «Мертвых душ», который готовил для своих господ кушанья из того, что ему попадется под руки: перец, так перец, капуста, так капуста, ветчина, так ветчина, а в результате получалась мешанина. Так вот и эти проектировщики берут понемногу от одного стиля, от другого, от третьего, все это сшивают бельми нитками, а в результате получается большая мешанина. Другие архитекторы, ленивые мыслью и бедные фантазией, пытаются отыгаться на богатой отделке, на богатстве материала. Такие «богатые» здания зачастую не могут сравниться со зданиями, построенными из простого кирпича, но которые играют своей красотой. Примером плохого проектирования может служить дом № 47/69 на Н. Слободской улице. Он спроектирован в мрачных кубических формах. Ни радости, ни мысли в этом доме не заложено. Как будто автор, отчаявшись сделать что-нибудь красивое, задумал уподобиться Герострату и прославить себя созданием исключительно безрадостного здания.

Как неудачу можно привести и дом арх. Луцкого в Глинищевском пер. или дом Ефимовича на Ленинградском шоссе.

Товарищи, надо честно отнестись к критике и покончить с ошибка-

ми. Вы можете создать красивые сооружения, достойные нашей эпохи, но много еще имеется у нас, к сожалению, домов с очень слабой архитектурой. Иные думают, что хорошо бы остановить строительство на год-два и тогда создать такую улицу или площадь, каких еще мир не видал. Иные полагают, что силу и мощь нашей эпохи можно выразить только в зданиях грандиозной мощности и высотности. Как те, так и другие глубоко заблуждаются. Жизнь идет вперед, и остановить строительство Москвы нельзя, как нельзя остановить и строительство нашей страны. Стало быть, предложение этих товарищей остановить на годик-два строительство не отвечает нашей жизни. Таким товарищам можно дать совет: не отставать от жизни, не отставать от строительства, а идти в ногу со строительством и обязательно даже опережать его.

Также неправы товарищи, которые думают, что мезвчайными объемами и протяженностью здания можно выразить величие нашей эпохи. Пора нам отказаться от домов казарменного типа.

Как вы знаете, наши улицы не являются вполне прямыми. Такие улицы, как ул. Горького или Мещанская, отличаются тем, что на всем протяжении улицы упираешься то с одной, то с другой стороны в жилую застройку. Это создает какую-то замкнутость улицы, чего при проектировании нельзя не учитывать. Следует покончить с неряшливой застройкой дворов, надо обратить внимание на задние фасады. Застроенная и обстроенная хорошими фасадами Калужская улица выглядит очень нехорошо своими задними фасадами зданий, которые можно видеть с Фрунзенской набережной.

Архитектор может из сочетания легкой штукатурки с окраской и облицовочным кирпичом создать красивое здание. Проектируя и создавая здания, архитектор должен ни на минуту не забывать, что в этом здании будет жить, отдыхать и работать советский человек, и главная забота архитектора и строителя — обеспечить этому человеку благоустроенный отдых.

Советский зодчий не должен работать без мысли об удобных домах с красивой архитектурой. Забота нашей партии и правительства, богатые географические условия Москвы, богатство рельефа и воды создают такие условия, что мы вправе требовать от каждого архитектора смелого подхода к стилю советской архитектуры и к освоению всего лучшего из старого архитектурного наследства. Вся работа наших архитекторов должна ярко и осмысленно отображать нашу социалистическую эпоху. Наши зодчие должны выразить нашу современность в архитектуре, они не могут создавать архитектуру в своем кабинете, они должны стоять ближе к строительству.

Слишком много у нас разговоров об ансамблевом проектировании и не мало по этому вопросу выносятся хороших резолюций. Возможности у нас для ансамблевого проектирования колоссальные. Размах нашей реконструкции такой, какого не существует нигде в мире. Поэтому пора переходить от разговоров об ансамблевом проектировании к практической реконструкции, как это делает акад. Чернышев и акад. Мордвинов. Нужно побеждать консерватизм и трудности, встречающиеся на их пути.

Не должно быть отставания планировочных вопросов от вопросов проектирования. Планировочные вопросы должны решаться раньше, чем вопросы проектирования, и отдел планировки должен в ближайшие месяцы ликвидировать это отставание.

Наши архитекторы почти не занимаются малой архитектурой. А ведь малая архитектура так же организует и украшает город, как и архитектура большая в зданиях и сооружениях. Хорошо разработанная архитектура ограды, сквера, фонтана украшает и благоустраивает город.

От отдельных, хорошо продуманных сооружений надо переходить к смело продуманному ансамблю улиц, площадей и набережных. Надо идти к реконструкции города через красивое и удобное жилье, где работает человек. Надо, чтобы каждая улица и площадь Москвы отражали нашу социалистическую эпоху, чтобы наши дома, наши социалистические сооружения остались памятниками на многие и многие годы.

Сталинский план реконструкции столицы придает большое значение и делу озеленения, делу создания вокруг Москвы лесо-паркового зеленого пояса для оздоровления воздуха и отдыха для населения.

Лесо-парковый пояс требует не только культурного ухода, но и всемерного дальнейшего развития. Проводимая за последнее время работа по созданию этих условий крайне недостаточна. Надо грамотно и культурно вести хозяйство, озеленяя Москву не горшками и кадучками, а развитием парков, озеленяя главные улицы и набережные Москвы-реки и Яузы, всемерно развивая зеленые куски на площадках и во дворах. Вот над чем надо работать архитектурной общественности в ближайшие пять лет.

Смелые и величественные задачи, поставленные товарищем Сталиным в генеральном плане реконструкции Москвы, успешно осуществляются, они являются повседневным отражением генеральной линии партии, являются ярчайшим выражением невиданных в истории человечества и возможных только в советском государстве побед в смысле улучшения жизни народа. Только под руководством нашей большевистской партии и советского правительства московские трудящиеся, рабочие и интеллигенция могут успешно осуществлять генеральный план реконструкции столицы.

Московские большевики, московские строители, проектировщики, все московские трудящиеся счастливы сознанием того, что им придется вести сложную работу по реконструкции столицы под руководством великого вождя и учителя. Гением Сталина создан этот величественный исторический документ. Под его руководством, при его непосредственной повседневной помощи этот документ успешно воплощается в жизнь.

Трудящиеся Москвы, вся архитектурная общественность, все специалисты-строители полны решимости и дальше по-большевистски бороться за полное осуществление генерального плана реконструкции Москвы. Многое сделано. Не меньше предстоит сделать впереди. Застройка набережных Москвы-реки и Яузы новыми красивыми домами, пробивка новой магистрали Конституции, развертывание строительства в юго-западном районе, сооружение новых путепроводов на новой магистрали Москвы, постройка новых больниц, детских учреждений и возведение величественного памятника Дворца Советов — вот важнейшие задачи в осуществлении плана столицы.

Пройдет четыре-пять лет, и еще красивее и благоустроеннее будет Москва. Нет и не будет в мире городов, подобных ей по красоте и архитектуре. И вся наша армия архитекторов и планировщиков, вся наша армия строителей и специалистов, все трудящиеся столицы еще большим сплочением своих рядов вокруг Центрального Комитета партии,

вокруг нашего вождя и учителя товарища Сталина, своей организованностью, неутомимым творческим энтузиазмом и непримиримой борьбой против врагов, против косности и консерватизма — добьются полностью осуществления величайшего сталинского плана реконструкции столицы первого в мире государства трудящихся.

ВОПРОСЫ АРХИТЕКТУРЫ В РЕКОНСТРУКЦИИ МОСКВЫ

Доклад акад. арх. К. С. АЛАБЯНА

Какой ничтожно малой величиной является в жизни Москвы, пережившей многие века, отрезок в пять лет! Тем не менее, последние пять лет, прошедшие с июля 1935 г., составили целую эпоху в истории Москвы. На наших глазах в течение нескольких лет произошло удивительное обновление старого города, скорее даже не обновление, а второе рождение огромного и сложного городского организма. На наших глазах выпрямились и раздвинулись вширь кривые улицы Москвы, раскрылись обширные пространства новых площадей, выросли новые кварталы, застроенные новыми домами, каких не знала никогда прежняя Москва, изменился не только облик отдельных частей города, изменился облик города в целом, и подчас трудно, почти невозможно, распознать в этом новом облике черты старого города.

За пять лет в Москве сделано так много, что одно только количественное перечисление проделанных работ заняло бы слишком много времени. История градостроительства во всем мире не знает подобной громадной перестройки громадного города в столь незначительный срок. Наиболее прославленные примеры городского строительства новейшего времени не идут ни в какое сравнение с реконструкцией Москвы ни по своим масштабам, ни по своим темпам, ни по своему существу.

Париж перестраивался по плану Оссмана свыше 70 лет, но этот план до самого последнего времени не был реализован до конца. Перепланировка города затронула лишь парадные части французской столицы. Рабочие же кварталы остались нетронутыми в том же состоянии, в каком они были и до начала реконструкции.

Недавняя реконструкция Рима точно так же коснулась лишь нескольких парадных улиц в центре города, ограничившись этим чисто внешним, показным эффектом.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) является важнейшим документом, который в мировой истории архитектуры и градостроительства останется самой блестящей главой. Никакая эпоха во всей истории человечества не может продемонстрировать такой образец архитектурного задания, каким является генеральный план реконструкции Москвы.

В этом постановлении Совнарком и Центральный Комитет нашей партии впервые в истории устанавливают глубокие, подлинно научные принципы архитектуры, которые совпадают с волей и интересами многомиллионного народа. В этом постановлении не только продиктовано, что и в каком количестве нужно делать, а там ясно и четко указано, как мы должны строить социалистический город.

Главнейшие пункты постановления о генеральном плане Москвы предупреждают нас, что речь идет не только о количественном выполнении плана, но и о том, что нужно создать архитектуру, целиком подчинен-

ную идею социалистического города, что мы обязаны при этом умело использовать местные природные, исторические и бытовые условия. Эти установки определяют новые качества социалистического зодчества.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) наметило совершенно конкретную программу работ по реконструкции Москвы. Кроме того, оно положило конец всем тем бесплодным дискуссиям о планировке городов и принципах расселения в городе, которые велись у нас до того среди планировщиков.

Мы получили твердую, ясную и определенную установку, которая направила нас по правильному пути.

Тов. Пронин здесь рассказал нам о борьбе с дезурбанистами и урбанистами, поэтому я не намерен подробно останавливаться на этих вопросах. Я постараюсь лишь осветить главнейшие этапы в истории строительства и реконструкции Москвы после Великой Октябрьской революции. На первом этапе все планировочные работы базировались на плане старой Москвы, никакого качественного изменения не намечалось, речь шла лишь о расширении и некотором улучшении существовавшей планировки города. Строительство шло хаотично, отсутствовала плановость, застраивались пустыри, легко осваиваемые участки. Несмотря на большой объем строительства, из-за такой разбросанности новостроек Москва не меняла своего общего облика.

Воздвигаемые сооружения отличались своим неприветливым, безотрадным и серым видом. Наряду с узко утилитарной функциональной архитектурой процветали формалистические выкрутасы. Несмотря на жестокую борьбу между функционалистами и формалистами, между ними было много общего: и тем и другим были чужды принципы социалистической культуры, от их искусства, от их творчества человеку было просто плохо.

Сегодня не приходится долго останавливаться на их теориях и доказывать убожество этих течений. Жизнь давно их изьяла из нашей практики, поэтому говорить о них — значит говорить о покойниках. Постановление Совета Народных Комиссаров и ЦК партии в корне перестроило всю нашу градостроительную практику. Архитекторы и строители, мобилизованные на разрешение вновь поставленных задач по планировке и реконструкции Москвы, за пять лет сделали очень много.

Во-первых, закончено составление генерального плана красных линий, магистралей, улиц и площадей Москвы; во-вторых, строительство сконцентрировано на основных, указанных в постановлении магистралах, площадях и набережных; и, наконец, вместо унылых серых коробок в Москве выросло немало сооружений с богатой и радостной архитектурой. Нельзя не признать с чувством гордости, что наша планировочная практика вышла на широкую дорогу большой социалистической архитектуры. Об этом свидетельствуют крупнейшие новые ансамбли, как метро и канал Москва — Волга, осуществленные в натуре, комплекс Б. Калужской улицы, величайший памятник эпохи — Дворец Советов и многочисленные отдельные сооружения, среди которых жилые дома Иохелеса, Розенфельда, Синявского, Бурова, Вайнштейна, Бумажного и др.

Из общественных сооружений нужно отметить Парк культуры и отдыха (арх. Власов), комплекс Охотного ряда — дом СТО (арх. Лангман) и гостиница «Москва» (архитекторы Шусев, Савельев и Стапран), Изокомбинат (арх. Гольц), мосты и гранитные набережные на Москве-реке.

В чем же выразился социалистический характер всех этих перечисленных построек?

Такие сооружения, как каналы и метро, в практике капиталистического строительства трактуются как строительство чисто технической, инженерной категории. Во всех главнейших городах мира — в Париже, Лондоне, Нью-Йорке — метро, которым пользуются широкие слои трудящихся, «народ», сооружаются в виде мрачных подземелий; «отцы» города не задаются целью придать им хотя бы немного привлекательный вид. Московский метро является неоспоримым достижением советской культуры. В его строительство вложено глубокое уважение и любовь к человеку, забота о нем!

То же самое можно сказать о канале Москва—Волга. Суэцкий, Панамский, Кильский каналы — все эти грандиозные сооружения являются чисто техническими; на архитектурно-художественное оформление их не потрачено ни копейки. Является ли это случайным? Конечно, нет.

Буржуазия совершенно не заинтересована в том, чтобы такие сооружения, как метро и каналы, были оформлены художественно и архитектурно, так как ими пользуются широкие массы трудящихся, а в культурном воспитании этих масс капиталисты не заинтересованы, и на это они не станут тратить деньги.

Когда я с товарищами недавно был в Нью-Йорке, мы застали там дискуссию в газетах о том, должны ли быть станции на новых магистралях метро художественно оформлены, нужно ли, чтобы там были написаны фрески, помещены скульптуры, чтобы станции имели хорошую архитектуру. Споры велись горячие, и характерно, что те, кто стоял за хорошее оформление новых станций метро, приводили пример московского метро. Однако в результате словесной дискуссии новые станции метро в Нью-Йорке были построены, как все предыдущие, т. е. они не имеют абсолютно никакого художественного лица.

Переходя к обслуживанию осуществленных в центре Москвы ансамблей, считаю правильным отметить прежде всего ансамбль Б. Калужской улицы — работы архитекторов Гольца, Мордвинова и Чечулина.

За последнее время мы очень много говорим об ансамблях, а в мастерских Моссовета у магистральных архитекторов ведется большая творческая работа. Но на практике пока что мы имеем очень мало осуществленных кусков, где по определенному, уже утвержденному проекту застраивался бы тот или иной отрезок магистрали. На Калужской улице, пожалуй, имеется первый пример, когда осуществлен ансамбль целого отрезка. Поэтому нам следует на эту работу посмотреть критически и дать ей соответствующую оценку.

Я думаю, что будет правильно, если мы в основном дадим этой работе положительную оценку. Особенно, если принять во внимание те условия, при которых приходилось строить, проектировать и осуществлять этот комплекс жилых зданий. Как известно, строительство жилых домов на Калужской улице связано с осуществлением скоростных методов строительства. Впервые, по инициативе т. Мордвинова, московская строительная организация начала применять в широком масштабе поточно-скоростной метод строительства. Архитекторам и инженерам необходимо было в очень короткие сроки подготовиться к этой серьезной задаче. Архитекторам, работающим над проектами для этой улицы, приходилось одновременно заниматься и организационными вопросами, увязывая свою работу с промышленностью и преодолевая сопротивле-

ние, которое возникало на пути осуществления поточно-скоростных методов. В этих условиях коллектив, который проектировал, строил и осуществлял указанный архитектурно-строительный комплекс, показал подлинно большевистский стиль работы. И в результате мы получили хорошие решения жилого комплекса. Положительные черты этих решений: загородная, окруженная зеленью улица, светлые жилые дома, применение на всех стройках скоростных методов строительства, прекрасные образцы ударной работы. Нужно, однако, сказать, что качество отдельных домов в этом комплексе неодинаково. Я лично считаю, что работа арх. Гольца, с точки зрения качества архитектуры, безусловно заслуживает большого внимания. Очень интересен комплекс, который спроектирован т. Мордвиновым. Несколько скучнее и менее интересна архитектура зданий, которые проектировал т. Чечулин.

Но в целом этот пример является положительным примером. Архитектура жилых зданий носит в себе черты социалистической архитектуры: вместо декоративной крикливой мишуры — художественно правдивая, радостная, богатая по форме и разнообразию архитектура.

Из крупных архитектурных комплексов в Москве необходимо еще отметить Центральный парк культуры и отдыха им. Горького, который является первым у нас примером в области планировки и строительства советских парков. Тов. Власов и его коллектив в течение нескольких лет проделали очень большую работу и в результате дали очень интересное решение, которое может служить образцом в этой чрезвычайно важной области социалистического градостроительства.

Перехожу к вопросам первостепенной важности, обусловившим основной поворот в практике нашего строительства, а именно к скоростному строительству и росту нашей строительной промышленности.

Вопросы эти давно уже назрели, и надо признать, что мы несколько опоздали с этим делом. И хотя уже в прошлом году некоторые строительные организации под руководством партии и Моссовета взялись всерьез за разрешение вопросов скоростного строительства, но, к сожалению, пока еще лишь ограниченный круг строителей уделяет им должное внимание. Необходимо, чтобы наша общественность всеми силами постаралась сделать эти методы строительства обычными на всех наших стройках, чтобы наши архитекторы не только широко применяли методы, выработанные другими, но и сами активно помогали нашему строительству своими предложениями и проектами.

Еще несколько лет назад на творческом фронте архитектуры мы имели различные группировки с самостоятельными творческими установками; сегодня мы имеем единый коллектив Союза советских архитекторов, который твердо стоит на платформе социалистической архитектуры. Такое идеологическое единение наших сил отнюдь не грозит творческому разнообразию, и мы должны всеми силами поддерживать и развивать как творческие качества отдельных мастеров, так и национальные особенности архитектуры наших шестнадцати республик. Мы должны бороться против всяких попыток введения в нашу практику штампов, против механического повторения заученных канонов и форм. Мы должны решительно отвергнуть абстрактный, нетворческий подход к разнообразным вопросам, выдвигаемым нашим строительством. Мы должны считать неправильным, когда архитектор реально стоящие вопросы пытается разрешить по-эстетски, поверхностно, не вникая глубоко в их сущность.

Далее, со всей решимостью мы должны изгонять из строительства и архитектурной практики признаки дурного вкуса. О традициях и новаторстве мы говорили на прошлом совещании—во время встречи ленинградцев и москвичей. Там почти все выступавшие по этому вопросу говорили о том, что мы очень многое из исторического наследия прошлого воспринимаем некритически. Очень часто мы некритически перерисовывали увражи, очень часто попадаем в плен к старой, прошлой архитектуре и не работаем, как новаторы, проявляем мало дерзновения в нашей работе.

Я думаю, что сегодняшний наш пленум заострит наше внимание на этом важном вопросе, и это будет касаться не только проектирования отдельных сооружений—это будет касаться и вопроса планировки Москвы в целом. Через год-два-три мы, московские строители, будем стоять перед задачей решения нового района—юго-западного. Есть опасение, что мы можем механически перенести наше представление о городе на этот новый участок. Я думаю, что следует теперь же, когда мы еще не начали строить юго-западный район, сделать несколько вариантов планировки этого района, чтобы поставить это строительство совсем по-новому, чтобы оно отвечало социалистической сущности нашей культуры.

Новаторство должно выразиться в том, чтобы мы не возвратились к конструктивизму и упрощенчеству, но в то же время вопрос освоения культурного наследия будет стоять как задача воспитания наших молодых кадров. Мы можем стать мастерами архитектуры лишь овладев культурой прошлого, но, овладев ею, мы не имеем права попасть к ней в плен.

В нашей практике последних лет мы недостаточно обращаем внимания на функциональную сторону наших проектов. С этой точки зрения отдельные жилые дома, например жилые дома на ул. Горького, страдают большими дефектами. Планировка секций в этих домах не может удовлетворить сегодня ни нас, ни жильцов. Несмотря на то, что отдельные архитекторы сыграли большую инициативную роль в разработке и применении в своих проектах новых индустриальных методов стройки, в частности поточно-скоростного метода, архитектура этих методов находится в зачаточном состоянии.

Совершенно недостаточно внимания уделяется исканию новых выразительных форм, которых требуют новые индустриальные методы строительства. Как положительный пример этой работы, я могу привести последнюю работу т. Букова над крупноблочным домом. Тов. Буков в течение последнего года сделал 3 проекта для крупноблочного строительства. Вместе с т. Блохиным они уже осуществили в Москве два типа крупноблочных домов. Таким образом, они подошли к своей задаче не механически, а постарались изучить сущность новых материалов, и, сделав 3 самостоятельных проекта, они каждый раз заново разрабатывали эту тему. Последний их проект безусловно является положительным достижением и показывает, каких интересных решений можно добиться, если ясно, четко и правильно поставить перед собой задачу. А то нередко случается, что мы, применяя новейшие индустриальные методы строительства, проектируем архитектуру с таким количеством деталей и с таким характером их, что они совершенно не отвечают ни новым методам строительства, ни тем материалам, которые мы применяем на этих стройках.

За короткий срок на базе московского строительства воспиталась и выросла многочисленная армия советских архитекторов и строителей, состоящая главным образом из молодых людей. Среди них насчитываются сотни выдающихся талантливых мастеров архитектуры, планировщиков и строителей, как, например, тт. Заславский, Чернышев, Талалай, Гиринович, Аирбабамян и др. Впервые в истории человечества вопросы архитектуры и планировки города, вопросы городского хозяйства и строительства стали делом всенародным. В каждом мероприятии, которое проводится по реконструкции Москвы, заинтересованы широкие слои населения. Каждый успех в нашем сложном деле вызывает чувство радости и гордости у граждан Москвы, каждый срыв и недочет вызывают беспокойство и живую критику. Поэтому мы, московские архитекторы, как и архитекторы других городов, обязаны крепко помнить два обстоятельства: во-первых, все, что мы строим, делается для нашего героического народа; во-вторых, мы обязаны чутко и внимательно прислушиваться к критике широкой советской общественности для того, чтобы быстрее и лучше выполнить поставленные перед нами задачи государственного значения.

Если мы сегодня можем смело заявлять о наших достижениях и успехах в деле реконструкции Москвы, то это есть результат не только большой самоотверженной работы армии архитекторов, строителей, инженеров и работников городского хозяйства, но в первую очередь — результат огромного внимания, которое уделяют делу реконструкции партия и правительство, и тех колоссальных возможностей, которые дает наш социалистический строй.

Но даже в такие юбилейные дни мы не имеем права заниматься самохвальством и успокаиваться на достигнутом. Чтобы не отстать от прогресса, который наблюдается во всех областях жизни нашей социалистической страны, мы обязаны в каждый данный момент критически анализировать состояние наших работ по реконструкции Москвы, не делая никому никаких скидок и большевистской критикой вскрывая все те дефекты, которые нам мешают. Мы — народ жадный. Когда мы достигаем намеченной цели, перед нами вырастают все новые и новые задачи, появляется желание добиться еще большего. В свете тех задач, которые указаны в постановлении СНК и ЦК ВКП(б), которые выдвинуты нашей могучей страной, наши достижения не могут нас удовлетворить. В нашей работе еще много неполадок и серьезных дефектов, которые подлежат устранению.

На планировочное управление Моссовета возложены чрезвычайно ответственные задачи. В его функции входят:

- 1) составление проектов планировки города в его отдельных районах;
- 2) разработка основных принципов застройки и архитектуры города;
- 3) разработка инженерных и транспортных проблем;
- 4) регулирование размещения общественных, жилых, культурно-бытовых и промышленных сооружений в городе;
- 5) оформление и выдача участков застройщикам;
- 6) контроль за строгим выполнением застройщиком в натуре утвержденных и принятых Моссоветом проектов.

Коллектив планировочного управления провел большую работу, в частности, им выполнена разработка красных линий, выданы и оформлены все участки по строительству, проведена большая повседневная

работа по многочисленным текущим вопросам, связанным со строительством и планировкой Москвы. Но в то же время нельзя не отметить серьезных дефектов в работе планировочного управления Моссовета.

Во-первых, отсутствует разработка основных принципов застройки и архитектуры города; в результате мы имеем архитектурную обезличку в застройке отдельных магистралей, набережных, площадей и улиц; кроме того, как в проектных заданиях, так и в реальной застройке замечается абсолютное игнорирование рельефа Москвы и Москвы-реки.

Во-вторых, у нас отсутствует четкая классификация градостроительных объектов. Площади, например, бывают общественного значения — транспортные узлы, вокзальные, набережные, предпарковые и т. д. У нас же в Москве всякая площадь трактуется магистральными архитекторами как площадь общественная и транспортная, и поэтому она не имеет никакого лица. То же относится к улицам, бульварам и т. д. Это явление я считаю весьма существенным дефектом, тормозящим и порочащим всю работу планировочного управления.

Третий очень важный дефект в работе планировочного управления — преувеличенные размеры площадей, которые уничтожают масштаб города. Примером может служить Советская площадь. Лишь недавно некоторые товарищи из планировочного управления предлагали эту площадь расширить, оставив ее в тех габаритах, которые получились после сноса некоторых окружавших ее зданий. Принимавший участие в совещании секретарь МК т. Попов сказал: «По-моему, это неправильно; ул. Горького представляет в этом месте лишь небольшой отрезок от начала Манежной площади и Охотного ряда до Пушкинской площади, и если на этом расстоянии открыть еще большую площадь, то вы убьете улицу».

Тов. Попов безусловно прав: Советская площадь в своих старых габаритах прекрасно размещается на этом отрезке ул. Горького и если ее расширить, то мы только испортим улицу.

Этот пример показывает, насколько абстрактно мы иногда подходим к решению задачи, не учитывая всей ее сложности. В самом деле, размеры некоторых площадей Москвы таковы: площадь Дворца Советов — 50 га, Красная площадь — 4,96 га, Новый Арбат — 4,2 га, Арбатская площадь — 4 га, Таганская — 1,5 га.

Размеры же зарубежных площадей с мировой известностью следующие: главный форум в Помпее — 0,38 га, Вандомская площадь в Париже — 1,78 га, площадь Согласия в Париже — 4,28 га, площадь св. Марка в Венеции — 1,28 га, площадь Кампо в Сиене — 1,26 га.

Таким образом, самая большая площадь Парижа имеет примерно 4 га, у нас же все площади имеют не меньше 4 га. Является ли это правильным решением? По-моему, нет. Здесь утеряно чувство меры и масштабности. Желая расширить узкие улицы и перекрестки старой Москвы, — что совершенно естественно, — мы попадаем в другую крайность: нам кажется, чем шире — тем лучше, а между тем габариты площади нужно обосновать функционально и рационально, не забывая, что большие площади влекут за собой очень большие расходы. Но если даже оставить хозяйственный вопрос в стороне, то все же нужно признать, что иногда большими площадями мы портим наш город. Я лично считаю, что вопрос о размере наших площадей нужно в корне пересмотреть и отчетливо определить не только характер данной площади, но и характер прилегающих улиц, являются ли эти улицы общественным или

транспортным узлом и т. д. Причем правильному решению этих вопросов очень мешает отсутствие в нашей работе проектов планировки и оформления площадей.

В нашем строительстве иной раз требуется очень быстро застроить тот или другой участок. И мы бываем вынуждены застраивать центральные наши площади, не имея никакого проекта. Яркими примерами могут служить Советская площадь и Пушкинская. Мы вынуждены были застроить их, не имея проектов. Правда, надо указать, что на любую площадь имеются у нас десятки проектов, но их никто не рассматривал, никто не критиковал и, разумеется, не принимал. Поэтому, когда необходимо срочно приступить к застройке площади, архитектор в конце концов руководствуется только своими личными соображениями. Я полагаю, что такие личные соображения можно и нужно учитывать, но только по личным соображениям того или иного архитектора строить не дозволено.

Отсутствие общего руководства со стороны планировочного управления отрицательно сказалось и на работе магистральных архитекторов, которым предоставлено право разрешать по своему усмотрению вопросы архитектуры на «своих» магистралях. К каким вредным результатам это приводит, ярким примером может служить магистраль ул. Горького — Ленинградское шоссе.

Ул. Горького — это типично городская магистраль с интенсивным движением, соединяющая один из самых крупных вокзалов Москвы с ее форумом — Красной площадью; Ленинградское шоссе, наоборот, — магистраль, утопающая в зелени, требующая применения принципов парковой застройки. А как поступили архитекторы, застраивавшие эту магистраль? Они попросту сnivelировали разницу между ул. Горького и Ленинградским шоссе.

И если на ул. Горького (в частности в последних проектах, которые рассматривались рабочей комиссией Архплана) правильно решается принцип стройки как на центральной столичной магистрали, то Ленинградское шоссе уже в значительной степени испорчено совершенно неприемлемым характером застройки: действительно, друг за другом идут колоссальные дома, с плохой архитектурой, без интересных архитектурных деталей, без учета характера местности, где имеется много зелени как на самой магистрали, так и вокруг нее.

Что же делает тов. Фридман и его мастерская, проектирующие перспективный проект застройки Ленинградского шоссе? Они не только не устраняют указанного дефекта, появившегося в результате неправильной застройки, но еще углубляют его, продолжая держать перспективу застройки Ленинградского шоссе на том же уровне. А нет сомнения, что если бы своевременно было сделано правильное указание со стороны планировочного управления, Ленинградское шоссе не было бы испорчено и не продолжалась бы нигде негодная работа по его оформлению.

Возьмем другой пример: радиус Новый Арбат, Ново-Дорогомиловская улица и Можайское шоссе. Этот радиус проектировали три мастерские. Можайское шоссе протяжением в 1,3 км разрабатывалось в мастерской арх. Бумажного; Ново-Дорогомиловская улица (протяжением в 800 м) — в мастерской тов. Чечулина; Новый Арбат (1,6 км) — в мастерской тов. Чернышева.

Все эти улицы непосредственно продолжают одна другую, образуя

новую радиальную магистраль. Магистраль решена линейной застройкой с большими отступами от красных линий. Композиционный принцип, по существу, на всех отрезках магистрали один и тот же: жилые дома сгруппированы отдельными архитектурными комплексами с симметричной композицией.

Каждый из этих трех отрезков представляет самостоятельную композицию, законченную внутри себя, но в то же время нет принципиального отличия в застройке их. Хотя на участке Можайского шоссе некоторая разреженность и введена, но ни по приемам застройки, ни по этажности, ни по масштабности этот участок ничем не отличается от Ново-Дорогомиловской и Ново-Арбатской улиц.

Мы должны отметить высокое качество архитектуры и мастерства разработки отдельных участков этой магистрали. Но нельзя не сказать, что и здесь нет правильного разрешения магистрали в целом. А ведь Новый Арбат является головной частью магистрали, подводящей непосредственно к самому центру города. Будучи посвящена идее Сталинской Конституции, ул. Новый Арбат в проекте не отражает столь важного момента. При застройке Нового Арбата не соблюдена даже ориентация на страны света: принятая ленточная застройка приведет к тому, что 50% населения ее получит квартиры без солнца. Ленточная застройка на Можайском шоссе заставляет архитекторов игнорировать такой важный момент, как близость Москвы-реки. И на этом примере мы видим, что и здесь нет заранее продуманного принципа застройки этой магистрали.

Возьмем еще третий пример — Садовое кольцо. В системе Москвы оно имеет ярко выраженный характер: замечательный рельеф, прекрасная далекая перспективность, но это обстоятельство очень слабо учтено в проекте. Пересечения с ул. Горького, 1-й Мещанской, Кировской и Покровкой создают выгодные моменты для того, чтобы выделить и акцентировать это обширное кольцо. Если радиальные магистрали следует в основном застраивать по красной линии, то Садовое кольцо следовало бы построить большими курдонерами с зелеными разрывами.

И в этом случае можно смело сказать, что мы не имеем четкого представления, какие требования мы должны предъявить к Садовому кольцу с точки зрения общего образа Москвы. Поэтому каждый из архитекторов, работающих над отдельным куском Садового кольца, поступает по своему усмотрению, а как нужно делать, никто не подскажет, его работа не увязывается с работой остальных магистральных мастерских, а самое главное — проектное задание не вытекает из индивидуальных качеств данной магистрали.

Мне кажется, что в Садовом кольце ведущими моментами должны быть: во-первых, архитектурная обработка холмов; во-вторых, пересечение кольца с радиальными магистралями и, в-третьих, объемно-пространственный принцип застройки этого кольца. Эти три момента объединили бы воедино все отдельные отрезки Садового кольца.

Сравним две уже почти осуществленные магистрали Москвы: 1-ю Мещанскую и Б. Калужскую.

1-я Мещанская — это наш первый опыт, первый блин, который, надо признать, вышел комом; 1-я Мещанская — это «прейскурант» архитектурных стилей и архитектурных форм, самое невозможное сочетание архитектурных решений. Что может общего иметь архитектура дома т. Бумажного с теми домами, которые проектировали т. Джус или

т. Соболев? Если проект т. Соболева взять абстрактно, то можно сказать, что он сделан талантливо, с мастерством, но если посмотреть на Мещанскую улицу, то получается впечатление, будто этот дом заблудился, потерял адрес. Очевидно, это есть результат того, что т. Соболев не имел ясного, четкого планировочного задания; когда он проектировал, он не знал, что превратится Мещанская улица.

Дом т. Бумажного — хороший дом, хорошей архитектуры, он более правильно решает архитектуру Мещанской улицы и, пожалуй, по архитектуре дома т. Бумажного надо было бы равняться и другим. А сейчас мы видим в лесах дом, спроектированный т. Булгаковым. Почему этот дом стоит на Мещанской рядом с домом т. Бумажного? Почему рядом с домом Джуса, который оформлен однотонно, будет стоять дом в самых разнообразных раскрасках? Впечатление такое, что т. Булгаков хотел перекричать других, он строит позже всех, но кричит громче всех. Все признают, что такой дом — урод, который мы должны раз и навсегда осудить, что он не должен стоять не только в Москве, но ни в одном городе Советского Союза. В результате отсутствия общего наблюдения получилась улица, застроенная отдельными неплохими домами, но которая не к лицу социалистической Москве.

По сравнению с 1-й Мещанской Б. Калужская представляет собой первый положительный пример осуществления целостного архитектурного решения улицы. Мы можем смело заявить, что дальнейшая наша работа по ансамблям Москвы пойдет не по пути 1-й Мещанской улицы. Наш опыт в этой области достаточно убедителен, чтобы мы перестали мыслить отдельными домами, отдельными постройками. Мы имеем все предпосылки для того, чтобы изложенные в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) требования о целостном архитектурном оформлении площадей, магистралей, набережных и парков выполнить достойно нашей великой столицы. Концентрация всего строительства на основных магистралях, скоростные методы застройки, наличие магистральных архитектурных мастерских и особенно наш опыт являются совершенно достаточными гарантиями этого. Если мы поймем, что основным внешним признаком социалистического города является архитектурно-художественная цельность, тогда мы действительно сумеем на практике создать невиданные по силе и красоте магистрали и площади.

Больше внимания должны мы уделить вопросу о ширине и профиле магистралей и улиц. Всем известно, что пропускная способность магистралей возрастает не пропорционально ширине проезжей части, но у нас в Москве существует общая тенденция делать максимально широкие улицы, где надо и где не надо. До опубликования постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о генеральном плане реконструкции Москвы отдельные районные архитекторы в припадке гигантомании проектировали магистрали шириной в 100—200 и больше метров, но еще до сих пор поперечный профиль наших улиц слишком однообразен, нет никакой работы и над их покровом. Во всех наших магистралях мы имеем не только однообразную застройку, но и однообразный поперечный профиль.

А между тем правильное решение поперечного профиля улиц не только придает городу красоту, но и в значительной степени решает и организует движение по улицам и по тротуарам. Всемирно известные по своей красоте Елисейские поля в Париже, при общей ширине в 70 м, состоят из проезжей части в 25 м и тротуаров с зеленью в 45 м. Магист-

раль-диагональ в Филадельфии имеет общую ширину в 78 м со средней проезжей частью в 25 м и с боковыми проезжими частями по 7 м, т. е. всего проезжая часть имеет 40 м, а остальные 38 м отведены под зеленые полосы и тротуары. Если в первом случае для большого города с интенсивным автомобильным движением проезжая часть в 25 м мала, то проезжая часть в 40 м для самых оживленных магистралей совершенно достаточна.

У нас магистрали имеют различную ширину: Ленинградское шоссе — 108 — 120 м, ул. Горького — 59 — 38 м, Садовое кольцо — 80 — 60 м, Каляевская улица — 55 м, Можайское шоссе — 70 м. За исключением Ленинградского шоссе, все наши улицы имеют одинаковый поперечный профиль: в середине сплошную проезжую часть и по обе стороны от нее тротуары шириной в 3,6 м.

Планировочное управление до сих пор не проработало поперечного профиля. До сих пор еще не выявлено, какой ширины на магистрали должна быть проезжая часть и какой ширины тротуары, какая зелень будет на наших улицах. Я считаю, что наш пленум потребует от планировочного управления и от архитектурной общественности, чтобы на эту сторону оформления улиц обращено было особое внимание. В дальнейшем, я думаю, наши магистрали — Калужская улица, ул. Горького, Можайское шоссе — будут строиться с достаточными размерами для проезжей части, но в то же время отдавая определенную площадь под зелень и тротуары. Ведь надо признать, что, расширив в отдельных местах старые, узкие проезжие части, мы ничего не сделали, чтобы рационально организовать на них движение, а исключив зелень на этих улицах, мы не только лишили их красоты, но и сделали их опасными для пешеходного и автомобильного движения.

Я прошу, чтобы меня поняли правильно. Я считаю, что мы поступили совершенно правильно, когда в кольцо «Б» сняли слишком широкие зеленые бульвары, но сняв их и дав достаточную ширину проезжим участкам на улице, мы должны были подумать и об ее озеленении и о достаточной ширине тротуаров. В нашей работе мы должны считаться с нуждами и требованиями новой Москвы. Иногда растущие требования Москвы заставляют прибегать к хирургическим мерам, но в таких случаях мы должны новую задачу осмыслить и решить до конца.

Несколько слов о перекрестках. Они являются основной причиной задержки движения на магистралях. Для развязки движения необходимы решительные меры по переключению транспорта на различные уровни. Когда мы устроим переезды на двух уровнях, станут очевидными и преувеличенные размеры проезжей части в некоторых местах.

Перехожу к вопросам качества нашего строительства. Никто не станет оспаривать то положение, что, выстроив плохое по качеству здание, мы непроизводительно растрачиваем государственные средства, ухудшаем бытовые условия жильцов, искусственно сокращаем срок морального и технического износа здания и портим внешний вид города. Обычно у нас все внимание архитекторов и строителей обращено на качество выполнения уличных фасадов, и поэтому во всех домах качество отделочных работ по главным фасадам находится на относительно высоком уровне.

Очень важно отметить, что в массовом строительстве качество архитектурных деталей, изготовленных индустриальным способом и установленных в готовом виде на фасадах, почти всегда по качеству выполне-

ния выше деталей, сделанных вручную штукатурным способом. Безусловно хороши офактуренные сборные детали на скоростных домах по Калужской улице и на домах крупноблочного строительства.

К сожалению, у нас нередко нарушаются самые элементарные правила производства работ, и за нарушение их никто не отвечает. Например, в жилом доме Академии наук на Калужской улице балконы обработаны были штукатурными тягами на месте, причем намет наносился довольно большим слоем без выпуска арматуры, в результате чего на большинстве этих балконов появилось много сбитых углов.

В больших зданиях, особенно в жилых, абсолютно не обращается никакого внимания на дворовые фасады. Нет хотя бы элементарной заботы архитектора о том, как будут выглядеть эти дворовые фасады. На Калужском шоссе большинство домов обращено дворами на Парк культуры и на Нескучный дворец, но фасады всех этих домов лишены каких бы то ни было элементов архитектурной отделки и поражают своей исключительной неряшливостью: грязные, закопченные времянками, залитые раствором, пояски с выбитыми кирпичами, непокрытые железом, побитые плиты балконов. Прутья ограждения балкона расставлены настолько широко, что сквозь них свободно может проскочить ребенок. По краям балконов сделано покрытие железом достаточно странной конструкции, при которой вода будет сбегать под железом, а не по нему.

И над такими фасадами, как бы в насмешку, сделаны большие потоску и богатые по деталям венчающие карнизы. Архитектор не забыл о карнизах, они у него хорошо разработаны, но он ничего не сделал, чтобы дворовые фасады выглядели хорошо. А строители всю свою экономию проявили на этих несчастных дворовых фасадах. Почти такую же картину представляют собой дворовые фасады дома Академии наук по Калужской улице, 6, домов по 1-й Мещанской улице (арх. Бумажного и арх. Соболева). В домах арх. Розенфельда по Можайскому шоссе архитектура дворовых фасадов неплохо намечена в кирпиче, приятна по объемам и по детализовке, но в стройке все это выполнено неряшливо, что сводит на-нет намерения архитектора.

Если по соображениям экономии дворовые фасады не могут быть оштукатуренными, необходимо выполнять их в обыкновенном красном кирпиче, но добротнo, с соблюдением элементарных правил кирпичной кладки. Если же к этому добавить некоторую архитектурную разработку кирпичных плоскостей, можно будет получить вполне законченный в архитектурном отношении дворовый фасад, не оскорбляющий глаз живущих. В дальнейшем мы не можем допустить такого положения, чтобы дворовые фасады рассматривались и архитекторами, и строителями, и заказчиком как дело, на которое не стоит тратить денег и времени. Не нужно забывать, что во дворах играют дети, а летом там отдыхают жильцы.

Переходя к вопросу об отделке квартир, я должен сказать, что как на скоростных, так и на обычных стройках особенно многочисленны жалобы жильцов на качество строительных работ, в частности на сухую штукатурку. Листы сухой штукатурки поводит, рейки и карнизы, сделанные из недостаточно просушенного леса, рассыпаются, появляются трещины в стыках карнизов и реек. Жильцы в скоростных домах по Калужской улице и в блочных домах жалуются, что с потолков, с деревянных реек и карнизов сыплется побелка, детей нельзя укладывать

незакрытыми, так как пыль засоряет спящим глаза. Необходимо, чтобы наши строители, применяя тот или другой материал, заранее продумали и тщательно изучили качество его и только тогда вводили его в практику нашего строительства. К сожалению, в данное время мы этого не имеем. Правильно поставленная задача — избавиться от излишних мокрых процессов — практически решена на недостаточно высоком уровне, и получается, что мы только дискредитируем применение сухой штукатурки.

В домах на Можайском шоссе (арх. Розенфельд) при неплохом выполнении карнизных работ бросается в глаза нелепое выполнение лестничных площадок из метлахских плиток. В домах по Калужской улице стены лестничных клеток не оштукатурены, а облицованы кирпичом, однако низкое качество кладки с неправильно обрубленным кирпичом, с неровными швами, грязные борозды для электропроводов — все это также дискредитирует идею подобной облицовки.

На приеме делегации I-го съезда советских архитекторов тов. Молотов справедливо обвинил нас в невнимании к качеству строительства. Он требовал, чтобы мы в нашей работе руководствовались сталинской заботой о человеке, сделали бы все, чтобы создать дома, удобные для работы и для жилья. Прошло три года. За это время безусловно достигнуто серьезное повышение качества строительства, но то, что мы имеем на сегодня, далеко еще не может удовлетворить нас. Наши типовые секции жилых квартир еще страдают большими дефектами, при планировке их планировщики мало учитывают требования жильцов.

Основная причина неудовлетворительности типовых секций заключается не только в малом внимании к вопросу качества квартир, но и в том, что мы одним типом жилой секции желаем удовлетворить различные виды расселения в жилых домах.

Огромное влияние на архитектурный облик города оказывают так называемые малые формы — фонтаны, ограды, решетки, киоски, витрины и т. д. Из истории архитектуры можно привести десятки примеров, когда площадь становилась всемирно известной благодаря хорошему фонтану, удачному оформлению малых форм на ней. Достаточно указать на античные и ренессансные фонтаны и водоемы Рима (Треви, Аква Паола), на фонтаны Сиены, Перуджии, Флоренции, Тиволи, Неаполя и т. д., на средневековые фонтаны испанских и германских городов, на фонтаны XVIII в. Франции, чтобы видеть, как велика была роль фонтанов в оформлении площадей города.

Существенную роль в оформлении города играют также садовые решетки, ограды парков, садов и т. п. Мировой славой пользуются решетки и ограды Ленинграда: Летнего сада, Казанского собора, Мраморного дворца, Русского музея и т. д., выполненные выдающимися мастерами архитектуры Стасовым, Растрелли, Ринальди, Воронихиным, Росси и др. Огромное значение в убранстве города приобретает искусственное освещение, форма фонарей и реклам.

Ярким примером безобразнейшего оформления города может служить проводимая у нас окраска оград, каменных цоколей и заборов. К большим праздникам наши домоуправления начинают окрашивать ограды и каменные цоколи — обычно дегтем, в лучшем случае — масляной краской. В этом году к Первомайским праздникам ограда Александровского сада была окрашена частью в голубой, частью в черный цвет, каменные же устои этой ограды были окрашены масляной краской.

Современные ограды обычно делаются крайне невнимательно, небрежно, некрасиво и из непрочных плохих материалов. Исключением являются ограды у здания Б. Дворца труда и на Б. Калужской улице.

Архитектурно-художественное оформление киосков и павильонов стоит у нас на чрезвычайно низком уровне. Проекты подчас составляются случайными людьми, а система утверждения этих проектов не обеспечивает должного их качества. В Москве существует целая армия так называемых «оформителей», среди которых насчитывается немало талантливых и серьезных людей, но некоторая группа оформителей рассматривает свою работу, как средство легкого заработка; вот эти-то молодцы берутся за все, что угодно, делают очень быстро, умеют дорого за эту работу получить, но зато они портят наши бульвары, наши скверы и наши площади.

Повидимому, существует такое ошибочное мнение, будто малым формам требуются и малые таланты. Иначе непонятно, как мы не сумели до сих пор организовать, чтобы эти малые формы, которые влияют в большой степени на весь облик города, проектировались лучшими мастерами Москвы.

В результате наша столица изобилует чрезвычайно большим количеством киосков самых разнообразных видов, которые, будучи разбросаны в городе, создают картину полного художественного беспорядка. Достаточно указать на такие примеры, как группы киосков, расположенные у Никитских ворот, на Тверском бульваре около памятника Пушкину, у Покровских ворот и т. д. Очевидно, что организации Моссовета уделяют этому вопросу далеко не достаточное внимание.

Так же мало внимания до сих пор уделялось проблеме художественного оформления поверхности города, покрытию наших улиц и площадей, которые сейчас залиты однообразным серым асфальтом.

Решая художественный образ города, было бы неправильно ограничиваться только вопросами внутреннего благоустройства и оформления улиц, не заглядывая внутрь квартала.

Следует прямо сказать, что в Москве в новых жилых домах до сих пор нет ни одного совершенно законченного двора. Всегда что-нибудь да недоделано. Наши строители при составлении сметы ни в коем случае не пропускают статьи планировки участка, устройства дорожек, посадки зелени и т. д. А когда строительство заканчивается, они опять-таки этой статьи не забывают, но за счет нее они покрывают всякие другие расходы, а объекты, включенные в эту статью, не стараются даже припомнить.

Я считаю, что никто не имеет права пользоваться этой статьей как резервной, как будто она написана для того, чтобы отпускаемые по ней деньги тратились по усмотрению начальника строительства. Вот откуда идет неряшливый вид московских скверов и бульваров, неприглядный вид и запущенность отдельных дворов, убогие, захолустно-провинциального типа ларьки и киоски, отсутствие ухода за зеленью.

И внешний вид наших домов также оставляет желать очень многого. Считается почему-то, что можно ограничиваться обновлением и покраской дома от сезона к сезону, и вообще внимание к дому уделяется тогда, когда приступают к так называемому ремонту, когда райсовет отпустил деньги, смета утверждена и трест взялся за работу. Между тем дом требует, в полном смысле слова, ежедневного ухода как внутри,

так и снаружи. За этим должны следить органы жилищного хозяйства, и домоуправления, и милиция, и дворники.

Необходимо установить в столице строгий надзор за техническим, эстетическим и санитарным состоянием всех строений, внутренних дворов, киосков, ларьков, вывесок и т. д. Успех нашей работы в большей степени зависит от того, как мы нашу работу организуем, насколько правильно расставим силы, насколько целесообразно используем наши кадры.

Боюсь, что в этом вопросе у нас дело обстоит не совсем хорошо. Обычно эти вопросы решаются у нас совершенно случайно. Только руководитель мастерской знает, кто проектирует то или другое сооружение, никем это не проверяется, и в результате очень часто большие ответственные сооружения на магистралях и площадях строятся по проектам плохого, низкого качества. Я полагаю, что если проектное управление усилит контроль в этой части и будет проверять, кому руководитель мастерской поручает составление того или другого проекта, мы сумеем крепко помочь московскому строительству в деле поднятия архитектурного качества наших построек.

Отрицательное влияние на качество наших проектов имеет также и штурмовщина, которую необходимо изжить в нашем проектировании возможно скорее. Заказчики, с одной стороны, проектное управление, с другой, очень часто затягивают свои задания, и архитектору приходится наспех составлять проект. Часто приходится приступать к строительству, даже не имея проработанных проектных материалов, и в результате такой спешки мы вынуждены осуществлять сооружения низкого качества.

Поэтому принятое в последнее время постановление президиума Моссовета о проектировании впрямь является правильным решением, которое создает благоприятные условия для того, чтобы своевременно и серьезно прорабатывать проект и к строительству приступать, имея только вполне готовый, до конца продуманный проект.

Это же решение дает возможность нашим проектным организациям, в частности проектному управлению Моссовета, регулировать всю нашу проектную работу.

Мне кажется, что следует поставить перед проектным управлением Моссовета задачу, чтобы оно занималось распределением работ среди архитекторов, во избежание случайностей.

Для правильной постановки проектного дела необходимо учесть также и требования, которые связаны со специфическими вопросами индустриализации строительства. Мы должны при проектировании учитывать как типовые конструкции, так и стандартные изделия, которые выпускает наша строительная промышленность, и тем самым создать все необходимые условия, чтобы на базе промышленности осуществлять проекты индустриальными методами.

Кроме того, мы должны организовать нашу работу так, чтобы возможно быстрее проектировать. Конечно, мы должны ускорить проектирование, не ухудшая его качества. Качество и быстрота проектирования не исключают друг друга, а в наших условиях являются обязательным дополнением друг друга.

Планы и программы планировочного и проектного управлений необходимо уточнить и перестроить с таким расчетом, чтобы подлежащие в первую очередь застройке главные магистрали, площади и набережные:

были своевременно обеспечены разработанными и утвержденными проектами. Я считаю, что в план работы планировочного управления, как главнейшую задачу, нужно включить следующие вопросы: во-первых, разработку основных архитектурных задач строительства Москвы, во-вторых, проработку поперечных профилей первоочередных магистралей и архитектурных решений площадей.

Проектному управлению следует перестроить работу мастерских так, чтобы обеспечить лучшие условия для творческой работы и привлечь к проектированию конкретного строительства наиболее талантливых архитекторов. Такая перестройка должна ликвидировать чрезмерно разросшиеся штаты отдельных мастерских и организационно обеспечить нормальную работу небольших мастерских в 30—40 чел.

Необходимо также организационно укрепить и усилить экспертно-технические советы. У нас в Москве завелась группа людей, специальность которых заключается в экспертизе. Одни и те же лица состоят членами технических советов различных наркоматов. Большинство из них давно порвали всякую связь со строительной и проектной практикой. Не пользуясь необходимым авторитетом среди архитекторов и строителей, они, однако, имеют возможность решать, по какому проекту должно строиться то или иное воздвигаемое сооружение в Москве. До утверждения проекта должна быть осуществлена своего рода профилактика дурного вкуса и низкого качества архитектуры. Если наша технические советы будут работать по-новому, если там будет вестись решительная борьба против низкого качества архитектуры, то можно с уверенностью сказать, что в Москве не будут строиться по плохим проектам плохие дома. Поэтому очень важно, каковы будут наши технические советы как в Моссовете, так и в наркоматах.

Несколько слов о критике. Наша архитектурная общественность в последние годы стала ближе к практике реконструкции Москвы. Многочисленные творческие отчеты и дискуссии, обсуждения отдельных вопросов помогают отдельным архитекторам и творческим коллективам улучшить качество проектных работ. Недавняя творческая встреча ленинградских и московских архитекторов свидетельствует о высоком уровне общественной критики двух ведущих коллективов советских архитекторов. Но критика далеко еще не стала подлинным орудием творческого воспитания многочисленных проектировщиков и строителей. У нас остается старое положение: на наших собраниях мы обсуждаем какой-нибудь вопрос, но не доводим его решение до конца. Мы еще не привыкли добиваться, чтобы решения, принимаемые нами, были сообщены организациям, до сведения которых мы обязаны их доводить. В результате наша критика никакого влияния на ход проектирования или строительства не имеет.

Кроме того, здесь уместно будет сказать о некоторых болезненных явлениях в деле общественной критики. У нас до сих пор, как это ни странно, имеет место барское нетерпимое отношение к критике. Каждый раз, когда тот или другой товарищ слышит о себе общественную критику, он считает, что эта критика «не товарищеская», не дружеская и пытается рассматривать ее как критику, которая имеет целью его дискредитацию как архитектора. Я считаю такое отношение к критике неправильным. Нельзя сказать, что наша критика необъективна, что она не помогает отдельным архитекторам выправлять отдельные ошибки, не способствует их росту. Единственно, в чем можно обвинить нашу

критику, это в том, что она недостаточна, что нет в ней необходимой остроты. Тем же, кто боится критики, надо сказать, что они, очевидно, не привыкли слышать товарищескую, дружескую критику. Если они будут прислушиваться к такой критике, они извлекут из этого всяческую помощь.

В своем докладе я попытался остановиться на первоочередных задачах реконструкции Москвы. Но реконструкция Москвы охватывает такое количество вопросов, что в одном докладе невозможно хотя бы кратко высказаться о них. Поэтому я ограничился отдельными важнейшими вопросами. Отдавая должное историческому постановлению ЦК партии и СНК о плане реконструкции Москвы, сделаем для себя необходимые выводы. Я думаю, что эти основные выводы сводятся к следующему.

Проектируя отдельные сооружения, мы должны помнить, что каждое здание стоит в определенных условиях. В частности, мы должны иметь в виду осуществление ансамбля на улицах и на площадях. Поэтому мы не должны думать, что нам предстоит создать только красивое, высококачественное здание, нет, мы должны помочь дать единое целостное решение на данной улице или площади.

Во-вторых, проектируя отдельный объект, надо думать, как он увязывается с городом в целом. Магистральные архитекторы должны предвидеть, как выпускаемые ими проекты будут входить в общий организм города, не абстрагировать их от города.

В-третьих, во всей планировочной и проектной работе необходимо учитывать участие факторов природы: реки, рельефа, зелени и т. д. Об этом говорится в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК.

В-четвертых, необходимо усилить борьбу за качество работы как в мастерских, так и среди отдельных коллективов, не допуская на строительные площадки ни одного неполноценного проекта.

В-пятых, мы должны всемерно содействовать дальнейшему внедрению скоростных методов в строительную практику и поднять качество строительных работ.

В-шестых, мы должны обратить больше внимания на так называемые малые формы и убранства, а также на благоустройство города.

В-седьмых, мы должны обратить особое внимание на вопрос о скульптурных монументах на наших площадях. Это дело совершенно заброшено. За многие годы нашей практики мы не создали ни одного монумента, ни одного памятника на площадях и улицах Москвы. Хотя имеется ряд проектов, но не чувствуется серьезных намерений к их осуществлению. В ближайшие годы Москва должна обогатиться новыми памятниками.

В-восьмых, пора уже нам приступить к тесной совместной работе со скульпторами и живописцами. Мы очень много говорим о синтезе трех искусств, но на практике мы до сих пор еще не научились совместно работать как дружный коллектив работников общего фронта искусства.

В-девятых, Союз архитекторов должен проявить более активное участие в деле реконструкции Москвы. Оно должно выразиться и в оказании всемерной помощи отдельным архитекторам общественной критикой, и в помощи Моссовету в борьбе за качество архитектуры столицы, и в борьбе со всеми проявлениями безответственного отношения к делу со стороны отдельных архитекторов, и в развитии архитек-

турной критики как в форме общественных просмотров, так и в печати и на технических советах.

Наконец, требуется усилить научную работу в области планировки и строительства и организовать в Москве практику опытного экспериментального строительства.

Руководители нашей партии и правительства во главе с товарищем Сталиным являются вдохновителями всех работ по реконструкции Москвы. Мы знаем, как товарищ Сталин повседневно руководит вопросами реконструкции Москвы. Каждый из нас глубоко запомнил указания тов. Молотова на приеме делегации 1-го съезда архитекторов и старается сделать соответствующие выводы в своей творческой работе.

Мы, московские архитекторы, неоднократно получали помощь от тов. Л. М. Кагановича — организатора проектных и планировочных мастерских Москвы, от тов. Хрущева, от тов. Булганина.

Московский комитет партии, Моссовет и лично тов. Щербаков и тов. Пронин уделяют повседневно громадное внимание вопросам архитектуры и строительства нашей столицы.

При такой поддержке со стороны нашей партии, правительства и его руководителей, при глубоком сознании ответственности перед нашим народом — не должно быть места никаким скидкам на объективные или иные причины, на те или иные организационные неувязки. Москва должна застраиваться сооружениями высокого архитектурного и технического качества, причем все воздвигаемые сооружения, начиная от многоэтажного дома, театрального здания и общественных сооружений до киосков на площадях, должны быть единой частью неразрывного плана реконструкции всего города.

Великий сталинский план реконструкции Москвы открыл перед архитекторами, строителями, художниками, скульпторами и работниками городского хозяйства невиданные горизонты и возможности, необозримое поле увлекательной творческой деятельности.

Вся наша страна, все передовое человечество заинтересованы в успешном строительстве и реконструкции первой в мире социалистической столицы.

Обогащенные большим опытом, мы с уверенностью можем заявить, что в ближайшие пять лет выполним стоящие перед нами задачи, превратив Москву в самую прекрасную столицу мира.

Проникнутые высокими идеями этого плана, выполняя задачи, которые возложены на нас, мы должны крепко помнить, что тем самым мы укрепляем нашу социалистическую родину и помогаем победе коммунистического общества во всем мире.

ВЫСТУПЛЕНИЯ ПО ДОКЛАДАМ

Арх. В. П. КОНДРАТЬЕВ

(Москва)

«Без критики двигаться вперед нельзя», — сказал товарищ Сталин, а потому ко многим замечаниям т. Алабяна о промахах нашего проектирования я постараюсь прибавить еще несколько.

В принятом в настоящее время плане реконструкции расположения московских улиц бросается в глаза недостаток диагоналей, прорезывающих квадраты и трапеции будущих кварталов. Ввиду этого населению придется во многих случаях идти не кратчайшим путем к намеченной цели, а по линиям в виде пилю, обходя квадраты будущих кварталов. Жаль времени, которое будет затрачено на это зигзагообразное путешествие, тогда как эти минуты могли бы пойти на полезное дело.

Досадно, если в плане реконструкции намечено испортить, что было ранее хорошо; например, предлагается закрыть ул. Врубеля в поселке «Сокол», ведущую к станции метро. Это заставит жителей Военного городка, где живет до 10 тыс. чел., делать лишний крюк в 2 км.

Москва, начатая строительством 800 лет тому назад, до сих пор имела один центр — торговый и административный, к нему тянулись со всех сторон жители и стихийно создали те тропы и дороги, которые современем обратились в радиальные магистрали. Кольца бульваров образовались уже планомерно, как линии защиты города. Теперь для всех очевидно, что одного старого центра мало. Необходимо создать районные центры, запроектировав также радиальные подъездные улицы к ним в виде звезд с шестью или восемью радиусами; в центре звезды должна быть намечена станция метро. Мое предложение сводится к запроектированию на новых линиях метро не менее 10 таких станций, на расстоянии около 8 км от центра. Таким образом, получился бы звездный план Москвы и этим он отличался бы от прочих планов всех городов мира. Мое предложение имеет в виду окраины города Москвы, где детали реконструкции еще окончательно не проработаны.

Перехожу к указаниям на промахи в проектировании и строительстве жилых домов в Москве.

Солнце, как известно, не частый гость в нашем климате, им дорожат, и жилая комната с окном на солнце привлекает каждого. Кажется нелепостью постройка дома, где кухни и лестницы расположены на солнце, а жилые комнаты выходят на север. А между тем такая постройка предполагается на оживленной магистрали Садовой-Спасской, в проектируемом громадном доме №№ 21—23—25 у Красных ворот, как раз против станции метро. Причем кухонь и лестничных окон, выходящих на солнце, в этом доме предполагается не менее 196. То же положение намечается в жилом доме на Новом Арбате. И делается это ради пустячной экономии с целью не удлинять коридора до кухни, которую можно было бы расположить на север. Этим снижается проектный коэффициент К-2, т. е. объем кубометров постройки, приходящейся на 1 м² жилой площади. Экономия, конечно, полезна, но не следует перегибать палку даже во имя экономии.

В новых московских домах наблюдается преуменьшение размера окон и их числа, как будто мы боимся солнца, у нас доминирует проблема «стены». В новостройках на ул. Горького бросается в глаза недостаток окон на фасадах, к тому же они небольшие и по ширине меньше простенков, а должно быть наоборот, как это делается в школах. Спрашивается, почему в жилище ребенка должно быть меньше света, чем в школе? И здесь и там коэффициент освещения должен быть одинаков.

Часто архитектор на генеральном плане застраиваемого участка располагает типовые секции блоков так, что окна выходят на восток и запад. Это, конечно, хорошо,

но он забывает немного изменить стандартный план в торцевом блоке, где южная сторона свободна и не застроена, и пробить в угловых комнатах окна на южную сторону. Так сделано в 63 комнатах жилищного строительства на заводе в Филиях. В этом случае головотяпство архитектора лишило 63 семьи трудящихся интенсивного солнечного света.

Кстати о форме окон. В последних стройках они делаются большей частью распахивающимися снизу доверху, без фрамуг. Все население считает такие окна неудобными и нерациональными, так как при них нет возможности ни повесить итальянские занавеси на кольцах, ни устроить занавесок в верхней части окна, так как оно открывается сразу на всю высоту. Строители часто отговариваются тем, что этот тип окон стандартный и стоит дешевле, но и тут не следует перегибать палки в погоне за дешевизной.

Форточки в подобных окнах делаются либо под самым верхом, так что их не достать даже со стула, либо в самом низу; чтобы открыть их, надо в комнате снимать цветы с подоконника или горшки и банки в кухне. Все это говорит за то, что окна надо делать обязательно с неподвижными фрамугами в одну треть высоты окна, а форточки помещать под фрамугой. Бывает и так, что окна, вытянутые длиной полойкой вдоль всего фасада корпуса, расположены в комнатах под самым потолком, а подоконник — на высоте плеча, в среднем на 1,5 м от пола; это производит гнетущее впечатление, напоминая окна конюшни. Такие окна можно видеть в многочисленных многоэтажных корпусах студенческого городка во Всехсвятском. Часто, наоборот, окна опущены очень низко от потолка (на 0,9 м), что без надобности затемняет комнату (корпус № 1 на Щукинской улице, 26).

Москва среди других столиц мира выделяется интересными, торжественными и радостными уличными демонстрациями, но наблюдать эти красивые зрелища в перспективе вдоль улицы из жилища, без наличия эркеров, невозможно. Можно смотреть на них с балконов, но только летом, остальную половину года наше население проводит в замкнутом помещении. И непонятно, почему до сих пор в нашем строительстве не применяется теплый эркер трехгранной формы, с двумя широкими косыми окнами, выдвинутыми вперед фасада на 1 м. Этот тип очень распространен в Берлине и применялся в Ленинграде.

Эркер сильно привлекает обитателей своими бытовыми удобствами: он не только открывает перспективу улицы или магистрали, но увеличивает площадь комнаты не менее чем на 2,75 м, дает комнате более полное освещение, допускает обозревать внешний горизонт на 180°, т. е. вдвое больше обыкновенного окна, и, являясь приятным дополнением комнаты, заменяет в некоторых случаях даже столовую; обставленный цветами, он оживляет комнату, придает ей уют, давая эффект зеленого уголка или зимнего садика, снабженного усиленным светом двух окон.

Очень удачные типы подобных эркеров можно видеть на старых стройках в Москве — Пушкинская улица, 22 (9 эркер), в Ленинграде — на Псковской улице, 8 (36 эркер), на улице 25 Октября, 54 (8 эркер) и т. д.

В наше советское строительство было бы желательно ввести подобные эркеры как обыденное дополнение жилища, не менее чем один на 3—4 жилые комнаты. Теперь же часто красивая перспектива улицы загромождается сильно выдвинутыми вперед пилястрами и полуколоннами, а то и совершенно ненужными колоннами (например, Ленинградское шоссе, 6—4 и др.), кроме того, это еще и затемняет комнату.

У нас только за последние три года построено несколько эркеров несколько иной формы (с узкими боковыми стеклами), что не дает полного эффекта. Имеются еще целиком стеклянные эркеры, но они зимой сильно охлаждаются и потому нежелательны. На новостройках ул. Горького совсем нет эркеров, а между тем эта магистраль особенно жизненна, она ждет эркеров, и они, я думаю, позднее будут пристроены к существующим фасадам, что вполне возможно.

Углы зданий, и особенно на магистралях, так же как и эркеры, должны бы быть обработаны так, чтобы открывать свободную перспективу улицы. Это было бы особенно интересно на таком углу, как в доме № 122 по ул. Горького, где открывается вся перспектива Ленинградского шоссе чуть не на 10 км, и добавок напротив расположен Белорусский вокзал — место встреч приезжих делегаций. Угол этот безусловно испорчен: занят ничемной лоджией с глухой боковой стенкой к вокзалу, заграждающей перспективу. То же самое надо сказать об обработке углов в доме на Калевской улице (угол Оружейного переулка): там глубокие балконы с глухими барьерами сильно укорачивают и затемняют комнаты. Жильцы указанных зданий правильно удивляются бестолковой обработке плана.

Лоджии, т. е. впадины на фасаде с балконом, — прямая противоположность эркером. В нашем климате они имеют только отрицательные показания: они уменьшают жилую площадь, дают два лишних холодных промерзающих угла в соседних комна-

тах и, к счастью, теперь уже не рекомендуются к строительству, а настроили их за последние десять лет очень много.

Открытый индивидуальный балкон безусловно приятен в быту, но есть случаи, когда длинный по фасаду балкон охватывает одновременно несколько комнат, а иногда и целый этаж, например в доме 76—94 по Ленинградскому шоссе или в доме 12 на ул. Горького, и если не сделано на нем разделений для каждой комнаты, то соседи, прогуливаясь по такому общему балкону, вольно или невольно заглядывают в вашу комнату.

Перила или ограждения балконов должны быть прозрачными, чтобы можно было видеть сквозь них улицу; но чаще ограждение делается в виде сплошных глухих бетонных стенок, и тогда жильцы используют этот образовавшийся вместо балкона ящик для склада всякого барахла.

Балкон с ажурными перилами следует украшать цветами, для чего полезно уже в проекте предусмотреть за перилами место для ящиков с землей, причем последнее желательно помещать не поверх перил, а вровень с полом, чтобы выглядел изящнее с внешней стороны и не заслоняет света внутрь.

Цветы украшают жизнь, а потому архитектор должен обдумать в проекте каждый доступный уголок или выступ на фасаде, где можно было бы укрепить ящик с цветами, даже вдоль тротуара по фасаду, не говоря уже о каждой удобной площадке двора, как бы мала она ни была по размеру.

Перехожу к недостаткам лестниц и входов в наших новых домах. Нормальный уклон лестницы 1:2 часто нарушается — ступени бывают разной высоты и нижняя ступень делается безобразно высокой — до 25—27 см (например, дом 27 на Садовой-Спасской). Выходя из дома, как бы падаешь на улицу, — это часто наблюдается и при входах в магазины.

Входные двери с улицы в наших новых домах большей частью низки — от 2 до 2,2 м, это затрудняет протаскивание шкафов, не говоря уже о пианино и роялях. На крупном жилстроительстве завода в Филых в корпусе № 11 все десять первых маршей лестниц перекрыты так низко, что, стоя на нижнем марше, упираться головою в марш вышележащий. Можно только удивляться тем, что проектирует и допускает подобные нелепости.

Широкие, но низкие окна в лестничных клетках, будучи раскрыты, часто загораживают весь проход лестницы (Шукинская, 26, корпус 1). Иногда ящики для пожарных кранов поставлены так близко у дверей, что не допускают полного открывания их (Фили, корпус № 11). В первом этаже или между первым и вторым этажами из-за отсутствия окон бывает так темно, что почтальон не может прочесть адреса (ул. Горького, дом лит. А и Б; ул. Правды, дом 2-а), и это сделано ради декоративной обработки входов.

Не следует делать входных дверей с улицы глухими и темными сверху донизу. Дефект этот встречается очень часто (например, корпуса №№ 17—25 на Шукинской, 26). Не следует также делать входные двери светлыми снизу доверху, так как нижние стекла часто разбиваются (там же, корпус № 1).

Не следует наружные ручки наружных дверей делать металлическими, квадратными в сечении с острыми углами граней или стеклянными с рельефными металлическими инкрустациями, так как металл и стекло в нашем климате неприятны для прикосновения зимою, а острые грани и фигурки царапают руки и рвут платье проходящих. Ручки следует делать исключительно деревянными самой простой, круглой и гладкой формы, без всяких точеных бунтиков или резьбы. Так поступают на всех стройках Финляндии.

Для опускания писем и газет в квартиры на наших новостройках нигде не делаются прорезы в двери так, чтобы почта попадала внутрь квартиры в прозрачный стеклянный целлулоидный или решетчатый ящик и была сразу видна жильцам. Для того чтобы узнать, пришла ли почта, нам приходится по десяти раз в день открывать наружную дверь, это — если есть наружный ящик; а если его нет и нет звонка, что очень часто случается, то приходится слышать жалобы почтальонов, что они обили себе кулаки, чтобы проникнуть в квартиру. Эта мелочь так часто волнует наших граждан, что мы, к сожалению, привыкли к этому, а звонки и внутренние ящики для писем забываем включить в смету строительства.

Номерация квартир на лестницах иногда делается не порядковая по ходу лестниц, а очень странная по столбцам расположения квартир; так, например в подъезде корпуса № 15 на Шукинской, 26, в первом этаже размещены квартиры №№ 97—114—121, выше №№ 98—115—123 и т. д. Вновь прибывшему трудно разыскать нужный номер и вдобавок над дверями входа нет ни таблички с номером корпуса, ни таблички с номерами квартиры.

Неблагополучно в наших новостройках и с вопросами санитарии и гигиены. При-

казом Наркомстроя за № 50 от 29/I 1940 г. утвержден для строительства в Москве и Ленинграде ряд типовых секций квартир. Из них по экономичности коэффициента К-2 побил рекорд план типа № 1. Но каким приемом это достигнуто? Тем, что ватерклозеты поставлены в той же комнате, где и ванна, а часть прихожей или передней соединена открытой аркой с жилой комнатой. И находятся архитекторы, которые полагают, что раз так делается в Париже, отчего же не сделать у нас? Очевидно, эти архитекторы не интересуются мнением будущих жильцов этих квартир.

Устройство ватерклозетов и ванны в одном помещении никак недопустимо. Кроме купанья, ванна часто используется и для мелкой стирки и для полоскания белья, а это требует много времени и, естественно, создает крупные неудобства для остальных жильцов квартиры. Если подобное устройство неустраимо в тесноте Парижа, то ни в коем случае оно не подходит к просторам нашей страны.

Нередко наши проектировщики допускают постановку отопительных радиаторов не под окнами, а вдоль теплой внутренней стены, где всего удобнее было бы поставить кровать (Шукинская, 26, корпус № 13).

Иногда высокая заводская труба от центрального отопления торчит среди будущего сада на солнечной стороне перед окнами жилых комнат, хотя она могла бы отлично быть слитой с фасадом или поставлена внутрь служебных углов здания.

Лбы фасадов при двухскатной крыше выглядят как-то бестолково, не оправдываются логически и некрасиво оформляются иногда целыми колоннадами (Ленинградское шоссе, 62). И все это делается только для того, чтобы избежать устройства водосточных труб на уличном фасаде. Между тем, есть и другой способ при двухскатной крыше, чтобы не делать этих труб, а именно можно вывести дождевую воду по особым незамерзающим желобам на чердаке. Так сделано было еще в 1901 г. в Ленинграде в доме 45 по просп. Маклина, и до сих пор это устройство не требовало ремонта и переделок. Вместо неуклюжих и бесполезных лбов на чердаке, поднимающихся на высоту 5 м, можно бы устроить на доме еще целый этаж, выходящий на улицу.

Звукопроницаемость стен и спокойная тишина жилища, по мнению проф. Богомольца, имеет громадное значение для состояния нервной системы и здоровья организма. Уютная и благоустроенная квартира удерживает гражданина дома; из неуютной квартиры со звукопроницаемыми стенами иногда хочется бежать, чтобы не слышать патефона или радио, грохочущих в соседней комнате. К сожалению, в наших новостройках звукопроницаемость стен далеко не совершенна. То же самое надо сказать о скрипящем паркете с разошедшимися планками, который так часто можно слышать в наших новых домах.

Дверь ватерклозета нередко устраивается так, что приходится еле-еле пролезать внутрь между дверью и унитазом.

Внутренние ручки на дверях, слишком близко поставленные к косяку, вызывают ранение рук о косяк двери. Ручку следует отодвинуть от косяка подальше, а ключевину для замка поставить отдельно от ручки.

Очень важным является вопрос о проходных комнатах. Квартиры в 2 комнаты, при необходимости каждую из них использовать как спальню, всегда удобнее иметь с отдельными входами в каждую комнату; и если 4-комнатная квартира занимает двумя семьями, по 2 комнаты для каждой, то отдельные двери в каждую комнату также необходимы. Исключение можно сделать для квартир в 3—4 комнаты, заселенных одной семьей, где средняя комната не занимается как спальня и служит столовой или гостиной; но все же ввиду возможной перемены состава семьи или въезда других жильцов желательны отдельные входы в каждую комнату.

Заселение 3—4-комнатных квартир двумя разными семьями, к сожалению, очень часто ведет к недоразумениям на почве бытовых условий, к неприятной склоке и вражде, а потому было бы целесообразно строить преимущественно самостоятельное жилье, главным образом в 2 комнаты на одну семью.

При проведении на одном из крупных заводов Москвы анкеты по вопросу о желательном размере комнат подавляющее большинство рабочих высказалось, что было бы удобнее вместо одной большой комнаты в 24 м² иметь две комнаты площадью в 10 и 14 м² с отдельным входом каждая.

Сплошь и рядом заселение дома осуществляется у нас при незаконченных фасадах и полном неблагоустройстве дворов и подъездов, когда крутом — море грязи и горы строительного мусора. В доме 26 по Жуковской улице, корпус № 14 (постройки 1938 г.) и корпус № 15 (постройки 1939 г.) заселены в феврале и марте 1940 г. Дом полон жителей, в каждом корпусе 1000—1500 чел. населения, много детей, но балконы и сейчас стоят без полов и перил, фасады не оштукатурены, и отделка фасадов наверное не будет закончена и в 1940 г. Окна зальют известкой, перебьют много стекол. Выгрузка известки из вагонов в известковые ямы произво-

дится как раз напротив корпуса № 15, и известковая пыль поднимается облаками до пятого этажа; нельзя открыть окна — столы и пол покрываются белой пылью.

Все это должно быть примером того, как не надо строить. Ведь есть полная возможность строить штукатурные леса одновременно с кладкой стен и одновременно заканчивать отделку фасада. Это облегчило бы работу каменщиков, которые теперь ведут кладку с одной руки — изнутри здания, делая невольно промахи и ошибки на лицевой стороне, которой они не видят. Этот способ одновременной постройки наружных лесов, который с успехом применялся до 1917 г., был бы рентабелен и дал бы безусловную экономию, повысил бы качество работы и здание было бы закончено наружным фасадом одновременно с крышей. Теперь же леса все равно ставятся, но по окончании каменных работ, весь затраченный на них материал пропадает, тогда как раньше доски лесов шли на внутренние работы — перегородки, черные полы и т. п.

Знаменитый ученый И. И. Мечников и ныне здравствующий академик А. А. Богомолец в своих работах по борьбе со старостью и продлению жизни определенно установили, что благоприятные санитарно-бытовые условия жилища благотворно влияют на интенсивность труда населения, его здоровье и способствуют продолжительности жизни человека.

Для успешного и более полного выявления недостатков современного жилищного строительства следовало бы периодически созывать общие собрания квартирантов — потребителей архитектурно-строительной продукции — и на этих совещаниях совместно с ее авторами выявить все ее плюсы и минусы.

Горисполкому надлежит спешно организовать новый конкурс для домов с южными фасадами на улицу и эркерами на магистралях.

Арх. В. И. НОВИКОВ

(Харьков)

Москву строит весь советский народ. Москва является всесоюзной лабораторией социалистического градостроительства. Поэтому московские архитекторы ответственны за строительство всех городов Советского Союза. Ведь это факт, что все города Советского Союза в известной мере стараются освоить тот опыт, ту практику, которая имеется в Москве, и перенести ее к себе на места. Иногда это получается удачно, когда московский опыт осваивается критически, с учетом местных условий, а иногда это выходит плохо, когда достижения и ошибки Москвы переносятся без критики.

Сейчас все больше и больше ведутся разговоры относительно того, что в Москве дело с озеленением обстоит плохо. Мы хорошо помним, как на I-м съезде советских архитекторов нас хотели убедить, что на улицах и магистралях Москвы не должно быть зелени. На плане зелени выходило как будто достаточно, а ведь в натуре зелень должна была бы быть на каждой улице Москвы.

А вот и отзывы подобных разговоров на местах. Недавно в Харькове обезобразили привокзальную площадь. Кто из нас был там, тот знает, как хорош был привокзальный сквер с большими серебристыми елями, с пестрыми клумбами и густыми кустарниками. По плану реконструкции Харькова расширение привокзальной площади и организация движения должны были идти за счет пробивки выхода на Свердловскую магистраль. Но так как на площади было тесновато, то руководство решило расширить ее за счет уничтожения сквера, ссылаясь на то, как была сделана в Москве площадь у Курского вокзала. И в результате площадь стала плохой. Некритическое перенесение неудачного опыта Москвы приводит к отрицательным явлениям на местах.

Такие факты лишний раз подчеркивают необходимость оценивать практику проектирования и строительства Москвы с учетом не только результатов застройки самой Москвы, но и опыта планировки и строительства городов всего СССР.

Вот почему настоящий пленум должен с сугубой строгостью просмотреть работу по реконструкции Москвы и вскрыть все серьезные недочеты, оказавшиеся в результате того, что целый ряд положений, выдвинутых на III пленуме нашего Союза, не проводился в жизнь.

О чем говорили здесь докладчики? Они указывали на то, что в Москве архитектура не решается пространственно, что налицо засилье «стенной» архитектуры. Некоторые архитекторы на столбах «Строительной газеты» оценивали эту архитектуру как попытку большого новаторства. Если считать новаторством все то, что кажется новым, то, быть может, такая формулировка правильна. Но мы привыкли под новаторством понимать что-то полезное, которое в корне меняет к лучшему

существующее положение. В данном случае, конечно, нужно говорить не о новаторстве, а о неправильной тенденции заменить сущность дела его показной стороной.

На III пленуме Союза советских архитекторов много говорилось о необходимости строить крупными кустами, целыми кварталами, о раскрытии квартального пространства, о пространственной архитектуре. Недавно закончился пленум архитекторов на Украине, и там подчеркивалось, что если просмотреть стенограммы всех пленумов Союза советских архитекторов, то из года в год мы повторяем одни и те же положения. Эти повторения тех же положений иллюстрируются каждый раз новыми примерами, что, конечно, характеризует нашу деятельность с отрицательной стороны. Об ансамблевой архитектуре велись пространные разговоры на встрече ленинградцев и москвичей. Мы надеемся, что ленинградцы здесь сумеют предложить целый ряд решений в порядке анализа своего практического опыта по застройке в Ленинграде целых районов и кварталов, решений, которыми можно будет воспользоваться и на строительстве Москвы. Мне хотелось бы отметить, что в самом Ленинграде взята неверная линия в отношении организации ансамбля, проектирования и строительства ансамбля. Там этот вопрос оценивается с точки зрения внешней архитектуры, раскрытия силуэтности и объемов. Я хотел бы поставить вопрос глубже. Нам надо помнить о важном пункте исторического постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР, где говорится, что решение задачи коренной перепланировки улиц и площадей Москвы должно проводиться в определенных условиях, одним из которых является перестройка коммунального, бытового и культурного обслуживания трудящихся. В этом отношении серьезное место в работе архитектора должен занять квартал, его внутренняя организация.

Я считаю правильной организацию магистралей как первоочередную задачу, решающую выявление архитектурного образа города, но эта работа не должна отрываться от организации квартала, который является частью этой магистрали и в свою очередь влияет на ее характер; причем организация квартала должна предусматривать в себе комплексное решение всех задач его внутренней структуры.

Следующий вопрос, который мне хотелось бы поставить, — это вопрос о подходах к городу. Нереальным было бы ставить перед собой задачи немедленного преобразования Москвы, чтобы в течение ближайших лет мы могли организовать и окраины города и центр, где на месте разрушаемых старых возводятся новые монументальные здания. Но, учитывая определенные возможности, мы можем без коренной реконструкции, не отбрасывая целиком старого, средствами планировки и благоустройства преобразовать по-новому то, что существует, чтобы затем в будущем уже окончательно осуществить задуманное.

Подъезжая к Москве по Курской дороге, смотришь на все пригороды и не знаешь, подъезжаешь ли ты к величайшей столице мира или к какому-нибудь областному центру. Мы должны безотлагательно продумать вопросы малой реконструкции, малой планировки, чтобы суметь при малых затратах хорошо оформить подъезды к Москве.

Не только для архитектора, но и для каждого гражданина СССР ясно, что реконструкция наших городов является серьезной отраслью строительства социализма. Огромные технические проблемы и разносторонние виды социалистического строительства здесь должны быть сопряжены с направленностью и целеустремленностью к решению образа наших социалистических городов. Отсюда возникает ряд организационных вопросов, пока еще не решенных у нас, вопросов чрезвычайно больших. Первый вопрос — о повседневном руководстве этим делом. В Москве, где партийный руководитель т. Щербаков возглавляет архитектурно-планировочный комитет, этот вопрос разрешен в законченной форме. Но мы знаем, что в этом отношении существует зияющая брешь в таких городах, как Киев, Харьков, Днепропетровск.

Огромное строительство в этих городах проходит распыленно, недисциплинированно, оно не используется в целях оформления отдельных узлов, районов, магистралей и площадей города. Руководящие организации на местах должны понять, что без их систематического, повседневного авторитетного руководства реконструкция и строительство городов не могут быть успешно осуществлены.

Следующий назревший вопрос — о городских архитекторах. Волей пленума нам надо обязать наш президиум ССА довести этот вопрос до логического разрешения. На Украине этот вопрос до сих пор никак не решен. У нас нет городского архитектора, который решал бы вопросы планировки города и застройки в соответствии с генпланами.

Существует целый ряд организационных вопросов, которые связаны с реконструкцией и строительством городов, в городе сопрягается очень много подчас противоречивых интересов, например интересы застройщиков и интересы тех, кто за строи-

тельство города отвечает, и т. д. Если даже в Москве эти условия снижают количество и качество строительства и не позволяют по-большевистски реализовать постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, то у нас, на периферии, эти вопросы стоят гораздо острее. Здесь на пленуме нужно со всей силой подчеркнуть необходимость положить конец существующей в этом отношении неразберихе. Мы должны добиться такого положения, при котором качество нашей работы поднялось бы на новый уровень, соответствующий требованиям постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о генеральном плане реконструкции Москвы.

Арх. И. В. ЛАМЦОВ

(Москва)

За последние пять лет в нашей столице проделана громадная работа, невиданная в истории по своему размаху, содержанию и по постановке задач, до неузнаваемости изменен облик города. Впервые в истории человечества записано решение о создании лесопаркового защитного пояса вокруг города. Это решение проникнуто сталинской заботой о жителях Москвы. За пять лет построены такие прекрасные водоемы, как Клязьминское водохранилище, Химкинское водохранилище и канал Москва — Волга. Осуществлены крупные автомагистрали государственного значения, которые проходят по лесопарковому поясу, связывая город с местами отдыха. В лесопарковом поясе построено большое количество новых домов отдыха. Старые дворянские усадьбы с их парками и дворцами, как Архангельское, Узкое и т. п., служат целиком для отдыха трудящихся. В лесопарковом поясе создаются новые образцовые питомники, как, например, дендрологический парк в Ленинском районе.

К сожалению, докладчики в своих докладах мало или почти совсем не останавливались на задачах лесопаркового пояса Москвы. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 июля 1935 г., определяя цели и задачи лесопаркового защитного пояса, как резервуара чистого воздуха и как места отдыха населения, обязывало московские организации, в том числе и управление планировки, к проведению в жизнь ряда мероприятий. Они должны были проработать план территории лесопаркового пояса, выработать меры по сохранению зелени и развитию зеленого строительства в органической связи с генеральным планом города; они обязаны были прекратить хаотическое строительство в лесопарковом поясе, обязаны были благоустроить и привести в надлежащее санитарное состояние ряд таких мест, которые являются как бы легкими города и прочистка которых там, где они засорены, является совершенно необходимым условием для санитарного благополучия города.

Правда, управлением планировки за эти годы проделана большая работа по составлению схемы планировки лесопаркового защитного пояса, однако в этом деле было и немало упущений. Не было должной охраны зелени, допущено было строительство ряда новых промышленных предприятий. Московские организации недостаточно боролись за своевременное прекращение этих безобразий. Плохо работали в этой части и низовые организации на местах. Лишь в 1939 г. было усилено оперативное вмешательство в текущую жизнь лесопаркового пояса со стороны управления планировки, в связи с чем поставлен был на пересмотр ряд решений МОКО, как, например, вопросы о жилищном строительстве завода, о строительстве поселка в Бутакове и др. Отдельные решения Мособлсполкома и Моссовета (как, например, отвод участка под аэродром с вырубкой леса до 200 га и проект создания в намечаемом Клязьминском лесопарке водопроводной станции с вырубкой леса до 400 га) потребовали вмешательства высших государственных и партийных организаций. Допущение строительства промышленности в юго-восточной части лесопаркового пояса (фабрики бумажная, макулатурная и др.) привело к большому промышленному комплексу, отделившему существующие лесные массивы от города.

Кроме того, в течение этого времени производилась вырубка деревьев и захламлен был ряд мест лесопаркового пояса. Так, например, в Переделкине между поселком Чобьты и Переделкино сведен почти весь лес; там же, в Переделкине, на территории б. старой усадьбы XVI в., занимаемой в настоящее время детсадом Наркомсбоза, пруд спущен и превращен в свалочное место, на берегу б. пруда поставлены уборные. Старые ворота и стена (постройки XIX в.) застроены бараками, т. е. вся территория приведена в возмутительно безобразное и захламленное состояние.

В Ховрине тубсанаторием вырублены на топливо ценные экзоты (пихта и др.), оставлено на корню лишь гнилье, пруд спущен и неблагоустроен, оставаясь и в настоящее время в заболоченном состоянии.

В целом ряде мест строительство велось без учета схемы планировки. Проект планировки ст. Химки утвержден без учета проектируемой автомагистрали и без

учета существующей зелени. Так, например, при постройке жилого дома, начатой в 1939 г., вырублено 25 крупных деревьев. Борьбы за сохранность зелени в лесопарковом поясе не велось ни местными, ни московскими организациями.

Повсеместным бичом в лесопарковом поясе является самовольное строительство, причем борьбы с этим также не велось, многие поселковые советы никаких мер не принимают. Госстройконтроль Москвы также не приступил еще к наблюдению за строительством в лесопарковом поясе и на резервных территориях. Примеров самовольного строительства очень много в каждом поселке. Укажу только на некоторые из них.

В Покровском-Глебово вся резервная территория под боком у Москвы обросла самовольщиками. В Старобеево, Красногорского района, почти половина поселка выстроена самовольно, вместе с чем сводился лес. Создалось совершенно ненормальное положение в результате организационной неразберихи в деле охраны зелени и отсутствия какого бы то ни было контроля за строительством в лесопарковой зоне.

Лишь после того, как вынесено было объединенное постановление Мосгосплана и Мособлплана от 29 апреля 1940 г., отношение к лесопарковому поясу в корне изменилось. Этим постановлением определены границы лесопаркового пояса и ответственные организации за проведение необходимых мероприятий. Но работа по проведению в жизнь этого постановления еще недостаточно развернута, и выполнение ее является в настоящее время одной из боевых задач всех московских организаций, причастных к делу организации лесопаркового пояса.

Схема планировки лесопаркового пояса, составленная управлением планировки, охватывает территорию в 138 тыс. га. Границы лесопаркового пояса определены проектом, составлен баланс территории, отдельные элементы лесопаркового пояса и зеленые насаждения равномерно распределены и окружают город могучим зеленым кольцом.

В связи с целевым назначением лесопаркового пояса зеленая площадь его должна быть увеличена с 61 до 65 тыс. га, площадь водоемов увеличивается с 2 900 до 4 900 га (почти на 69%). Эти водоемы намечены главным образом в местах, закрепленных для отдыха и спорта. Значительная часть вновь образуемых водоемов будет служить также целям сельского хозяйства. Лучшие места отдыха расположены в Клязьминском лесопарке, на Клязьминском водохранилище, в Красногорском лесопарке на р. Сходне, в Переделкине, Салтыковке, Кучине, Косине и в левобережье по Октябрьской жел. дор. В целом лесопарковый пояс должен представлять собой произведение ландшафтной архитектуры, максимально располагающее к здоровому и радостному восприятию красот природы.

В лесопарковом поясе проводятся большие работы по реконструкции железнодорожного и автотранспорта. Наряду с радиальными автомагистралями намечена окружная магистраль, которая свяжет крупные лесные массивы и места отдыха между собой. Однако работа, выполненная по планировке лесопаркового пояса, является еще далеко не достаточной. Все, что сделано до сих пор, является лишь схемой распределения территории. В дальнейшем, на основе этой планировочной схемы, должна быть развернута большая работа по созданию научно обоснованного генплана лесопаркового пояса. Для этого необходимо провести детальную планировку населенных мест и мест отдыха, приступить к разработке решений въездов в Москву, являющихся в настоящее время в большей части как бы подъездами с черного хода.

И многие другие вопросы, связанные с планировкой лесопаркового пояса, еще недоработаны. Вопросы реализации отдыха, спорта и туризма в настоящее время концентрированно не разрабатываются, никто этим делом не занимается. Многочисленные учреждения, находящиеся в ведении различных организаций и добровольных обществ, занимаются каждое самостоятельной эксплуатацией мест отдыха. Многие места отдыха уже теперь могли бы быть вполне реализованы при небольших затратах и при введении доступного скоростного транспорта, который мог бы перебрасывать большое количество населения города к этим местам.

К сожалению, до сих пор нет утвержденного плана реконструкции железнодорожного узла города, что сильно отражается и на закреплении лесопаркового пояса и на реализации его. По лесопарковому поясу необходимо развернуть большие планировочные работы и подтянуть отстающие работы по геосъемке. Сложность и актуальность вопросов, связанных с планировкой лесопаркового пояса, требуют научной разработки их, поднятой на должную принципиальную высоту. Вопросы планировки и создания лесопаркового пояса должны шире обсуждаться в нашей печати. Больше внимание должно быть уделено творческим вопросам генплана лесопаркового пояса как со стороны Союза советских архитекторов, так и со стороны Академии архитектуры.

Необходимо ликвидировать все эти недостатки с тем, чтобы через четыре-пять лет вокруг Москвы был создан лесопарковый пояс с образцовыми и культурно оборудованными местами отдыха в нем.

Проф. В. А. ВИТМАН
(Ленинград)

Сегодня мы отмечаем пятилетие исторической даты утверждения проекта реконструкции и развития города Москвы. Эта дата важна не только для города Москвы, она важна и для развития строительства во всем СССР, потому что вслед за планом Москвы был пересмотрен проект перепланировки Ленинграда и затем буквально всех городов Союза в разрезе решения тех принципиальных вопросов, которые были приняты в проекте реконструкции Москвы.

Вполне понятно, почему все советские города, все советские работники, вся советская общественность — и не только архитектурная — жадно следят за тем, что происходит в Москве, и стараются использовать ее богатейший опыт. Ведь планировке Москвы уделяется особое внимание со стороны руководителей партийных и советских организаций, и поэтому естественно, что здесь каждый вопрос получает наиболее всестороннее и правильное освещение.

Тов. Пронин указал, что, собственно говоря, началом всех работ является решение планировочной проблемы города, и предложил московскому планировочному управлению твердо держать дирижерскую палочку и ликвидировать отставание, существующее на сегодняшний день. Мы прослушали также два основных доклада, которые очень полно отразили положение строительства в Москве и обновили тот счет, который предъявляется московским архитекторам. Но, к сожалению, мы не заслушали доклада или содоклада работников архитектурно-планировочного управления, которые изложили бы эволюцию, происшедшую в планировочных вопросах за это время. Для меня совершенно ясно, что за пять лет целый ряд принятых установок мог претерпеть изменения, и нам интересно было бы познакомиться с теми перспективами и установками, которые АПУ имеет на сегодняшний день.

Тов. Алабян, предъявив к АПУ счет, содержащий очень много пунктов, все же одного пункта не указал, и мне кажется, что это не совсем случайно.

Мы много говорим об ансамбле, причем в начале ансамбль понимался как комплекс нескольких зданий на улице или площади, затем ансамбль целого отрезка улицы, а теперь уже как ансамбль всей магистрали и даже как ансамбль всего города. Здесь было отмечено, что в городе жилой дом является основным ведущим элементом, что без жилья нельзя построить город. Но жилье формирует не только одни магистрали, оно формирует главным образом квартал. А вот о квартале здесь, к сожалению, ничего не было сказано. И мне кажется, что это не случайно, потому что Москва над разработкой жилого квартала сейчас не работает, хотя несколько лет тому назад работа в этом отношении проходила довольно бурно. Желательно, чтобы эта работа вновь была поставлена на повестку дня.

Вопрос квартала не может не повлиять на общую планировку всего города. Безусловно, вопрос о плотностях решает вопрос об использовании всей территории города. В связи с новыми нормами плотностей Ленинград сейчас займется пересмотром установленных границ города.

Тов. Пронин в своем докладе ссылаясь на ранее установленную плотность — 500 чел. на 1 га. Отсюда было понятно, что ранее установленная плотность и на сегодня принимается как директивная. Так как большинство будущих кварталов сейчас застраивается по периметру 8—10-этажными домами, без всяких разрывов, то возникает вопрос, каким образом может получиться при таком строительстве плотность в 500 чел. на 1 га? Либо эта плотность будет значительно увеличена, либо, если эта плотность будет оставлена, придется ограничиться периметральной застройкой с озеленением внутри квартала и с размещением в зелени всех детских устройств.

Москвичи неоднократно выступали в печати по вопросу о необходимости включения детских учреждений в габариты здания. Но при периметральной установке в какие габариты можно вписать детские устройства? Очевидно, придется согласиться с постройкой отдельных зданий в колоссальнейшем квартале. Безусловно, на это пойдут дополнительные корпуса, которые разобьют 8—10-гектарный двор на более мелкие единицы, и в этих зданиях появятся детские учреждения.

Над вопросами квартала во всех городах СССР работают сейчас архитекторы, занимающиеся вопросами планировки городов, и мне кажется неправильным, что такой богатый и сильный коллектив, как московский, от этой задачи отмахивается.

Тов. Алябян, анализируя застройку Мещанской улицы, указал, что это выставка отдельных зданий, ничем между собой не связанных и старающихся «перекричать» друг друга. Не у всех это, надо думать, является основной задачей, но все ищут нового образа жилого дома и стараются этот образ найти абстрактно, работая только над его фасадом. В таких условиях решение не может быть найдено.

Если исходить только из того, что Калужская улица или Можайское шоссе являются основной транспортной магистралью, в таких условиях правильное решение не может быть найдено. Если же захватить проектировку и внутриквартальных территорий, то тут получаются другие возможности. На Калужском шоссе — одни возможности, на Можайском — другие, на Мещанской — третьи. И эти возможности продиктуют решение квартала, а квартал — решение дома. Тогда уже мы сумеем сказать, кто из архитекторов ответил более правильно на поставленные задачи. Сейчас же мы основываем оценку на вкусовых определениях: одному нравится одно, другому — другое, но почему то или иное более подходит, никто сказать не может.

Неправ т. Алябян, когда он выделяет юго-западный район Москвы и считает, что только здесь надо приступить к разработке проекта, дабы не произошло какой-либо ошибки, как это получилось на Мещанской улице. Когда наша экскурсия на днях проезжала по Москве-реке, мы имели возможность проанализировать начало новой застройки набережной, в районе Лужников. Разве это не новое строительство, которое по существу не считается с существующей застройкой ввиду малоценности последней? Район, который примыкает к воде и к Парку культуры и отдыха, является как бы переходной ступенью от центра к юго-западной части столицы и мог бы послужить большой школой для реальной проверки тех предложений, которые будут осуществляться в юго-западном районе. И вот при осмотре застройки этой набережной невольно в душу заползло опасение, что если в Москве есть много шоссе и если ошибки, сделанные на одном из них, могут быть исправлены на другом, то Москва-река — одна, и эксперименты следовало бы делать не по всему течению реки сразу, а выбрать отрезок ее, проверить на нем результаты и принять какие-то решения для дальнейшего оформления набережных.

Несколько лет тому назад шли разговоры о том, чтобы идти по набережным реки пирамидальной застройкой: по берегу вести более низкую застройку, в глубину давать более высокую, чтобы природный рельеф был выявлен. Когда идешь по берегам Москвы-реки и осматриваешь старые районы, то рельеф читается хорошо, но когда подъезжаешь к Киевскому вокзалу, то Дом архитектора заслоняет всю перспективу, и неизвестно, какое же здание, кроме Дворца Советов, может быть построено за ним и видимо с берега? Условия учета рельефа и сочетание с природой не выдерживаются. Было бы полезнее ограничиться более локальным элементом, довести его до конца и потом этот опыт переносить на другие районы.

По поводу того, что в Москве внутреннее благоустройство не доводится до конца, хочется сказать, что раз не решен квартал, то не может быть поставлен вопрос о квартальном благоустройстве. То, что делается сейчас, — совсем не то, о чем говорил т. Булганин на съезде Союза советских архитекторов. Он говорил, что взамен уничтожаемого на кольце «Б» бульвара будут созданы зеленые дворы, где будут играть дети. Но таких зеленых пространств внутри дворов мы еще не имеем.

Возвращаясь к первому вопросу моего выступления, считаю, что надо просить представителей АПУ высказаться здесь, на пленуме, по основным вопросам планировки Москвы, из которых важнейшие — вопрос о Дворце Советов и вопрос о внутриквартальном устройстве.

Все эти вопросы следовало бы всесторонне обсудить на пленуме и общими силами завершить большое дело реконструкции Москвы.

Художник Г. И. РУБЛЕВ

(Москва)

Тов. Алябян в своем докладе почти ничего не сказал о совместной работе художника, архитектора и скульптора. Полагаю, что работа по реконструкции Москвы не может быть проведена без ближайшего участия художников и скульпторов. Но до сих пор художники и скульпторы по-настоящему еще не привлекались к этой работе. Союз советских архитекторов также не проявил должной инициативы, чтобы включить художников в эту работу.

В настоящий момент с полной очевидностью назрела эта необходимость, причем художники и скульпторы должны привлекаться не только тогда, когда здание уже построено, а в период создания проектов домов, улиц, площадей. Только совместная

работа над проектом архитектора, художника и скульптора, на равноправных творческих условиях, может обеспечить полноценный синтез искусств.

В работах нынешнего пленума Союза советских архитекторов, посвященного пятилетию реконструкции Москвы, принимает участие и московский Союз советских художников. Московские художники уверены, что этот пленум явится подлинным началом дружеской совместной работы архитекторов и художников. Позвольте заверить вас, передовой отряд советских архитекторов, что московские художники и скульпторы с радостью включатся в работу по реконструкции нашей дорогой Москвы и постараются с честью внести свой творческий вклад в дело осуществления грандиозного сталинского плана реконструкции советской столицы, в дело создания советского социалистического стиля в архитектуре. Мы считаем, что изобразительные средства — живопись, скульптура, декоративное искусство — являются неотъемлемыми составными частями архитектуры, тесно связанными между собой; они взаимно обогащают и дополняют друг друга и должны жить вместе с самого начала в отличие от существующей практики, когда элементы скульптуры или живописи появляются в самом конце строительства, иногда в качестве заполнения свободного места, иногда для исправления той или другой неудачи.

Работа скульпторов и художников по реконструкции Москвы так же, как и работа архитекторов, должна идти по генеральному плану. Архитекторы имеют генеральный план реконструкции Москвы, он разработан на основе постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о реконструкции Москвы. Но образ красной столицы — социалистической Москвы — не может быть создан только на одном генеральном плане планировки города. Неизбежно встает вопрос о создании генерального плана изобразительных элементов, усиливающих и развивающих тематический и сюжетный облик площадей, магистралей и улиц столицы, плана с учетом освещения и озеленения города и с учетом цветового решения улиц и площадей, с учетом фактур материалов и акцентировки того или другого вида искусства: архитектуры, живописи, скульптуры.

Многие площади и улицы Москвы являются местами великих творческих событий и носят соответствующие названия: пл. Революции, пл. Восстания, Пушкинская улица и т. д. Легко представить себе разнообразные решения ансамблей то с акцентом архитектурного решения, то с доминирующим элементом пространственной монументальной скульптуры, то с акцентом на монументальную живопись.

В разных условиях должны быть применены различные приемы и решения, логично развивающиеся по плану.

Мне кажется, что изобразительные элементы в городском ансамбле должны появляться только как художественная необходимость данного ансамбля. Таким образом, все памятники прошлого и новые монументы, необходимые для создания образа социалистической Москвы, должны быть приведены в строгую систему и явиться органической неотъемлемой составной частью генеральной планировки города. Я убежден, что так должно быть, и сейчас уже есть подобное начинание — это работа по созданию генерального плана цветового решения интерьеров Дворца Советов, над которой трудится коллектив архитекторов и художников. Почему же не должен быть создан генеральный план цветового решения всей Москвы, куда войдет весь комплекс цветовых фактурных элементов? Почему не может быть создан генеральный план синтетических ансамблей нашей столицы? Почему, наконец, вопросы малых форм, витрин, киосков, вывесок, и рекламы не должны также найти свое место в генеральном плане?

Все эти элементы хотя и не решают образа города в целом, но являются огромным средством зрительного воздействия. Тов. Алабян говорил, что художники-оформители плохо осуществляют малые формы, но почему? Да потому, что нет контроля со стороны хороших художников. Это дело дано на откуп неквалифицированным работникам, среди которых нет ни хороших художников, ни хороших архитекторов.

Я думаю, что такой широкий, всеобъемлющий план должен быть создан, и к нему следует привлечь не только архитекторов и художников, но и писателей, и научных деятелей, наконец, и широкую творческую инициативу трудящихся. Такой план должен существовать и для того, чтобы легче было исправлять ошибки, которых не мало в нашей практике. Назову некоторые из них: отсутствие художников и скульпторов в работе над генеральным планом Москвы, вследствие чего не поставлен вопрос о синтезе искусств; отсутствие художников и скульпторов также и в архитектурных мастерских; привлечение художников и скульпторов к работе эпизодично от случая к случаю, обычно после того, как здание уже выстроено и заканчивается его отделка; неправильное проведение конкурсов на скульптурные памятники, когда скульптуру не дают ни место будущего памятника, ни его габариты, ни среда, в которой он должен жить.

Отсутствием генерального плана можно объяснить неправильные решения фасадов на Мещанской улице, когда, как указал т. Алабин, фасады новых домов решаются вне общей связи и представляют собой каталог разнообразных приемов. Таких примеров можно было бы привести очень много, и всем становится ясно, что нельзя так работать дальше, работать разрозненно от случая к случаю. Поэтому одной из задач нынешнего пленума должно быть создание организационных форм для совместной работы представителей смежных искусств, форм, которые крепили бы творческую дружбу коллектива архитекторов, художников и скульпторов. Комплексная работа эта выразится в участии художников и скульпторов в разработке архитектурного плана; художники будут выступать в качестве «художников города» и «художников магистралей» в существующих архитектурных мастерских. Будут организованы комплексные бригады по отдельным объектам, должны быть созданы монументальные декоративные и скульптурные мастерские при Моссовете, комплексные мастерские и т. д.

Вопрос о совместной работе художников, архитекторов и скульпторов неоднократно обсуждался на пленумах Союза советских архитекторов, теоретические выводы уже давно сделаны, но практически не сделано еще ничего. Пора перейти от совместных деклараций к совместной практической работе.

Надо заметить, что все указанные мною формы совместной работы возможны и хороши будут только при одном условии: нужно без боязни объединяться архитектору со скульптором и художником для творческой совместной работы и не бояться первых неудач и разочарований, которые вполне возможны в этом сложнейшем деле.

Необходимо больше уважать друг друга и учиться друг от друга всему лучшему, кому бы это лучшее ни принадлежало.

Я обращаюсь к архитекторам с призывом смелее начинать работу с художниками и скульпторами, и я уверен, что при непосредственной помощи товарища Сталина и его ближайших соратников, преобразовывая Москву по сталинскому плану, творческие союзы архитекторов, художников и скульпторов превратят столицу Советского Союза в красивый цветущий социалистический город.

Арх. Л. Я. ТАЛАЛАЙ (Москва)

Начиная с 1931 г., целая армия архитекторов, инженеров, экономистов и других специалистов с большим воодушевлением разрабатывает генеральный план реконструкции Москвы — столицы величайшей в мире социалистической державы. Эта задача тем более грандиозна и величественна, что генеральный план одновременно с разработкой его претворяется в жизнь в виде больших домов, усовершенствованных уличных покрытий и таких грандиозных сооружений, как метро, канал Москва—Волга и мн. др.

Тов. Пронин в своем докладе сообщил, что за пять лет на реконструкцию Москвы затрачено около 10 млрд. рублей. Одобренный в 1925 г. сталинский план реконструкции Москвы облекается, таким образом, в осязаемые объекты.

Однако, несмотря на все эти благоприятнейшие условия, которые никогда в истории человечества не создавались, да и не могли быть созданы, наши работники неполно использовали эти возможности, допустив распыление средств, размещая подчас в переулках объекты капитального строительства. Очень много сделано за последнее время в области реконструкции Москвы, однако можно было бы сделать еще больше, если бы не были допущены эти ошибки.

Позволю себе остановиться на некоторых деталях, отрицательно влияющих на общий ход реконструкции столицы.

Дело не только в том, чтобы хорошо спроектировать здание, хотя и это достаточно трудно. Гораздо важнее, чтобы это здание хорошо построить. Нужно признать, что строят у нас зачастую неважно. Помимо пренебрежения индустриальными методами строительства, строители и архитекторы уделяют недостаточно внимания качеству строительных работ, ухудшая и без того несовершенные проекты ячеек. Если посмотреть на здание через год после вступления его в эксплуатацию, поражаешься разрушениям, которые произошли в нем за этот короткий в жизни здания период: размытые и выщелоченные фасады, сырые пятна на потолках, бездействующие ванны и уборные, не закрывающиеся оконные переплеты, перекошенные двери и т. д. Все это происходит большей частью по вине строителей, которые, будучи уверенными в своей безнаказанности, небрежно производят строительные работы и безответственно растрачивают народное состояние.

Достаточно указать, что приемка одних и тех же зданий государственным контролем бывает от 2 до 4 раз, и каждый раз происходит дискуссия, в которых строители добиваются для себя целого ряда поблажек. Как правило, большинство новостроек не сдается полностью, а с рядом недоделок: без оштукатуренных фасадов, с незаконченным благоустройством дворов и проч.

При приемке нового дома на Калыевской улице, 5, сдавались 2 секции из восьмиэтажных 4 со следующими крупнейшими недоделками: неоштукатуренный фасад, двор завален строительным материалом и мусором, обвалный барак находится в 3 м от парадной лестницы, подъехать к которой не представляется возможным. Тем не менее это здание было принято, несмотря на четкое и недвусмысленное постановление Моссовета, запрещающее приемку в таких условиях.

Такого рода приемка зданий несомненно ведет к снижению качества строительных работ.

Здесь уместно упомянуть, что благоустройство двора не делается в том объеме, как предусматривается в проекте. Если учесть тесноту двора, то благоустройство его площадки с максимальным использованием на ней зелени приобретает особое значение.

Эту практику необходимо изменить и предъявлять при приемке зданий более жесткие требования, воспитывая у строителей и архитекторов чувство ответственности за судьбу своих произведений.

Реконструкция города должна идти не только по линии нового капитального строительства. Не менее важным является благоустройство существующих кварталов и дворов. Следует иметь в виду, что основной массив старых жилых кварталов может быть не затронут капитальной реконструкцией еще десяток лет. Поэтому проведение мероприятий по благоустройству старых кварталов приобретает особенное значение. Однако в этом направлении сделано поразительно мало. Бюджетом Моссовета совсем не предусмотрены расходы по благоустройству в старых кварталах.

Конечно, здесь можно рассчитывать на самодеятельность, на инициативу населения, на известную помощь райсоветов, но вмешательство Моссовета, мне кажется, в этом вопросе должно быть более действенным. В то же время путем весьма несложных и недорого стоящих операций можно тесные, неблагоустроенные дворы старых кварталов превратить в сравнительно благоустроенные. Достаточно, например, снести группу ненужных, оставшихся от дореволюционного времени заборов, отделяющих дом от соседних, убрать некоторые мусорные ящики и таким путем организовать площадки для детских игр, мест отдыха и т. п.

В этой связи мне хотелось бы упомянуть о большом зле, наблюдающемся в практике строительства, — о самовольном строительстве. Еще до сих пор ловким людям удается засорять дворы мастерскими, гаражами и небольшими жилыми домиками даже в центре города. И это производится, несмотря на контроль и наличие органов санитарной и пожарной охраны, райжилуправления, отдела районного архитектора, специнспекции, милиции и т. д. Здесь необходимы какие-то меры, которые могли бы пресечь возможность строительства без разрешения. К сожалению, даже в случае обнаружения самовольного строительства органы прокуратуры не всегда принимают нужные в таких случаях меры.

Районные советы иногда неправильно разрешают мелкие застройки, допуская тем самым засорение дворов, нарушение элементарных норм санитарных и пожарных. Совсем недавно Советский райисполком вынес решение о переоборудовании под общежитие сарая, расположенного в 4 м от 6-этажного дома, в то время как нужно было попросту снести этот сарай.

В Москве существует «электротрансформаторная» проблема, если можно так назвать ее. МОГЭС усиленно, всеми имеющимися у него средствами сопротивляется нашим требованиям о вводе трансформатора в объем здания и ставит отдельные трансформаторные будки. По Москве имеется несколько тысяч таких будок. МОГЭС превратил этот вопрос в предмет спора с нами при всей очевидной справедливости нашей точки зрения. Это также является фактором засорения дворов.

Несколько слов о размещении школ и детских учреждений. Управление планировки Моссовета провело большую работу по вопросу дислокации школ и детских учреждений. Однако практика строительства этих учреждений не всегда совпадала с разработанной дислокацией. Подчас учитывалось не столько равномерное размещение в квартале и районе, сколько наличие пустырей. Поэтому получалось, что имеются случаи, когда рядом стоят две школы, а в районе Кузнецкого полукольца, например, не построено ни одной школы. На 1940 г. пустыри все исчерпаны, во всяком случае в пределах Садового кольца, и в этом обстоятельстве необходимо подготовиться. Одновременно необходимо заняться школьными участками, уже освоенными, расчистив их от загромождающих и засоряющих двор строений.

Я сознательно остановился на этих малозначительных, на первый взгляд, деталях и как бы малосущественных в свете больших архитектурных проблем, однако эти детали подчас настолько усложняют и ухудшают условия реконструкции города, что необходимо радикально изменить отношение к ним.

Арх. М. С. БУЛАТОВ

(Ташкент)

За истекшие пять лет проделана исключительно грандиозная работа по реконструкции Москвы. Это особенно заметно нам, работникам периферии, которые, приезжая в Москву, получают все новые и новые впечатления. И не преувеличением будет, если сказать, что опыт и достижения работников Москвы служат как бы путеводной звездой для всех архитекторов и планировщиков, работающих на местах. Мы, работники Узбекистана, в своей повседневной работе безусловно пользуемся этим опытом. И если до 1938 г. планировочное дело по Узбекистану находилось в застое, то последние два года явились в этом отношении исключительно плодотворными. В результате у нас уже разработаны генеральные планы реконструкции Ташкента, Самарканда, Коканда, Бухары, Нукуса (столицы Каракалпакской АССР), причем большинство генпроектов получило соответствующее утверждение.

Само собой разумеется, что нельзя переносить московский опыт механически на периферию. Так, например, если первоочередная застройка в Москве производится по существующим магистралям, улицам и набережным, то для Ташкента первоочередная застройка должна быть направлена на территорию Старого города, дабы в кратчайший срок уничтожить вековую разницу между старой и новой частями Ташкента.

У некоторых москвичей, работающих для Средней Азии, существует совершенно неверное отношение к нашим старым городам, ибо они предлагают сохранять эти старые города с их хаотической планировкой и азиатско-феодалной застройкой. При этом московские проектировщики, отстаивая старые кварталы, ссылаются на их «экзотичность, живописность, неповторимость» и пр. Эти товарищи забывают о живом человеке, о возросших культурно-бытовых запросах жителей Средней Азии, которые хотят иметь удобное благоустроенное жилье. Между тем проблема нового жилья в Узбекистане еще не разрешена, наши скромные попытки еще не дали положительных результатов.

Наша проектировочная и строительная практика идет по двум направлениям. Либо проектировщики берут готовые жилые ячейки европейского типа, разработанные Москвой, затем оснащают их балконами, террасами, лоджиями и говорят: «Вот жилье Узбекистана». Этот путь наиболее легкий, но неверный. Проектировщики на базе изучения старого жилья, сложившегося веками, и микроклиматических условий жилых ячеек различного типа пытаются создать жилье, в котором были бы учтены все особенности Узбекистана. К сожалению, такая работа должным образом не проводится.

На III пленуме Союза советских архитекторов мы четко договорились, что должно быть закономерно положение о городском архитекторе и какова должна быть его роль, но до сих пор это постановление не реализовано, в связи с чем, например, мы имеем в Узбекистане 10 городов, для которых проработаны уже проекты реконструкции, но в которых нет городских архитекторов. Наркомфин ради экономии исключает из штатов должность городского архитектора или устанавливает для них мизерные оклады. В результате эта экономия, конечно, превратится в свою противоположность. Надо Союзу архитекторов вплотную заняться этим вопросом.

Один из выступавших здесь ораторов затронул вопрос об участии самого населения в благоустройстве города. В Узбекистане мы этот вопрос поднимаем на принципиальную высоту. Опыт ирригационных строек большого Ферганского канала не может пройти бесследно для градостроительства. Колхозники Ферганской долины в своем письме к товарищу Сталину сказали: «С тех пор, как существуют кетмены, таких чудес не делали они, с тех пор, как труд среди людей возник, такого вдохновенного труда не знал никто, нигде и никогда». Вот каково было отношение колхозников к коммунистическому труду, и мы решили этот опыт использовать в условиях реконструкции Ташкента.

Разумеется, не следует рассчитывать на участие населения в строительстве ТЭЦ, трамвая и т. п., имеются в виду те элементарные работы по благоустройству, в которых население действительно может принять непосредственное участие. По генплану реконструкции Ташкента на территории города должно быть 19 крупных водоемов, и один из них уже построен в 1939 г. при трудовом участии населения Ташкента за один летний сезон.

В результате мы имеем так называемое Комсомольское парк-озеро с территорией около 30 га, с зеркалом воды в 10 га в том месте, где раньше были свалки. Это озеро является крупнейшим вкладом в реконструкцию Ташкента.

Мы прибегали к трудовому участию населения и в 1940 г., когда мы построили ряд набережных, бульваров, провели мероприятия по озеленению и т. д.

В жизни больших городов, и в частности Москвы, дворы не всегда отличаются хорошим санитарным состоянием. Почему же население не может принять участие в упорядочении таких дворов, в их благоустройстве и озеленении? Мне кажется, что VII пленум в своих решениях должен учесть, что коммунистическое отношение к труду, которое развернулось в солнечном Узбекистане как на ирригационных стройках, так и в градостроительстве, может найти применение и в реконструкции нашей великолепной столицы.

Художник М. С. РОДИОНОВ

(Москва)

Художников не может не волновать план реконструкции Москвы, так как они совершенно ясно осознали, что именно на их долю выпала великая честь принять участие в работе, которая останется величайшим памятником в истории человечества. Потому-то в последнее время художники так часто начинают говорить о необходимости уже организованно включить их в работу.

Чем отличается план реконструкции Москвы от перестроек и застроек других городов, которые были в истории человечества? Очевидно, не только темпами и размахом строительства и не только тем, что Москва должна быть самым удобным и красивым городом в мире, но тем, что план реконструкции Москвы должен быть насыщен великими идеями, которыми живет наша эпоха. Даже одни названия тех магистралей и улиц, которые у нас сейчас проведены или проводятся (например «проспект Конституции»), ясно говорят о том, что для выражения тематического содержания, которое в них вкладывается, недостаточно одной высокой техники и красивой архитектуры, а необходим самый тесный контакт всех искусств. Если мы посмотрим, что у нас сделано или что предполагается сделать, то мы должны сказать, что в смысле образного решения города мы сделали очень мало. Не говоря уже о 1-й Мещанской, которую т. Алабян подверг такой суровой критике, но и в проекте Нового Арбата (проспекта Конституции) нет даже попыток тематического решения. Совершенно очевидно, что это тематическое решение должно притти через синтез архитектуры со скульптурой и живописью. К сожалению, еще до сих пор архитекторы хотят использовать скульптуру и живопись только как украшение. Этот метод надо решительно осудить, так как он всегда был признаком упадка. Только в период напряженной идеологической жизни, когда возникали новые руководящие классы, ведущие для своего времени положительную творческую работу, создавались и новые сооружения, дававшие образцы синтеза, и этот синтез направлен был к тому, чтобы выразить содержание эпохи.

Что вообще у нас имеется в этой области на сегодня? Я думаю, что в основном полное отсутствие организованной совместной работы художников и архитекторов. Несмотря на это, у нас есть и удачные примеры такой работы, из числа которых можно назвать Советский павильон на Парижской выставке. Там получилось такое сооружение, где оторвать архитектуру от скульптуры и скульптуру от архитектуры нельзя, и, соединенные вместе, они усиливают друг друга, дают произведение искусства, по содержанию эмоционально действенное. К сожалению, в области живописи такую удачу указать трудно. Н. Я. Колли в статье, помещенной в «Советском искусстве», указывал на мозаики Дейнеки в метро, как на наиболее удачное произведение. Но если это удача живописца, то это неудача архитектора. Эти мозаики помещены так, что трудно их найти. В этом отношении гораздо удачнее работа арх. Щусева и худ. Лансере на Казанском вокзале. Я не хочу его оценивать как стиль, но я хочу сказать, что здесь работа художника и архитектора соединяется гораздо органичнее.

Отсутствие организации ведет к тому, что художники и скульпторы привлекаются к работе случайно. Это, конечно, не способствует возникновению синтеза, особенно если художник привлекается, когда проектирование уже закончено. К сожалению, бывают случаи, когда художник не имеет мужества отказаться от работы, хотя он сознает, что его работа в данных условиях не будет служить делу синтеза. Сейчас и художниками и архитекторами уже совершенно осознана необходимость совместной работы. Если еще наблюдается среди отдельных архитекторов психология человека, в квартиру к которому хотят кого-то вселить и он опасается за свою жилплощадь, то,

я думаю, что это отдельные случаи, с которыми даже не придется бороться, когда дело будет организационно правильно поставлено.

Конечно, организовать совместную работу двух художников из разных отрядов — дело чрезвычайно тонкое и сложное, и его административно решить невозможно. Здесь нужна предварительная, чрезвычайно внимательная работа. Как первый шаг по этому пути, Союз художников предполагает организовать монументальные мастерские. Не вдаваясь в подробную характеристику этих мастерских, укажу, что в основном предполагалось так: мастерские должны быть комплексные, т. е. там должна быть живопись, скульптура, керамика и текстиль, который совершенно необходим, когда дело коснется внутреннего оформления. Ясно, что здесь не должно быть смешано все в кучу.

Затем предполагалось, что эти мастерские должны быть проектно-исполнительскими, т. е. они не должны быть только проектными, потому что для художника часть исполнительская так же важна и представляет такую же неотъемлемую часть его творческого труда, как и его проектирование. Поэтому там должно быть сосредоточено совместное с архитекторами проектирование и возможность исполнения проектов. Затем для нас, художников, важно, чтобы кадры художников, вошедшие в эти мастерские, не отрывались от Союза, но чтобы они могли влиять в себя вновь организуемые группы и служить для воспитания новых кадров художников. Об этом я говорю только в виде предварительной заметки.

В заключение я хочу повторить то, что сказал т. Рублев, т. е. для нас совершенно очевидно, что без энергичной организационной работы, в которой должны участвовать и архитекторы и художники и которая должна начаться как можно скорее, дело не двинется с места.

Арх. Г. Т. КРУТИКОВ

(Москва)

Мое сообщение касается вопросов включения ценных архитектурно-исторических памятников в ансамбль реконструируемой Москвы и идет от лица секции по изучению русской архитектуры при Союзе советских архитекторов.

Вопросы реконструкции большой Москвы и задачи сохранения исторических памятников должны быть между собой тесно увязаны. К сожалению, в настоящее время работники этих двух ветвей одного и того же большого дела действуют не всегда согласованно. Основные причины этой несогласованности — неподготовленность ни органов охраны, ни архитекторов-планировщиков и проектировщиков к умелому научному и практическому разрешению этих вопросов. В результате — ломка ценнейших памятников. С 1917 г. по 1940 г., как это выявлено в настоящее время специальной комиссией Академии архитектуры, в Москве уничтожено 50% архитектурно-исторических памятников национальной русской архитектуры, вырваны замечательные звенья, необходимые для изучения истории и архитектурного мастерства русского народа. Между тем передовые умы человечества всех времен и народов, классики марксизма, вожди пролетариата, крупнейшие зодчие неоднократно указывали на исключительное значение высоких исторических образцов в деле создания новых архитектурных ценностей.

Постановление партии и правительства об освоении классического наследия, а также об изучении истории нашей родины должно научить нас внимательно относиться к нашим архитектурно-историческим памятникам. Эти исторические образцы должны стать живым полноправным украшением нашего современного города, мы должны перестать смотреть на них, как на «уходящую Москву».

Здесь важно осветить вопрос о количестве исторических памятников. Зачастую приходится сталкиваться с тенденциями искусственно сокращать это количество. Так, например, говорят: «Есть Новодевичий монастырь — и хватит, Новоспасский может и не существовать. Есть Кремль и Василий Блаженный — и хватит!». С таким подходом нельзя согласиться. Это все равно, как ставить вопрос: раз есть летописи Нестора, можно другие летописи уничтожить и не придавать им значения в деле изучения истории.

Отдельные предложения положительных решений о включении архитектурно-исторических памятников в ансамбль современной Москвы убеждает нас в полной возможности достигнуть замечательных результатов в сложном деле охраны ценнейшего достояния столицы Советского Союза. Блестящий пример расположения современного памятника на фоне исторического памятника дает мавзолей Ленина, расположенный на фоне старой кремлевской стены. Решение дано акад. Шусевым. Сделано это очень умело и, несмотря на то, что мавзолей Ленина невелик по своему размеру, он

несколько не теряет своей внушительности по сравнению с таким монументальным архитектурно-историческим памятником, как Кремль; наоборот, они взаимно обогащают друг друга и вместе — нашу великую столицу.

Есть пример и обратного решения — расположение исторической постройки на фоне современной. Это решение также предложено акад. Щусевым. Оно относится к небольшой шатровой церкви «на Бережке», помещенной в центре полуциркульного 11-этажного жилого Дома архитектора.

Хороший эффект создает и принцип примыкания, предложенный недавно комиссией Академии архитектуры строительству Исторической библиотеки в Старосадском переулке. Около входа в Историческую библиотеку небольшая церковь XVI в., построенная знаменитым Алевизом, разворачивается прекрасными пластическими формами белокаменных крылец, высеченных из кирпича, искуснейших порталов и замечательных наличников окон.

Этот древний памятник удивительно обогащает фасад нового здания и является подлинным архитектурно-пространственным акцентом для него. Тут необходимо сделать несколько критических замечаний по адресу Наркомпроса, который все время пытался сломать этот ценный памятник. Эти попытки продолжались до тех пор, пока Академия архитектуры не разоблачилась в этом вопросе. Выяснилось, что исторический памятник не только не мешал ничем новой постройке, но, наоборот, всячески ей помогал и в архитектурно-художественном отношении и в утилитарном, так как представляет собой совершенно огнеупорное помещение, которое может послужить для библиотеки надежным хранилищем инкунабул и других уникальных ценностей.

Прием расположения отдельных архитектурно-исторических памятников в зелени бульваров, скверов, курдонеров или внутриквартальных насаждений также может способствовать сохранению этих памятников.

Выступавшие на данном пленуме неоднократно указывали на одну из основных ошибок в планировке Москвы, на отсутствие парка в центре города. Этот парк, естественно, должен был бы зарезервировать территорию в пределах Китай-города и Садовников, что, кроме решения насущной градостроительной задачи, создало бы необходимое масштабное окружение Кремля и сохранило бы большое количество древнейших и ценнейших архитектурно-исторических памятников центра.

Таким образом, в нашем распоряжении огромный арсенал средств и архитектурных и технических, чтобы отвести от ценных архитектурных памятников угрозу уничтожения их и обогатить исторический облик города. Здесь, на пленуме, поднимался вопрос о чрезмерной ширине улиц и необъятных размерах проектируемых площадей. Этот вопрос научно еще недоработан, а в то же время эти чрезмерные величины являются экономически невыгодными для города и грозят гибелью ценным памятникам.

Возможны и хирургические приемы, не разрушающие памятника и в то же время разрешающие вопросы пешеходного движения и транспорта, как, например, выемка отдельных проемов в памятнике, использование для пешеходного движения аркад и т. п. Возможно применение и таких широко известных приемов, как использование второго уровня движения, а если нужно, то и третьего, и, наконец, передвижка здания. Одним словом, нет такого положения, когда нельзя было бы, при желании, спасти ценный архитектурно-исторический памятник. А желание может появиться только в результате знания и глубокого понимания ценности данного памятника. Это понимание достигается большой работой и над памятником и над собой, пока не откроются настоящие глаза, и не всякому дается за неприглядной замаскированной внешностью разглядеть настоящее лицо ценного памятника. Вообще же надо сказать, что наши строители и даже архитекторы совершенно недостаточно ознакомлены с ценностью архитектурно-исторических памятников нашей столицы.

К сожалению, то же самое надо сказать и о наших реставраторах. У нас в этой области имеются прекрасные работники, и отдельные работы отлично проведены в Кремле, по Василию Блаженному, в Коломенском и в других местах, но в целом это важное дело у нас еще не организовано. Никто не занимается воспитанием специальных кадров по реставрации. Вместе с тем приходится сталкиваться с совершенно неожиданными формами «заботы» о памятнике. Не так давно, например, башни Симонова монастыря были раскрашены каким-то художником широкими чередующимися полосами в три цвета: желтый, красный и синий.

Для планомерного проведения в жизнь мероприятий, связанных с изучением, охраной, реставрацией и правильным включением архитектурно-исторических памятников в ансамбли города, необходимо создание высокоавторитетных организаций.

Наши конкретные предложения сводятся к следующему:

1. Необходимо создание единого центрального государственного органа охраны архитектурно-исторических памятников, опирающегося на высокоавторитетную научную базу и обладающего полнотой власти.

2. Эта научная база должна быть создана при Академии архитектуры СССР в виде специального научно-исследовательского института по изучению и раскрытию научной ценности архитектурно-исторических памятников. Одной из первоочередных задач этого института должна быть разработка методов включения каждого конкретно охраняемого архитектурно-исторического памятника в новые городские ансамбли Большой Москвы.

3. При этом институте должны быть созданы научно-исследовательские реставрационные мастерские или лаборатории.

4. Необходимо обратить внимание органов охраны памятников на полное отсутствие элементарных мер по популяризации ценных архитектурно-исторических памятников Москвы.

5. Необходимо установить на каждом охраняемом архитектурно-историческом памятнике Москвы мемориальную доску (с обозначением названия памятника, даты его возникновения, его строителей и его архитектурно-исторической ценности и адреса госоргана, на охране которого он состоит).

Это несложное, но очень важное по своему значению мероприятие, давно уже проведенное в братских республиках — Грузии, Армении и др., до сих пор не проведено в РСФСР и в столице Советского Союза.

6. Необходимо издать популярный путеводитель по архитектурно-историческим памятникам Москвы с приложением специального плана.

7. Необходимо разработать законодательные постановления об охране и методах разборки архитектурно-исторических памятников, установив санкции за нарушение закона и самовольную разборку памятников, аналогичные с санкциями за расхищение ценной государственной собственности.

8. Признать необходимым для архитекторов-планировщиков Москвы прохождение специального минимума по ознакомлению с ценностью архитектурно-исторических памятников Москвы, поручив разработку программы этого минимума курсам по повышению квалификации архитекторов при Союзе советских архитекторов и секции по изучению русской архитектуры при московском отделении Союза советских архитекторов. Необходимо, наконец, отметить большое значение для всех поставленных вопросов массовой работы секции по изучению русской архитектуры при московском отделении Союза советских архитекторов.

9. Московскому Совету следует установить ежегодные премии за лучшие архитектурно-планировочные решения по сохранению архитектурно-исторических памятников.

Надо надеяться, что проведение в жизнь указанных мероприятий поможет правильно развертыванию реконструкции Москвы и созданию национальной по форме и социалистической по содержанию советской архитектуры, архитектуры великой сталинской эпохи, архитектуры, достойной нашей великой столицы — Красной Москвы.

Арх. С. А. ДАДАШЕВ
(Баку)

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о реконструкции города Москвы имело огромное влияние на планировку и реконструкцию городов Азербайджана и, в частности, Баку.

За прошедшие пять лет все города и населенные пункты Азербайджана получили свои проекты планировки (Кировабад, Нуха, Сальяны и т. д.). Я хотел бы остановиться на планировке Баку. Баку по численности населения является четвертым городом в Союзе после Москвы, Ленинграда и Харькова, количество его населения приближается к миллиону человек.

Планировка Баку начата в 1925 г. проф. Иванницким (Москва), и частично город застраивался по этому проекту, но впоследствии, в 1938 г., проект планировки был пересоставлен Гипрогором в Москве и в Ленинграде. Отсюда застройка Баку испытала на себе влияния московское и ленинградское. И по тому, как идет застройка Баку, надо сказать, что опыт Москвы и Ленинграда использовать надо, но умело, не копируя слепо то, что делается в Москве и Ленинграде.

Что же получилось сейчас в Баку? Есть у нас старые районы, которые занимают большую территорию. Есть и новые районы, которые до мелочей напоминают московскую Дангауэрку. Есть отдельные объекты, отдельные дома, целые комплексы жилья, которые спокойно могли бы стоять в Ленинграде или в Москве, и если не сделать надписи на фотографии, то никто не скажет, что эти дома построены в Баку.

Тов. Алабян, говоря о застройке Ленинградского шоссе, отметил, как там совер-

шенно неправильно перенесен характер застройки ул. Горького на Ленинградское шоссе.

А что мы имеем в условиях южного города, в условиях Баку? Застройка ведется только по красным линиям, одни стены — и никаких курдюнеров, ни одной зеленой площадки перед зданиями, замкнутая застройка кварталов! Это абсолютно неприемлемая застройка для южного города. До 1934 г. была строчная застройка, кое-где в натуре осуществлены эти «строчки», а впоследствии резко перешли на замкнутую застройку.

Самое недопустимое проделывается с силуэтом города. Если вы возьмете старый Баку по гравюрам, то вы увидите, что этот город имел свой силуэт и его никак нельзя было спутать ни с Тбилиси, ни с Ереваном ни тем более с Ленинградом или Москвой. Такое положение было до 80-х годов XIX столетия. Даже после 80-х годов, когда началась хаотическая застройка, архитектор все-таки выражал в своих проектах что-то близкое, подходящее к силуэту Баку. Баку расположен на амфитеатре, спускаемся к морю, и авторы проектов подчеркивали отдельные точки вертикалями.

За последние десять лет город усиленно застраивается, в особенности на окраинах, причем считается достижением, когда целые улицы протяжением в 1—2 км имеют единую линию всех домов. Боязнь вертикалей — это какая-то болезнь, и если архитектор проектирует вертикаль в здании, то трудно передать, с какими большими трудностями приходится такие проекты протаскивать. Почему это так? Честно говоря, это — влияние Москвы, влияние ее строительства за последние три года.

Отрадно было слышать, когда т. Алабян говорил, что нашим сооружениям необходимо давать определенный силуэт, чтобы они были не только плоскостными стенами на протяжении нескольких километров, но имели интересные объемы. Наши товарищи на местах должны запомнить эти слова.

Я об этом говорю потому, что места очень внимательно относятся ко всему, что делает Москва, и то, что проводится в Москве, принимается на местах часто без всякой критики.

Делегат из Узбекистана говорил здесь о трудностях застройки старого города. В старом Баку имеются большие районы, застроенные одноэтажными хибарками, почти нетронутые до сих пор, а вся новая застройка идет на новых районах.

У нас в новом жилом районе «Арменикенд» созданы исключительно благоприятные условия жизни граждан, но в центре города остается много устарелых зданий, причем в старой застройке мы имеем до тысячи человек на 1 га.

В Москве существует специальное постановление, в силу которого можно выселять граждан без предоставления им жилой площади, с определенной денежной компенсацией, а мы в Баку такого положения не имеем. Мы не можем не только сломать 4-этажный дом, как это делается в Москве на ул. Горького, но снести даже одноэтажный дом для нас является целой проблемой.

В сравнении со стоимостью жилых домов в Москве, мы в Баку, в Ереване, Тбилиси строим значительно дешевле, примерно процентов на 25—30. То, что вы имеете на скоростном строительстве, мы не можем позволить себе даже в больших и ответственных зданиях. Тов. Руднев может подтвердить, что стоимость, принятая у нас для Дома правительства за кубометр, меньше, чем для обыкновенного жилья в Москве.

Но наше положение было бы лучше и мы могли бы строить дешевле и быстрее, если бы наша промышленность повернулась лицом к строительству. Если в Москве на заводе Метростроя имеется станок, обрабатывающий мрамор (и как будто в СССР освоили строительство таких станков), то мы, к сожалению, не имеем станков для обработки наших известняков.

Баку стоит на камне. Когда вы там планируете территорию, то вы можете на месте заняться разработкой карьеров и строить. Но мы, бакинцы, сидя на камне, вынуждены прибегать к штукатурке, даже в ответственных сооружениях мы не можем дать камня.

Кстати, несколько слов о штукатурке. Один из цементных заводов, находящийся в Азербайджане (Таузский), вырабатывает цветной цемент. При растущем автомобильном транспорте ровно через год новое здание, оштукатуренное цветным цементом, особенно если его сделали офактуренным, приобретает совершенно темный цвет. Таким образом, цветная штукатурка в наших условиях себя не оправдывает. Поэтому нам необходимо подумать об облицовочных плитках, имеющих шероховатую поверхность, скорее о глазурованных плитках или о глазурованном кирпиче.

На совершенно необорудованном заводе, который делает третьесортные плитки для санитарных устройств, в прошлом году мы получили хорошую майолику. Хотя она и имеет некоторые дефекты, но все-таки этот опыт надо считать большим достижением.

Арх. С. М. ГЕОРГИЕВА

(Ашхабад)

Реконструкция нашей великой столицы является делом чести не только московских архитекторов, но и архитектурной общественности всего СССР. Мы все хотим, чтобы Москва стала самой красивой столицей в мире, чтобы социалистическая Москва явилась образцом самой прогрессивной архитектуры для архитекторов всего мира. И с большим удовлетворением мы отмечаем тот путь, который пройден в реконструкции Москвы за эти пять лет.

Но разрешите мне остановиться и на некоторых недостатках, к которым москвичи, может быть, привыкли и потому не замечают их, но которые мне, как приезжему работнику периферии, бросаются в глаза.

Прежде всего неприятно действует отсутствие целостного ансамбля в Охотном ряду, нарушаемого несогласованностью гостиницы «Москва» и здания СНК. Это явление тем более досадно, что оно наблюдается в самом центре города.

Далее, при посещении Сельскохозяйственной выставки бросается в глаза неудачная постановка статуи парижского павильона на несоответственно низкий пьедестал, так что самый павильон кажется провалившимся под землю, и от него только верхушка осталась.

По поводу архитектурной разногласицы, которую проявили довольно видные мастера, встает вопрос, в чем же тогда выражается руководящая роль Союза советских архитекторов, который констатирует неудачу постройкам? Почему же Союз во время не взял дирижерства над этой ответственной застройкой?

Я считаю, что наш пленум должен предъявлять счет правлению Союза советских архитекторов как в отношении этого факта, так и в отношении ряда других, вызванных отсутствием решения важнейших организационных вопросов. Такое поведение правления Союза совершенно обезоруживает нас в нашей работе на периферии. Почему до сих пор не разрешены вопросы о положении архитектора на стройке, об авторском надзоре? Сколько речей произнесено, сколько страниц написано на эту тему, но до сих пор мы еще не имеем твердого решения.

Пленум не должен обойти молчанием и такой факт, о котором сообщил т. Алабян, что до сих пор еще нет проектов площадей Москвы. Ведь если я, вернувшись с пленума в Ашхабад, буду говорить о необходимости скорейшего проектирования городской площади, то городской Совет мне ответит: «Чего ты, Георгиева, шумишь, когда Москву реконструируют, а до сих пор не имеют проектов площадей».

Нужно прямо сказать, что Союз архитекторов очень многие проблемы, которые требуют немедленного решения, решает слишком долго, и в результате многие важнейшие организационные вопросы, которые были подняты уже давно, до сих пор еще не решены. А это нам, в наших национальных республиканских городах, повторяю, мешает проводить в жизнь срочные задачи, стоящие перед Союзом советских архитекторов.

После постановления правительства и партии о реконструкции Москвы, необходимость планировки городов стала очевидной для всех союзных республик. На планировку городов союзных республик затрачены огромные средства. В Туркмении разработаны проекты планировки Ашхабада, Тиашауза, Цейнау, Мары и др.

В отношении проекта нашей столицы — Ашхабада, разработанного московским проф. Назарет, надо сказать, что он страдает механическим перенесением условий Москвы в условия Ашхабада. В Ашхабаде, например, предусмотрена площадь размером в 4 га. При 60—70° температуры на солнце такие размеры площади недопустимы и не нужны.

То же надо сказать о ширине ашхабадских улиц. Схема планировки предполагает ширину улиц до 60 м, но такая ширина для Ашхабада не только не нужна, но даже вредна. При нашей жаре переход такой улицы представляет физическую трудность.

Предполагаемая по проекту трехэтажная застройка у нас встречает возражения, так как в нашем климате условия жизни в многоэтажных домах очень тяжелы. Если жильцы первых этажей имеют возможность ночевать в саду (при 1-этажной застройке сады всегда есть, а при 3-этажной нередко отсутствуют), то во втором и третьем этажах люди могут пользоваться только верандами. Таких домов у нас пока немного, и можно наблюдать, что жители вторых этажей вынуждены укутывать себя мокрыми простынями и полотенцами, а на третьем этаже запасаются льдом.

Совершенно очевидно, что нельзя механически переносить принципы строительства Москвы в Туркмению. Нельзя поэтому планировать у нас широких корпусов, так как они предполагают выход нескольких квартир на одну лестничную клетку, а отсутствие проветривания в наших местах недопустимо.)

Население в Ашхабаде достигает 128 тыс. чел. По планировке предполагалось 150 тыс. чел., но жизнь показала, что город растет гораздо быстрее, и правительство предполагает увеличение населения до 200—250 тыс. чел.

Схема планировки Ашхабада, разработанная Москвой, страдает еще и тем недостатком, что промышленность сосредоточена в одном месте.

Я хотела бы обратить внимание на тот факт, что сроки рассмотрения и утверждения проекта планировки вообще страшно затягиваются, отчего получается хаотическая застройка.

Такая застройка уже показала свою вредность: во-первых, она характеризуется слишком большой разбросанностью, так как строительство ведется не в одном месте, а в различных частях города; во-вторых, совершенно не учитывается опыт центральных городов по кооперированию отдельных организаций для осуществления строительства. У нас получается так, что каждая организация имеет свои небольшие средства, и потому архитектор города отводит ей небольшой участок за городом, где и производится строительство сырьевых 1-этажных домов. Если бы мы практиковали кооперирование нескольких организаций, то мы могли бы быстрее застроить город 2-этажными домами.

Чрезвычайно остро в национальных республиках стоит вопрос о кадрах. У нас работает исключительно молодежь. Нам необходима помощь наших ведущих архитектурных организаций. Я неоднократно обращалась за помощью и в Академию архитектуры, и в Комитет по делам искусств, и в Союз архитекторов Москвы. Но потом оказывалось, что последний посылал к нам кого-то, но этот кто-то очутился в другой республике или, может быть, в Ленинграде, но не у нас. И так дело тянется годами.

В этом году, приехав в Москву, я самчинным порядком завербовала нескольких архитекторов для работы в Ашхабаде, но только один из них — достаточно квалифицированный архитектор, и уже больше никого из крупных не удалось получить. А ведь Москва настолько насыщена архитекторами, что направить некоторых из них хотя бы в центральные города национальных республик не представляет большой трудности. Не было бы большого ущерба, если бы несколько крупных работников года на 2—3 приехали к нам работать, а потом поехали бы в следующие города национальных республик.

Реконструкция республиканских центров — дело чести всей архитектурной общест-венности, дело чести всего Союза советских архитекторов. Правление Союза архитекторов не должно стоять в стороне от того, что делается в национальных республиках.

Проф. Л. А. ИЛЬИН

(Ленинград)

Пятилетний юбилей реконструкции Москвы является юбилеем не только для Москвы. С московской даты начинается и дата большой работы для других крупных советских городов, начиная с Ленинграда. В связи с этим данный юбилей является нашим общим юбилеем, но те, которые приехали сюда, все-таки должны начать с признания тех больших дел, которые проделали за эти годы московские строители. Их работа является предметом уважения, а для многих и предметом зависти как по тематике, так и по той интерпретации и качеству, которых москвичам удалось достичь.

Но советский юбилей всегда не только юбилей; он также проверка дел за определенный срок. Поэтому позвольте обратиться к некоторому разбору того, что сделано.

Я, как известно, больше всего работаю над вопросами ансамбля. За протекшие пять лет идея ансамбля прошла огромную дорогу — от состояния проблемы до необходимого действия. Если сейчас еще найдутся такие архитекторы, которые отмахиваются от этого вопроса, то мы считаем их недоросшими или, может быть, навсегда слепыми. Все наши встречи и дискуссии, в том числе последняя, творческая, москвичей и ленинградцев, в той или иной степени трактуют об ансамбле. Нигде не могут избежать этого вопроса прямо или косвенно. Последняя встреча прошла под тем знаком, что надо строить города, а не отдельные здания, и что вопрос ансамбля есть путь к нахождению стиля. Те предметные уроки ансамбля, те недочеты, которые были по нашей практике, в частности по практике архитектуры Москвы, поставили этот вопрос негативно с тем, чтобы он решался позитивно. Сейчас приходится говорить не о том, что такое ансамбль, а как его достигать, находить, приходится говорить о мастерстве ансамбля. Поскольку мы никогда своей школы не заканчиваем и все-

гда практика дела требует движения вперед, позвольте еще раз остановиться на тех путях, по которым может организоваться ансамбль в городе и, в частности, в Москве.

Для создания ансамбля города прежде всего нужно иметь в своем мышлении постоянное сознание не только комплексности города и его частей, но и комплексности проведения строительства его в жизнь.

Вот в сегодняшнем номере «Строительной газеты» помещена статья «крупнейшего инженера акад. Образцова, в которой сказано, что много бед причинило строительству в Москве отсутствие комплексного подхода к нему. Город — это органическое сочетание частей, а не сумма случайных слагаемых. Не может быть построен город, если думать о его строительстве только отдельными его частями, домами, отдельными улицами, даже отдельными системами. Прием решения дел кампаниями осужден нашей практикой, и хотя очередность в работе должна быть, но она не может быть в мышлении и композиции, переходить в изолированность, в разрыв... Можно осуществлять город частями, но задумывать его, представлять себе его ансамбль, компоновать его можно только связанно, комплексно. Конечно, никто не может представить себе город в одну секунду и еще более думать, что этот мгновенный образ будет тем, что создается в натуре. В ходе дела должны происходить изменения, поиски наилучшего, но тот процесс, который мы наблюдаем по Москве, часто слишком судорожный, слишком случайный.

С другой стороны, в Москве есть крупные положительные примеры. Одной из блестящих работ в Москве является реконструкция ее транспорта, начиная с ломки самой системы негодных для напряженного движения улиц и создания новых трасс и кончая мощными мостами и великолепными метро. Но в создании новых трасс улиц инженерная мысль часто шла только по линии поперечного профиля улицы и изолированно от архитектуры. Вследствие этого блестящее достижение становится с точки зрения бытовых требований неудобным, неэстетичным и через некоторое время даже неприемлемым. Точно так же в блестящем строительстве набережных некоторые детали и отдельные акценты выскансы чересчур механически, без учета тех осей, которые могут проходить в глубине территории, и это является результатом отсутствия комплексности в композиции, в замысле.

Оглядываясь на то, что в ближайшее время было сделано в Москве, нужно сказать, что работа, произведенная на ул. Горького, является большим шагом вперед, потому что тут все производилось комплексно. Несмотря на отдельные констатированные нами погрешности, в целом это принципиально правильный подход на определенном участке плана Москвы.

1-я Мещанская — пример более ранний. Вследствие отсутствия комплексного решения улица превратилась в то, что образно характеризовал тов. Алабян, как прекурбант фасадов. Виноваты ли только авторы? Виновато прежде всего отсутствие комплексности подхода. Получилась демобилизация мышления отдельных авторов в сторону от создания ансамбля. Они поставили как бы экран улицы, они обстроили ее стеной домов, не имея в виду кварталов, заслонив старые кварталы, не создав своей конструкцией архитектурных путей для их внутренней реконструкции.

...Мы считали, будто бы проект ул. Горького уже принят Архпланом, будто ее нынешнее проектное состояние таково, что по ней можно работать и разворачивать детальную проектировку и затем стройку. Мы предполагали, что Архплан утвердил не сумму отдельных кусков, а утвердил весь проект ул. Горького. Если площади и отдельные участки при этом решены, то тогда действительно вопрос комплексного решения магистрали также решен. Но я не вполне уверен в этом. И даже если есть решение всех площадей, то я ставлю вопрос: а начало этой магистрали вполне обдумано и решено?

Тов. Пронин в своем докладе говорил, что, кажется, в будущем году начнут строить в Москве проспект Дворца Советов. А решено ли его начало? Нет. Вообще все пространство, идущее дугой вокруг Кремля от Зарядья до Дворца Советов, даже до Крымского моста, еще не решено окончательно. А ведь в нем завязка всех магистралей, источник ансамблей Москвы. Красную площадь предполагается увеличить вдвое, но нужно ли это, если создается громадная площадь около Дворца Советов? А можно ли считать композицию законченной, когда не решено ее начало?

Также возникает вопрос, надо ли изолировать или соединять пл. Свердлова с Красной площадью? Я не за соединение, но некоторые архитекторы (например, И. В. Жолтовский) — за него.

Существует мнение, что надо открыть перспективу по перпендикуляру от мавзолея Ленина и Кремлевской стены до пл. Дзержинского. Я считаю, что это нужно, но ведь это пока только еще вопрос.

По центру Москвы также много неразрешенных вопросов. На Манежной площади пространство раскрылось, и многие пространственные моменты стали ясны, решать их можно разное, но надо решать. Показанные на выставке проекты дают известное движение вперед. Но если ясно, что Музей изящных искусств должен быть передвинут, чего бы это ни стоило, то о передвижке дома Б. Румянцевского музея можно спорить — нужно ли? Так ли он уж мешает? Когда я работал с Шуко и Гельфрейхом по центру Москвы, для площади Дворца дамы были большие и более четкие размеры. Пречистенский бульвар предложено было сломать. Эта мысль окрепла, и в дальнейшем все варианты площади ее принимают, но все же окончательно внутреннее пространство площади не решено, так же как и принцип одного или двух уровней движения на нем.

Не решено окончательно начало проспекта Дворца Советов. Мы сохраняем или отказываемся от дальней перспективы по набережной от Дворца Советов до Крымского моста? Сохраняется мыс Челюскинцев или будет образована большая лагуна?

Все мысли по композиции центра Москвы надо проанализировать, суммировать и сделать их предметом особого пленума, чтобы подготовить окончательное решение. Вопрос композиции центра Москвы — это одновременно и вопрос правильного соотношения исходящих из него магистралей. Это сегодня кардинальный вопрос во всей планировке Москвы.

Еще хотелось бы мне остановиться на двух сторонах ансамбля. Во-первых, на значении акцентов скульптурных памятников, которые дают ансамблю города окончательное завершение, а по содержанию и по фактуре осмысливают город. Как в прошлом памятник Минину и Пожарскому осмысливал Красную площадь, так делает это теперь мавзолей Ленина. Дело это в Москве отстает, а между тем тут должно быть проявлено все мастерство ансамбля.

Рядом стоит вопрос озеленения. Зеленый в Москве почти вовсе не растет ни в объеме, ни качественно. Между тем зеленые насаждения не только обеспечивают гигиену города, но только являются средством культурного обихода на улицах и в кварталах, но зелень представляет собой мощный компонент ансамбля, как это ясно отмечено в установках по планировке Москвы. Но это дело отодвигается, и благодарное средство ансамбля, таким образом, не используется. Все менее ощущается в Москве мягкое вмешательство зелени в каменную массу города, сглаживающее шероховатости и усиливающее эффекты. Это совсем неблагоприятно, надо этому положить конец.

Скульптор С. Д. МЕРКУРОВ (Москва)

На пленуме Моссовета пять лет тому назад, когда принимался план реконструкции Москвы, я выступил с речью, в которой привел слова отца моего, сказанные мне в детстве. Отец мой, указывая на далекие горы Аллагаза, говорил: «Сын мой, там счастливая страна, там все работают, туда очень трудно попасть, но если только кто-нибудь туда попадет, то отсюда не возвращается, так как там — страна счастья. Может быть, и мы с тобой когда-нибудь попадем туда, а пока — учись».

Отец мой умер, не дошел до страны счастья. Я на склоне своих лет не только дошел до страны счастья, но если бы мой отец был жив и мог услышать меня, то я сказал бы ему: «Сыну твоему предоставлено большое счастье участвовать в строительстве этой страны; страна эта строится по плану величайшего водочего, его имя — Сталин».

Но раз предоставлено право участвовать в строительстве счастливой страны, то рядом с этим появляется другое слово: обязанность. На нас возложена очень серьезная обязанность, мы должны стремиться к тому, чтобы в этой стране все было построено красиво, чтобы, когда ходишь по улицам этой счастливой страны, или наши потомки будут ходить, можно было сказать: «Вот какие колоссы, вот какие здания были построены».

А теперь давайте пройдемся по улицам и посмотрим, действительно ли все у нас построено так красиво, как нам здесь рассказывают? Мне кажется, что сейчас еще этого нет.

Наши архитекторы, так сказать, пребывают в двух измерениях. Я как скульптор мыслю тремя измерениями, тремя перпендикулярами.

Роден рассказывал, что когда он в детстве начинал учиться у Кариф Белези, последний ему сказал: «Ты лепишь орнамент, но если ты хочешь, чтобы он был живым и объемным, то ты должен идти от себя вглубь, и только тогда ты поймешь,

что такое скульптура». И Роден говорил: «Действительно только тогда я понял, что альфа и омега скульптуры — это третий перпендикуляр».

Я часто бываю на Красной площади и останавливаюсь у Василия Блаженного, и мне совершенно понятно, что строители этого храма знали секрет третьего перпендикуляра. С какой бы стороны вы ни подходили к этому храму, хотя бы вы даже легли на спину или поднялись на аэроплане, все время перед вами открываются все новые и новые красоты этого изумительного сооружения.

А подойдите-ка вы к нашим увеличенным кирпичам!

Архитектор — творец этих кирпичей, очевидно, мыслит элементарно, владеет одним геометрическим телом с оконными дырками. Я не буду называть имен. Я говорю сейчас об общем впечатлении.

Мы должны самокритично подойти к нашим произведениям, тревожно шевелить наши мозги и мысли и не говорить: «Ах, какой я молодец, какие я вещи понастроил, какие корпуса и ансамбли!».

В первые годы революции каждый архитектор решал, что он гений, и гениально поступал так: брал ватман и рейсшину, накладывал линии, продырявливал окна, и получалось оригинально-гениальное здание. При этом говорилось, что скульптура — враг архитектуры. И то же время на всякие протесты отвечали полупанемком, что это контрреволюция; мы, мол, создаем пролетарский стиль, и не смей под нас подкапываться.

И вдруг, в тот день, когда было объявлено о необходимости освоения классического наследия, на рынке нельзя было достать ни одного увража — все было спешно раскуплено, наследие начало осваиваться, причем осваивалось очень просто.

Сделаю экскурс в другую область. Когда я пошел смотреть «Чапаева» и в первый раз затрещал с экрана пулемет, то это мне понравилось, это было красиво и сильно. Братья Васильевы придумали гениальный штрих. Но когда со следующих картин стали звучать пулеметы в удесытеренном размере, я ушел из театра, мне стало скучно.

Арка главного штаба в Ленинграде — замечательна, колонны там также замечательны. Но когда я в Москве встречаю арку удесытеренную, при ней колонны, а сверху неизвестно для чего поставленные две скульптуры, — я говорю: «Скучно».

Мы можем здесь приводить латинские буквы: «а, b, с», и тянуть эту азбуку от Моховой до Ленинграда. Я хочу сказать тов. Мордвинову: тебе предоставлены колоссальные возможности, как никому, на тебя возложена историческая ответственность — поэтому остановись, не тни! Иди в глубину!

Мы работаем не в капиталистических условиях, земли у нас хватит сколько угодно. Колличество населения Москвы точно определено — около 5 млн. чел., так что подходить по-капиталистически к домам, тянуть их в линию — не следует. Почему не прервать эту линию? Почему не мыслить объемом, не идти в глубину, не ставить фонтанов, не разбивать террас? Только благодаря вот этому третьему перпендикуляру мы получим стиль.

Посмотришь на 1-ю Мещанскую улицу: может быть, внутри хорошо, но снаружи скучно.

По улице Горького тоже скучно. Я говорю это не для того, чтобы кого-нибудь пожурить, здесь надо как следует подойти самокритично, здесь надо спасать положение. А у нас как привыкли? Соберемся и говорим друг другу приятные вещи. Это неправильный подход. Сегодня юбилейный пленум, и надобно, не стеснясь, сказать много горьких истин. Я предложил бы правлению Союза советских архитекторов собирать нас почаще, ставить побольше вопросов на обсуждение и дальше дело самотеком не пускать.

У нас в руках план реконструкции Москвы. Это величайший документ, и нужно этот документ провести в жизнь, причем ответственность за осуществление его должны взять на себя не только архитекторы, но и художники, скульпторы, оформители и декораторы.

Перед нами встает очень серьезный вопрос о взаимоотношениях трех искусств — архитектуры, скульптуры и живописи. Мне кажется, что эти взаимоотношения у нас совершенно ненормальны. Фактически скульпторы и художники отстранены от работы по реконструкции Москвы. Пусть архитекторы скажут, когда они приглашали и втягивали нас в работу, когда налаживалась наша органическая совместная работа? Думаю, что ни один архитектор ничего по этому поводу не скажет. Обычно нам говорят, что там-то и там-то нужны две скульптуры, но органического соединения скульптуры с архитектурой у нас не было.

Я не могу представить себе наш Большой театр иначе, как состоящим из 4 коней, Аполлона, колоннады, словом, — весь его комплекс, представляющий органическое целое. Но если на крыше корпуса «А» по ул. Горького вместо 2 фигур поставить

3—4, от этого абсолютно ничего не изменится. Точно так же, как на библиотеке Ленина, если снять сверху все фигуры, то, может быть, будет лучше; а может быть, будет хуже, это нужно попробовать.

По сей день у скульпторов с архитекторами отношения официальные. Иногда нас приглашают в Союз архитекторов поговорить, уточняют чаем, обещают что-то, и на этом дело кончается. Надо эти отношения переменить, сделать их горячими, любовными, тогда у нас что-нибудь выйдет, иначе реконструкция Москвы пройдет без нас. Будет в Москве великолепнейший завод и канал, но эстетика, но оформление будут страдать очень и очень. И поэтому, выступая здесь, я хочу предложить, — может быть, это рано, но мне кажется, что пора слить архитекторов, художников и скульпторов в один союз с секциями, чтобы можно было по-настоящему подойти к конкретному решению синтеза трех искусств.

Союз советских архитекторов должен обратить особое внимание на явление, о котором говорил проф. Ильин, а именно на асфальт мостовых и на отсутствие на улицах зелени. Кирпичные дома с асфальтом — это мертвое дело!

Вопросов, на которых следует остановиться, — много. Поэтому мы просили бы, чтобы после юбилейного собрания нас и художников собрали и поговорили с нами по-настоящему.

Акад. арх. Л. В. РУДНЕВ

(Ленинград)

Тов. Меркуров сказал, что должны быть любовные отношения между скульпторами, архитекторами и живописцами.

Год тому назад мы много говорили о том, что должно быть любовное отношение между архитектурой Дворца Советов и фигурой Ленина, венчающей его. Любовное отношение в этом вопросе не достигнуто т. Меркуровым, а настоящей любви между нами мы достигнем только в деловой обстановке.

Мы много говорим об ансамбле Москвы. Будучи вполне солидарен с мнением проф. Ильина, я хотел бы понятие об ансамбле расширить. По-моему, ансамбль для столицы советского социалистического государства заключается не в ансамбле одних архитектурных форм, а в общей идеологической направленности города — в целом.

Если мы кинем взгляд на устройство разных городов, то мы увидим, что город в своих архитектурных проявлениях составляет часть природного пейзажа. В Ленинграде, например, ансамбль создан уже самими природными условиями — Невой. Никакой Исаакий не может переместить центра, каким является в Ленинграде биржа Томона. Точно так же в Тбилиси, окруженном горами, самая связь домов уже представляет собой целый пейзажный ансамбль. А имеет ли Москва такие природные условия, на основе которых можно создать ансамбль? Воробьевы горы читаются не так четко, как горы вокруг Тбилиси. Москва-река является маленькой речонкой.

Но если мы посмотрим на старый план Москвы, то увидим, что все дороги в ней направляются к центру. Все здесь сосредоточивается в центре. Тут сосредоточивается и советская власть, здесь мудрым гением товарища Сталина будет создано средоточие Москвы — Дворец Советов с венчающей его фигурой Ленина.

Как же работает в этом направлении наша архитектурная общественность? В основном работает правильно. Но эту работу она должна все дальше и дальше углублять, приходя к мысли, что ансамбль нужно строить с учетом направленности решения на Дворец Советов.

По целому ряду материалов мы видим, что эта основная мысль не учитывается. Как бы ни были прекрасно нарисованы магистрали и все детали этих магистралей, но если они являются самоцелью, то все изменится, когда будет построен Дворец Советов.

В прошлом году, когда я выступал на пленуме Дворца Советов с предложением проработать планировку новых улиц и площадей в связи с Дворцом Советов, мое выступление повисло в воздухе. Тогда президиум постановил, что этот показ перспективы Дворца Советов с окружающими улицами надо поставить на рассмотрение Архплана. Но до сих пор этого еще не сделано.

Я считаю, что дальнейший метод проектирования Москвы должен идти по следующему пути. Каждая организация или группа магистральных архитекторов должна иметь перед собой модель Дворца Советов с соответствующей планировкой вокруг нее. Строя отдельные узловые точки, надо связывать их с Дворцом Советов. Только после этого появится правильное решение той улицы или той площади, которая проектируется. Независимо, будет ли это в одном стиле — ближе к ренессансу или ближе к американской архитектуре, — решение будет определено соотношением масс. Решение плоскостной линии с длиной коридора в 1,5 м, приемлемое как фрагмен-

тальная плоскость, в данном случае для меня неубедительно. Я не могу себе представить ни одной перспективы, как будет выглядеть улица, как все будет построено в натуре. Я думаю, что окна четвертого этажа при ширине улиц в 60 м, направленные в сторону Дворца Советов, создадут видимость на $\frac{3}{4}$ высоты Дворца Советов.

Все архитекторы иначе бы работали, если бы принимали во главу угла Дворец Советов. Лишь всегда имея этот образ перед глазами, мы можем правильно подойти к решению нашей социалистической столицы. Только так нужно вести практику работы по реконструкции Москвы с точки зрения ее единого ансамбля.

И. Е. ГАЛПЕРИН

Начальник Жилищного управления Мосгорисполкома

Пятилетний период нашей работы по осуществлению сталинского плана реконструкции Москвы отмечен необычайным энтузиазмом и подъемом творческой энергии всего нашего коллектива строителей.

Рабочие, инженеры, техники — все охвачены единым стремлением своевременно и с честью выполнить обязательства, вытекающие из плана реконструкции. Именно этим можно объяснить, что Управление жилищного строительства в течение 1939 и 1940 гг. неизменно выполняет свой план, что все его строительные тресты досрочно закончили полугодовую программу и непрерывно с сентября 1939 г. держат переходящее красное знамя Моссовета.

Самым значительным творческим достижением истекшего пятилетия является у нас освоение скоростного метода строительства. Метод этот явился итогом громадной работы, проделанной архитекторами и строителями в области стандартизации конструктивных элементов здания, типизации жилой ячейки, внедрения механизации строительных процессов, использования новых материалов и сборных деталей.

Мы с полным правом можем сказать, что у нас скоростное строительство сейчас стоит на прочных ногах, так как за эти годы создана мощная индустриальная база, освоены первоклассные механизмы, подготовлены замечательные кадры рабочих и руководителей строительства.

Сейчас у нас есть также крепкая и сильная строительная организация в жилищном строительстве, и нашим архитекторам уже не придется ожидать, как прежде, по три-четыре-пять лет осуществления своих проектов. За период практики строительства в 1939 и 1940 гг. мы не затягивали строительства ни одного крупного дома более 7 месяцев. Но, конечно, не все у нас обстоит так хорошо, и есть над чем подумать настоящему племени.

Нам нужно строить красивые и удобные жилища, нам нужно строить быстро и, по возможности, дешево. Вот почему особое значение сейчас приобретает тесное сотрудничество архитектора, конструктора и строителя. Между тем в этой области у нас еще много неувязок.

Всем известно, что архитектор держит в своих руках главное условие, без которого невозможно осуществлять строительство, которое предопределяет применение новых строительных материалов, сборных деталей, словом, всех элементов, из которых в конечном счете складывается скоростной метод строительства.

К сожалению, у нас стало традицией выдавать проекты и чертежи на стройку частями, в таком объеме, чтобы только не задерживать работы. Строителю же обязательно нужно иметь все элементы, чтобы своевременно подготовиться к обеспечению последовательного осуществления процессов.

Еще хуже обстоит дело с архитектурным оформлением, с фасадами. Чертежи архитектурных деталей обычно начинают поступать уже после того, как строительные работы закончены. Я считаю это величайшим злом, так как качество внешнего оформления, как и внутренней отделки, требует исключительной тщательности в работе, не мирится со спешкой и с точки зрения ускорения процессов представляет гораздо больше трудностей, нежели возведение коробки здания и монтаж основных конструкций.

На практике же у нас даже по графикам меньше всего времени отводится на внутреннюю отделку и оформление фасада. Само собой разумеется, что это приводит к плохому качеству и нередко дискредитирует самый проект.

Необходимо учесть специфическую особенность в работе архитекторов, которые работают не на мольберте, а создают свои образы и формы на промадных объемах. Следовательно, нам нужно достаточно времени, чтобы совместно с архитектором поработать над проектным материалом и над самой натурой.

В практике нашей совместной работы с т. Мордвиновым нередко бывали случаи,

когда та или иная деталь, уже выполненная в натуре, по требованию автора снималась или заменялась другой. Мы, разумеется, должны считаться с тем, что архитектор является художником, что творчество его требует свободы эксперимента. Но нужно шадить и строителя, который связан графиком, сметой и т. д. Этих неуровальностей можно легко избежать, если своевременно, т. е. одновременно с техническим проектом, выдавать строителям проекты архитектурного оформления.

Большим недостатком в деле развития вкуса, повышения красоты здания, правильного осуществления принципов социалистического реализма в архитектуре является оторванность архитектора от практического опыта, которым обладают строители и руководители промышленности стройматериалов.

Вероятно, немногие архитекторы знают, каких успехов добились строители в области облицовки фасада цементной плиткой, немногие знают, что фасады крупных зданий на Б. Калужской заканчивались облицовкой всего за 15—17 дней; архитекторы Москвы совершенно игнорируют замечательный опыт стахановцев-каменщиков, добившихся укладки кирпича одновременно с облицовкой его специальным облицовочным кирпичом, по 5—6 тыс. штук в смену.

Наши архитекторы не используют перраотовых изделий Гжельского завода, прекрасного чугунного литья для балконных решеток и т. д. Особенно же печально, что наши архитекторы не проявляют необходимой художественной настойчивости и не оказывают должного влияния на развитие вкуса у работников промышленности. Неоднократно и успешно примененные материалы (облицовочный кирпич, перраотовые изделия и т. д.) сейчас заброшены и даже сняты с производства. Вместо того чтобы непрерывно добиваться прогресса техники и улучшения качества этих материалов, мы совсем прекращаем работу с ними.

Для того, чтобы добиться красивых и разнообразных форм, архитектор должен знать, чем мы сейчас располагаем, и смело применять новые материалы. Мы, строители, ищем содружества с архитекторами. Но еще больше мы нуждаемся в содружестве и контакте с конструкторами. Конструкторы вместе с нами успешно разрешили проблему сборности, укрупнения сборного элемента, внедрения ряда новых материалов. Сейчас от них зависит решение наиважнейшей, решающей задачи — экономии строительных материалов, нахождения оптимальных размеров и веса конструкций и элементов здания. Конструкторы должны немедленно и исчерпывающе разрешить вопрос о сокращении расхода дефицитных материалов, а в целом ряде случаев и полного исключения их путем замены менее дефицитных. Сюда я отношу большие сечения металла, которые можно заменить сборным железобетоном, прекращение расхода металла на косооры путем перехода на сплошные, литые марши и т. д.

Тесное и дружное сотрудничество строителей, архитекторов и конструкторов принесет нам невиданные успехи, послужит прочным залогом полного осуществления величественного сталинского плана социалистического преобразования столицы Советского Союза.

Арх. А. М. ЗАСЛАВСКИЙ

(Москва)

VII пленум правления Союза советских архитекторов подводит итоги пятилетнему плану реконструкции нашей столицы. Это имеет исключительное значение для нашей практики, для того, чтобы наметить дальнейшие пути осуществления генерального плана Москвы.

Для каждого из нас было очевидно, что перед нами стоят задачи очень сложные и ответственные. Нам предстоит исторически сложившуюся радиально-кольцевую систему города, являющуюся идеальной планировочной системой, реконструировать таким образом, чтобы она полностью отвечала требованиям нашей столицы. Понадобились сложные реконструктивные мероприятия для того, чтобы улучшить уличную сетку, организовать городской транспорт, распределить в столь быстро растущем городе отдельные предприятия и учреждения, обслуживающие его.

Анализ проделанной работы показывает, что в итоге жизни в городе, при значительном росте населения, резко улучшилась. Теснота, которая наблюдалась к моменту постановления о генеральном плане, уступила место простору. Дышать в городе стало легче. Продвигаться из одной части города в другую стало удобнее.

Чтобы выполнить огромную программу строительства по Москве, надо было организовать творческие силы всех наших работников, привлечь к этому делу кадры архитекторов и планировщиков, инженеров, экономистов, санитарных врачей и других работников.

В своем докладе т. Пронин упомянул о капиталовложениях в 10 млрд. рублей.

Не каждый представляет себе, что значат эти 10 млрд. рублей. Это означает, что за пять лет как бы построен город с населением в 700 тыс. чел., с полным обслуживанием этого населения, со школами, детскими учреждениями, дорогами и т. д. При таком огромном масштабе строительства Москва превратилась в гигантскую лабораторию, где на практике вырабатываются новые пути советского градостроительства. И нередко принятые решения сегодня еще кажутся слишком смелыми и решительными, но можно быть уверенными, что завтра они будут более понятны и естественны. В реконструкции и развитии такого города, как Москва, все должно быть основано на смелом и правильном учете будущего.

Перестройка Москвы наполняет планировщиков чувством удовлетворения, особенно тех из них, которые разрабатывали генеральный план города по указанию товарища Сталина. Они реально ощущают плоды своей пятилетней работы. Но было бы забывающим, если бы мы на нашем юбилейном пленуме отметили только одни достижения и путем деловой критики и самокритики не выявили бы недостатков в нашей работе, не наметили бы правильного пути для дальнейшей творческой работы.

Нам, архитекторам и планировщикам, надо твердо помнить, что реконструкция Москвы затрагивает самые насущные и непосредственные интересы ее населения. Это налагает на нас, архитекторов, огромную ответственность. Совершенно правильно здесь в ряде выступлений раздавалась критика, относящаяся к застройке магистралей, площадей и набережных, к вопросам ансамблевой застройки.

В чем корень неудач магистральной застройки города? Конечно, дело не в том, были или не были разработаны форпроекты магистралей. Как известно, эти работы были проделаны такими квалифицированными мастерами, как Шусев, Толпы, Бархин, Гельфрейх, Иофан, Голосов и др. Эти работы получили даже признание широкой архитектурной общественности, но они не были закреплены, вследствие чего произошел разрыв между форпроектированием и конкретным строительством. Была также ошибочная политика прежнего руководства отдела проектирования при распределении заказов на проектирование отдельных домов. Еще больше усугубила ошибку неправильная практика отдела городских земель и отдела планировки города при отводе участков. Нам необходимо ускорить разработку ансамблевой застройки магистралей и повысить творческую дисциплину архитекторов. Индивидуализм архитекторов, который так резко проявился на Мещанской улице, желание перекричать своего соседа, а также запоздалая общественная и недостаточно острая критика не могут способствовать улучшению в постановке дела. Но несомненно, что решения партии и правительства об организации магистральных мастерских и личное указание товарища Сталина, определившего направление застройки, являются основой, которая обеспечивает правильное решение этого важного вопроса.

Здесь говорилось о слишком большой программе, которая намечена на ближайшие 2—3 года. Но мы не можем строить 75 лет, как строился бульвар Османа в Париже, мы перестраиваем наш город бурными темпами, но в то же время мы строим на века, мы строим город социалистического-коммунистического общества. Решающая роль в этом деле принадлежит магистральным мастерским, но управления планировки и проектирования также несут огромную ответственность. Учитывая огромный объем строительства и его направленность, очень важно проверить, насколько правильно расставлены силы и поставлены задачи перед архитектурными коллективами.

Несколько лет тому назад, когда создавались мастерские, говорилось о творческом кредо, о том, что коллектив той или иной мастерской должен определяться по стилевым признакам. Можем ли мы сегодня сказать, что коллективы наших мастерских определяются своей творческой направленностью? В отношении всех мастерских мы не можем это утверждать.

Возьмите мастерскую такого крупного мастера, как И. А. Голосов. Какое творческое лицо этой мастерской? Если мы ознакомимся с работой отдельных авторов, то установим полное разнообразие творческих и принципиальных подходов без единой направляющей линии.

Из этого ясно, что коллективы необходимо строить не случайно. Это, конечно, не значит, что все участники коллектива должны быть друг на друга похожи, но линия мастера, линия магистрального архитектора и, наконец, самой магистрали должны быть четко выявлены.

Можем ли мы сказать, что мастерская Джуса — это единый творческий коллектив? Мне кажется, что нет. Тут мы имеем, в большей или меньшей степени, случайный состав. Такие же явления наблюдаются и в целом ряде других мастерских.

На примере 1-й Мещанской улицы много говорилось об индивидуализме отдельных архитекторов. Ликвидированы ли сейчас эти недостатки? Если мы говорим о том, что на 1-й Мещанской авторы перекричали друг друга, то Буров и Блохин перекричали самих себя в своих крупноблочных домах на Б. Полянке. У магистрального

архитектора Власова может получиться неплохой дом на 1-й Мещанской, но и здесь имеется опасность, что т. Власову будет трудно вписаться в определяющийся ансамбль магистрали. Индивидуализм в нашей практике несомненно существует.

Таким образом, вопрос ансамблевой застройки является большой практической задачей для всего творческого коллектива московских архитекторов. Совершенно недопустимо, когда проектирование магистрали проходит, так сказать, между дел. Надо ставить вопрос о систематической работе над магистралью, об изменении системы оплаты труда магистрального архитектора и его коллектива. Надо сейчас же организовать конкурсы по целому ряду отрезков магистралей и площадей. Мы имеем среди архитекторов талантливую молодежь, которую мы обязаны проверить на конкурсах. Мы еще значительно отстаем по многим вопросам планировки и застройки города. Нам необходимо пересмотреть и проверить все отделы детальной планировки города, включив такие важные задачи, как инженерно-транспортное и подземное хозяйство. Надо навести порядок и дисциплину в застройке города.

Планировщики всегда стояли на страже зелени, но они не получили поддержки со стороны архитектурной общественности. Мы сейчас уже можем говорить, что вопрос об озеленении Б. Калужской — это реальная практическая задача. Когда планировщики ставили серьезно вопрос о недопустимости застройки Нескучного сада, то мы поддержки от авторов не получили. Этот замечательный массив был сохранен для оформления городской магистрали только в результате личного вмешательства товарища Сталина. Сейчас, когда обеспечена полная поддержка планировщикам со стороны московских руководящих организаций в отношении озеленения, нет надобности спасать положение задним числом. Наша общественность часто опаздывает во многих вопросах, так случилось и с озеленением и с ширинами тротуаров. В течение ряда прошедших лет мы не слышали голоса Союза архитекторов. Не теряя ни часа времени, надо со всей остротой обсудить важнейшие вопросы реконструкции Москвы, обобщить их и определить пути дальнейшей нашей работы.

Акад. арх. Н. Я. КОЛЛИ

(Москва)

VII пленум правления Союза является важнейшим моментом в жизни Союза архитекторов, потому что он посвящен вопросам, связанным с реконструкцией нашей красной столицы. Уже одно то обстоятельство, что VII пленум собрался в юбилейную дату постановления партии и правительства о генеральном плане реконструкции Москвы, делает наш пленум юбилейным. Но это отнюдь не означает, что мы должны воздержаться от критики недостатков, которые имеются в нашем строительстве.

Проблема реконструкции Москвы грандиозна, она охватывает чрезвычайно широкий диапазон вопросов, и в этой массе вопросов не последнее значение имеет вопрос об убранстве города, о малых архитектурных формах.

Тов. Алабян так же, как и т. Пронин, затронул вопрос о значении архитектуры малых форм в городском ансамбле. Тов. Меркуров сделал довольно много замечаний о совместной работе архитекторов и скульпторов, но он обошел молчанием очень важный факт, а именно: наши архитекторы и скульпторы за эти годы не добились того, чтобы в Москве были построены какие-либо монументы. Москва всегда была бедна монументами хорошего качества, а за последние пять лет в Москве не построен ни один памятник. В этой связи вспоминается декрет, подписанный В. И. Лениным в 1918 г. о монументальной пропаганде. Вспоминается, что в 1919 г. на площадях, бульварах и скверах Москвы были сооружены памятники, но, к сожалению, они были осуществлены не из долговечных материалов. Часть из них была выполнена из гипса и, оставаясь без всякого надзора, они скоро совсем разрушились, остальную часть пришлось просто снять. С тех пор этот вопрос выпал из поля зрения архитекторов и скульпторов, выпал он также и из поля зрения Моссовета. Сейчас перед архитекторами и скульпторами стоит задача вновь и со всей силой добиваться того, чтобы на улицах и площадях Москвы появились памятники, которые внесли бы дополнительный ритм в основной архитектурный ритм столицы.

Еще один вопрос имеет большое значение для убранства города — это сооружение фонтанов. От старой дореволюционной Москвы у нас остался только один фонтан на пл. Свердлова работы скульптора Витали, да и тот не действует. За последнее время, правда, появились фонтаны, но главным образом в парках и на Сельскохозяйственной выставке. Это очень хорошо, но в самом городе на площадях, внутри кварталов, в скверах у нас совершенно отсутствуют эти замечательные элементы городского благоустройства. Правда, акад. Руднев соорудил на Девичьем поле фонтан, но по какой-то

необъяснимой причине этот фонтан окружен железной решеткой, вследствие чего он потерял свой смысл.

По-моему, сейчас настало время поставить вопрос о том, что сооружение фонтанов является для города насущным делом. Возьмем наши реконструируемые центральные площади, хотя бы Новоманежную площадь. Почему бы не поставить на этой площади фонтаны со скульптурами? Ведь это замечательно благодарная и интересная тема как для скульпторов, так и для архитекторов.

Будучи ограниченным во времени, я не имею возможности подробно остановиться на прочих малых формах — на киосках, ларьках, афишах, рекламах, одним словом на всех тех мелочах, которые дополняют и влияют на ансамбль города. В порядке сравнения я хочу привести только такой пример. Архитектор, строя общественные сооружения или жилой дом, глубоко продумывает все детали интерьера, заботится о гармонии целого, о художественном ансамбле. Но затем, после сдачи здания в эксплуатацию, мебельровка и другое оборудование здания весьма часто не только не гармонируют с интерьером, но даже просто разрушают его художественную цельность. Вот такую же картину мы видим на улицах не только Москвы, но и других городов, когда ларьки, киоски, рекламы и т. п. разрушают ансамбль, создают на улицах города неприятный хаос.

В заключение я хотел бы остановиться на одном моменте, который не был еще затронут, — на эксплуатации здания, вопрос, который нас, архитекторов, должен чрезвычайно сильно волновать. Архитектор строит, следит за постройкой, добивается выполнения всех мелочей согласно своему проекту, но когда дом сдан и в права владения вступили комендант, домоуправ и т. д., то начинается полнейшее игнорирование замысла архитектора и художественных интересов города в целом.

Весьма часто под флагом обновления здания, особенно перед праздничными днями, архитектурная отделка наших сооружений совершенно деформируется: не только покрываются масляной краской цоколи из естественного камня, об этом уже неоднократно приходилось говорить, но и водосточные трубы окрашиваются всего лишь в цвет человека, прекрасные дубовые двери вследствие грубой окраски без соблюдения минимальных технических условий приобретают уродливый вид.

Мне кажется, что проектному управлению и планировочному управлению необходимо разработать инструкцию об эксплуатации зданий в соответствии с их архитектурой, и эта инструкция должна передаваться при сдаче постройки лицам, принимающим дом.

Я дополнил выступление начальника планировочного управления т. Заславского, который не сказал, что в планировочном управлении сделан шаг вперед в отношении принятия мер по улучшению благоустройства, а именно создан отдел внешнего благоустройства, который ведает всеми вопросами, связанными с малыми формами архитектуры. Но этот отдел еще слабо работает, его надо укрепить, чтобы все мельчайшие архитектурные детали в городе были на той же художественной высоте, какая требуется от архитектуры крупнейших наших сооружений.

Скульптор В. И. МУХИНА

(Москва)

Мое выступление будет перекликаться с выступлением т. Колли, так как он затронул вопрос о памятниках, а мне хочется сказать о монументальной пропаганде.

Что сделано у нас за 22 года по монументальной пропаганде? Ничего, или почти ничего, если не считать памятника Революции против Моссовета и памятников Тимирязеву, Бауману и Воровскому.

Монументальная пропаганда вскрывает идейное содержание города. Огромное воспитательное значение памятника прекрасно выразил Ленин в приказе о монументальной пропаганде¹. Между тем, важность этого указания до сих пор плохо осознана, результатов нет. Последний указ Совнаркома о постановке 40 памятников по Москве подтверждает это ненормальное положение.

Почему же возможны эти недопустимые явления? Это происходит в силу нескольких причин.

Прежде всего, скульптура и живопись многими считаются «украшательством», и неосуществление их при окончании сооружений как бы узаконено. Как можно сэкономить некоторые суммы? Выкинуть «украшательство». Примеры, встретившиеся на

¹ См. телеграмму Ленина по этому вопросу к А. В. Луначарскому от 18/IX 1918 г. (Ленинский сборник, т. XXI, стр. 213, под редакцией Адоратского, изд. 1933 г.).

моем пути: гостиница «Москва» (пустые ниши), московские мосты (пустые места под группы и пустые плоскости для фриз) и т. д.

Далее, при заказе памятника или иного идейного объекта наблюдается такое явление: художник не решается на смелую вещь («вдруг не пройдет — золотая середина спокойнее»), а заказчик боится одобрить смелую мысль художника и этим принять на себя какую-то ответственность за памятник. Просматривающие комиссии часто делают противоречивые указания, и художник, пытаясь угодить и тем и другим, теряет свою ориентировку. В результате получается пресная работа, которую иногда лучше не ставить.

Художник имеет право отстаивать свою мысль и образ и за это может и должен отвечать.

Чрезвычайно важно, чтобы с самого начала скульптор и архитектор продумывали данный объект вместе, тогда ошибок было бы меньше.

Тормозящее влияние оказывает необычайная медлительность при рассмотрении и утверждении конкурсов или отдельных объектов. «Ах, памятник! Ну, время терпит, это ведь не жилплощадь». Как правило, на окончательное утверждение художник никогда не вызывается.

Кстати, считаю нужным сказать, что не всегда желательна система конкурсов, система очень громоздкая и дорого стоящая; персональные заказы по некоторым объектам могут быть эффективнее.

Думаю, что есть еще одна тормозящая причина, на мой взгляд из серьезнейших. При проектировании памятника какому-либо лицу заказчик требует фотографического сходства. Но ведь в памятнике важно не бытовое фотолицо героя, а его историческое лицо, лицо его великих дел. Здесь мне хочется упомянуть о письме полковника Пунина в одном из номеров «Известий», где он требует снятия и замены памятника Суворову работы Козловского в Ленинграде у Марсова поля. Тов. Пунин, по-моему, не разобрался в этом памятнике. Конечно, это не подлинный, не натуральный Суворов Козловский этого и не хотел; Суворов олицетворен в виде бога войны Марса, отсюда и такая интерпретация образа. Никто не станет отрицать возможности поставить памятник Суворову иного типа, но отнюдь не следует снимать из-за отсутствия фотографического сходства один из гармоничных и лучших памятников Ленинграда. Наконец, памятник историческому лицу может быть разрешен даже без его фигуры.

Еще труднее дело обстоит с памятником какому-либо событию. Обычно успокаиваются на бытовой оценке восстания, битвы, труда и т. п. А здесь наиболее сильно и убедительно звучит именно символика. Напрасно из этого слова у нас делают жуль для запугивания. Символика — богатый, звонкий способ выражения.

Где, как и какие ставить памятники? — вот один из кардинальных вопросов реконструкции города. Возможно двойное решение постановки памятника: на историческом месте происшествия или местожительства (последнее у нас особенно развито) или в наимыгоднейшем месте по положению в силуэте города. Сочетание того и другого момента наиболее благополучно разрешает задачу. По возможности памятник должен производить стойкое, а не мимолетное впечатление. Поэтому для него наиболее выгодны перспективы. Кроме того, памятниками можно и должно решать опорные пункты на трассе.

В данном случае я немножко предвосхищаю мысли т. Гиршовича, он расскажет об этом более подробно. Пример — Садовое кольцо и перекрестки на нынешней Садовой, никак не распознаваемые. Если вы сейчас идете по кольцу «Б», то долго не можете понять, где находитесь: на площади Восстания или подъезжаете к площади Маяковского. Влияние главных городских артерий в площади кольца Садовой по высотным местам создает условия, при которых отметка этих мест в силуэте улицы и площади может быть очень выгодна и для силуэта и для самого памятника и, наконец, для ориентировки транспорта. Колоннообразные памятники,obelisks, триумфальные арки, здесь наиболее выигрышные, создадут этапы Садового кольца.

Памятники более мелкого масштаба на углу, в стене дома, могут разрешаться чрезвычайно разнообразно. Очень многое можно сказать о месте скульптуры на зданиях, но здесь я хотела коснуться только системы застройки улиц.

Выступавшая здесь т. Георгиева совершенно справедливо затронула чрезвычайно большой для меня вопрос о постановке парижской статуи на Сельскохозяйственной выставке. Должна сказать, что нет ни одного человека, который не бросил бы мне упрека: «Тов. Мухина, почему вы это допустили?» И мне остается только беспомощно разводить руками, ибо все мои протесты при решении этого вопроса ни к чему не привели. Тов. Чернышев, как главный архитектор выставки, очевидно, не протестовал, и меня удивляет, что вот уже больше года никто из архитекторов не поднял протеста по поводу совершенно недопустимой постановки этой статуи, постановки, уничтожившей весь порыв скульптуры. Статуя как бы ползает по земле, все

точки зрения и композиционные эффекты ее в корне уничтожены. Но ведь это тоже один из вопросов реконструкции, а не частный случай. Я обращаюсь к пленуму архитекторов с настоятельной просьбой высказаться по этому вопросу и вынести свое определенное мнение с полной резкостью суждения.

Мне хочется коснуться вопроса о зелени. Уже давно стоит вопрос, что такое представляет собой уничтожение зелени в Москве: некую необходимость или роковую ошибку, которую нужно честно признать и всеми силами исправить, если она еще поправима? Я прямо ставлю этот вопрос потому, что такова точка отправления во всей планировке города.

Городской обыватель, лишенный возможности уехать за город (а таких множество), чрезвычайно болезненно переживает уничтожение бульваров, скверов и просто даже отдельных деревьев, которые создавали ему уют и прохладу в раскаленных массивах города. Мы знаем, что почти во всех главных городах мира в центре их имеется большой зеленый массив. Лондон имеет Гайдпарк, Париж — парк Монсо, Люксембург и Елисейские поля, не говоря уже о том, что все главные артерии Парижа обсажены деревьями. Вена имеет Пратер, Берлин — Тиргартен, Рим — сады Пинчио и Ватикана.

Если же мы посмотрим на карту нашей Москвы, то бедность и даже полное отсутствие зеленых пятен в центре производит поистине удручающее впечатление, населению дышать нечем. К тому же полное отсутствие воды — ни одного фонтана (я не считаю фонтана Витали на пл. Свердлова, он, можно сказать, не существует, потому что никогда не работает). Обратное впечатление производит скромный фонтанчик у станции «Сокол». Когда он работает, сколько народа толпится около него в жаркий день! Фонтаны тех же авторов на Крестовском путепроводе, на главной магистрали Сельскохозяйственной выставки, запроектированные и сооруженные, не используются никак; кажется, там даже трубы не проложены. Почему? Архитекторы в своих проектах не очень щедры на воду, а если она и запроектирована, то, как правило, относится не к разряду полезных вещей, а к тому же виду «украшательства», как монументальная скульптура, зелень и т. п. необязательные вещи.

Я обращаюсь к Моссовету, как главному исполнителю планировки и хозяйству города, почему так мало внимания в этом направлении? Запроектировать — еще не значит сделать. Старая поговорка говорит, что «благими намерениями ад вымощен». Почему градостроительством считается только каменная стена и метраж жилищлощади, а приятность жить в них отходит не на второй, а на четвертый и пятый план?

Еще один небольшой, но важный вопрос — об отношениях к существующей зелени. Если на окраинах имеются кое-какие новые и старые насаждения, то этим по большей части дело и ограничивается. Заботы и любви к дереву нет, и это чувство не воспитывается в молодежи. Наиболее плачевное зрелище представляют собой деревья в школьных дворах — точно козы обели кору. Бульвары, за редким исключением, вытоптаны, как будто здесь прошло стадо слонов. Та же участь постигла и Сокольники.

Такое же отношение к уцелевшим немногим решеткам: каждое молодое деревцо или железный прут в решетке служат силомером для молодецкой удали. Я прошу извинения за резкий тон, но то, что есть, заслуживает большего внимания.

Возвращаясь к зеленым массивам, я хочу сказать, что ширина Садовой на всем своем протяжении позволяет окаймить тротуары деревьями, причем обязательно с газонной полосой; деревья, заключенные в асфальт, гибнут, а дворникам все равно что поливать: газон или асфальт.

При планировке центра я пожертвовала бы 2—3 кварталами для создания зеленого массива.

Гениальный план реконструкции советской столицы дает все возможности для осуществления самой смелой мечты о чудесном городе. Товарищи архитекторы, у вас в руках волшебная лампа Алладина.

Арх. Л. О. БУМАЖНЫЙ

(Москва)

Московские архитекторы, строители и работники городского хозяйства за пять лет проделали огромную работу в области осуществления генерального плана реконструкции нашей столицы. В этой большой работе мастерские Моссовета, которые объединяются в управление проектирования города Москвы, сыграли немалую роль, работая над проектированием магистралей, площадей, набережных и других ответственных сооружений города. За этот сравнительно короткий срок нашими мастерскими выполнено около 1300 проектов, общей сложностью примерно на 90 млн. м².

Причем из этого числа на Москву падает 90%. Из всех этих проектов жилое строительство составляет 400 объектов.

Кроме мастерских, объединенных управлением проектирования, существует около 100 проектных организаций, ведомственных и наркоматских, которые также в той или иной степени участвовали в выполнении плана реконструкции Москвы. Из этого видно, какую огромную работу наши проектировщики проделали для выполнения плана реконструкции столицы.

Мы попытались проверить, какое количество проектов осуществляется в натуре. Из указанного количества проектов (1300) более 30% пошло на так называемую «полку». Причины здесь разные. Либо проекты делались в конкурсном порядке, либо менялись участки, а за редким исключением отдельные проекты не принимались к строительству из-за их невысоких качеств. Но, как правило, все проекты, с теми или иными замечаниями, утверждались отделом проектирования и осуществлялись в натуре. Отсюда наряду с целым рядом хороших сооружений мы имеем сооружения, вызвавшие справедливую критику. Мы должны заострить внимание на той части нашей работы, которая не соответствует предъявляемым к ней требованиям. Нашей работе по реконструкции Москвы со стороны партии, правительства оказывается всемерная поддержка. Лично т. Щербаков и т. Пронин ежедневно занимаются вопросами архитектуры и реконструкции столицы. Поэтому ответственность, которая ложится на архитекторов и на строителей, исключительно велика.

Мы вправе гордиться теми достижениями, которые мы имеем, но мы поступили бы неправильно, не по-большевистски, если не займемся искоренением недостатков, которых имеется еще очень много в нашей работе. От архитектора требуется полное внимание к сумме всех вопросов, связанных с проектированием как целых магистралей, так и отдельных домов. Московские архитекторы проделывают огромную работу по нахождению рациональной жилой секции с выходом на лестничную площадку четырех и более квартир. Мы провели опытную работу, чтобы определить, что дают новые секции в части удешевления строительства и его ускорения. Вот какие показатели получены нами по секции, которая разработана в управлении проектирования архитекторами Розенфельдом и Гохбаум (секция с выходом 4 квартир на одну площадку).

По земляным работам мы получили снижение на 32,9%, по фундаментам и подвалу — на 49%, по перегородкам — на 20%, а по перекрытию мы получили повышение на 11%, что естественно, поскольку жилая площадь увеличилась за счет сокращения подсобной площади. В общей сложности секция дает сокращение объемов и стоимости на 20% против секции, применявшейся в 1939 г.

Это показывает, что архитектор при глубоком подходе к решению своей задачи может сильно содействовать нашему государству в деле удешевления и ускорения строительства. Особенно это относится к поточно-скоростному методу строительства, который требует от нас новых методов проектирования ввиду того, что там необходимо применять типовые стройдетали, сборные конструкции и проч.

В порядке самокритики считаем нужным сказать, что вопрос о руководстве архитектора на стройке обстоит у нас неудовлетворительно. На архитектурный надзор наши архитекторы не уделяют достаточно времени. Отдельные архитекторы имеют по пяти и больше построек и ведут одновременно проектирование нескольких новых объектов. Естественно, что они не успевают бывать на стройках и вести надзор. Такие примеры наблюдаются по 3-й мастерской, по 5-й и др. Многие архитекторы жалуются, что строители не слушаются их. Это верно. Но трудно признавать и слушаться таких архитекторов, которые посещают стройку только раз-два в месяц.

Недавно у нас в мастерских прошли творческие отчеты ведущих архитекторов. Сейчас наши мастерские проектируют магистрали, площади и набережные столицы. И вот руководители наших мастерских отчитывались перед своим коллективом и перед общественностью Москвы по выполнению этой ответственной работы. Трудно сейчас сделать обстоятельные выводы по всем этим отчетам, это мы сделаем на конференции управления проектирования, которая состоится в ближайшее время. Но надо сказать, что еще не все наши руководители прониклись той большой ответственностью, которая лежит на них по обеспечению выполнения сталинского плана реконструкции Москвы.

Здесь я хочу указать на пробел в докладе т. Алабяна. Наша архитектурная общественность не принимала никакого участия в этих творческих отчетах, Союз архитекторов оказался в стороне, творческие отчеты в мастерских прошли мимо него. Между тем в такой работе Союз обязан был принять самое активное участие.

Мы все должны помнить, что партия и правительство возложили на нас исключительно ответственную и сложную задачу. Наша обязанность сделать все необходимые выводы из сегодняшнего пленума и из состоявшейся недавно встречи архитекто-

ров Москвы и Ленинграда, чтобы сильнее развить критику нашей работы, поднять ответственность у архитекторов, чтобы добиться в следующем пятилетии полного и высококачественного выполнения генерального плана реконструкции Москвы.

Арх. Н. В. БАРАНОВ

(Ленинград)

В юбилейную дату мы условились не исключать критики, которая могла бы послужить на пользу застройке столицы. Учитывая это положение, мне хотелось бы остановиться на некоторых вопросах.

Первый вопрос — это вопрос эффективного использования территории. Подходя в свое время к определению площади города, мы учитывали плотность в 400 чел. на 1 га. Практика Ленинграда показала, что такая установка не выдерживает критики, и в дальнейшем мы повысили плотность до 500—550 чел. на 1 га. Благодаря этому мы можем уменьшить территорию города и сэкономить государству несколько миллиардов рублей. В круглых цифрах площадь, запроектированная в Ленинграде, уменьшена на 15 тыс. га. Мне кажется, что этот факт следует учесть и в практике Москвы.

Второй вопрос — это вопрос о дисциплине красных линий. При ознакомлении с текущей работой по Москве мне кажется непонятным ряд положений, связанных с существующей застройкой. Если устанавливаются красные линии, то их нужно придерживаться, а между тем в этом отношении проявляется некоторая беспринципность. Например, в Театральном проезде, по принятым красным линиям недавно был выстроен 5-этажный дом, а впоследствии эти красные линии были изменены, и новые линии дают небольшой отступ от выстроенного здания. Теперь ставится вопрос о передвижке здания либо о сносе его. Таких примеров немало, и они говорят о недостаточной продуманности целого ряда красных линий.

Затем я хотел бы остановиться на вопросе, тесно связанном с композицией центра Москвы. Учитывая положение, которое будет занимать Дворец Советов, по-моему, не представляется возможным застраивать территорию между объединенным каналом и территорией Москвы-реки. Масштаб Дворца Советов потребует очень большой раскрытой перспективы, и хотя бы на период строительства Дворца Советов эту территорию следует резервировать.

Боюсь, что возникнет даже вопрос о сносе Дома правительства. Если мысленно себе представить осуществленным Дворец Советов, то Дом правительства начинает вырисовываться в значительной степени диссонансом.

Переходя к ансамблю Калужской улицы, я должен сказать, что здесь мы имеем крупное достижение. Это строительство следует отметить, как безусловно положительный опыт. Дефектов, которые там существуют, в дальнейшей застройке легко избежать. Там все здания имеют одинаковую протяженность, одинаковую высоту, одинаковые между собой разрывы и ярко выраженную осевую композицию, несмотря на то, что они объединены главной осью; последняя читалась в ортогонали в проекте, но она неощутима в натуре. При одинаковых объемах осевое выражение читается разрывно.

Рассматривая проекты, которые здесь выставлены, я обратил внимание на проект комбината «Известий». Для меня непонятен следующий момент: почему здание, расположенное у Москвы-реки, ориентировано на пересекающую реку магистраль? Ведь главным композиционным моментом здесь является Москва-река, площадь не может перекричать Москву-реку, и самая площадь ориентируется на Москву-реку. В этом комбинате необходимо дать главную ориентацию на реку, а второй композиционной осью здания может быть площадь.

Переходя к вопросу о зеленом строительстве, я должен сказать, что мы в Ленинграде до сих пор подходили к нему шаблонно, и эта шаблонность имела свои корни в Центральном парке культуры и отдыха в Москве. Этот парк представляется в виде какого-то универсального комбината отдыха: там и стадион, и целый ряд пассивных и активных площадок, аттракционов, детский сектор и т. д. Но ведь такой парк меньше всего можно назвать парком, потому что процент зелени в нем оказывается чрезвычайно ничтожным.

В Ленинграде разрабатывается проект большого парка в районе Московского шоссе, который первоначально был задуман по такому же принципу. Но когда мы внимательно подошли к этому парку, то выяснилось, что общий процент зелени в нем меньше, чем в обычном новом квартале. Почему? Потому что нормативы спортивных

и других организаций сильно увеличены и значительная часть территории парка предоставляется в распоряжение этих организаций, получается нечто вроде Луна-парка, где построено много различных учреждений и аттракционов.

В таком парке человек принужден отдыхать не так, как он хочет, а так, как хотел проектировщик, который выражал определенное содержание парка, содержание, противостоящее для нормального человека, которому после трудового дня хочется побывать хотя бы в иллюзорных условиях природы.

Подобный парк не может быть даже сравним с некоторыми парками Ленинграда и Москвы, где население с удовольствием проводит время отдыха. К паркам последнего типа относятся Петергофский, Павловский, Пушкинский и некоторые парки под Москвой. Вот по таким-то принципам и надо вести строительство парков.

Мы признали свою ошибку и сочли нужным пересмотреть свою практику. Тот проект, который в настоящее время разработан и частично осуществляется, нас удовлетворяет. Мы считали необходимым поделиться этим опытом с Москвой.

Еще несколько слов о том, в какой степени практика Москвы влияет на практику Ленинграда да и всех других наших городов. Я не буду говорить о положительных примерах, остановлюсь на отрицательных.

Достаточно указать на такой пример: отзвук башни дома в переулке у Моссовета, в свое время упомянутой на съезде архитекторов, в Ленинграде претворился в запрещение производить вообще повышенную застройку. И только в прошлом году нам удалось добиться права осуществлять определенный силуэт в застройке города.

Следующий пример влияния Москвы — асфальтомания. Она привела к тому, что в Ленинграде, где надо и не надо, появился асфальт.

Далее излишний пафос ломки, который привел к тому, что в Ленинграде снесли ценный памятник, который не мешал никому. — Московские ворота. Мы убедили в необходимости восстановить эти ворота, но многие из отдельных частей потеряны, и неизвестно, удастся ли их восстановить.

В отношении озеленения города мы добились того, что ленинградские директивные организации приняли решение об озеленении улиц, и мы будем внедрять зелень там, где она не мешает транспорту.

Практика Москвы сильно отозвалась у нас на вопросе малых форм. Недавно на заседании Ленинградского исполкома мне сделали упрек, что я торможу советскую торговлю, и авторитетные товарищи говорили: «Вот приедешь в Москву и увидишь у Казанского и Октябрьского вокзалов небольшой базар. Придешь в парк — масса ларьков, какие тебе угодно».

Эта «искомания» привела к тому, что у нас в Центральный парк неприятно войти — сплошная фанера, в Петергофе — то же. Нам пришлось составить пятилетку сноса этой фанеры. Все это результат невнимания в Москве к этому вопросу. А на периферии без всякого критического отношения внедряют антихудожественные малые формы под флагом развития советской торговли, со ссылкой на Москву.

Последний вопрос — о некоторых организационных моментах. Мы все чувствуем, что роль архитектурно-планировочного управления и главного архитектора у нас не та, которая должна быть. Союз архитекторов должен помочь укрепить роль планировочного управления.

Тов. Заславский говорил, что он не понимает, зачем Буров «перекричал» себя на Полянке. А кто должен на это ответить? Конечно, т. Заславский. Но т. Заславскому надо помогать. Его не всегда слушают, даже когда надо слушать, и наш пленум должен определенным образом высказаться за укрепление роли АПУ. Мне кажется, что в Москве существует и другая неправильная практика. В Москве районные архитекторы прикреплены к административным районам. Последних в Москве много, и с точки зрения архитектурной композиции они носят случайный характер. Мы в Ленинграде пришли к другому выводу и, отказавшись от административной организационной структуры, перешли на структуру районов с планировочными границами, которая несомненно принесет больше пользы в отношении застройки города.

В понятии магистральных мастерских, мне кажется, есть маленькая неясность. Наличие магистральных мастерских — это большой шаг вперед, но магистральные мастерские должны заниматься не только застройкой периметра. Правильнее было бы прикрепление к ним микрорайона с окружающими кварталами, такой принцип привел бы к более положительным результатам.

В заключение я хочу пожелать нашим московским товарищам побольше критики к себе, потому что результаты их работы доходят до границ нашего Союза и находят положительный или отрицательный отклик во всех городах нашей страны.

Художник А. Д. ГОНЧАРОВ

(Москва)

Мне хотелось бы отметить одно, с моей точки зрения, важное обстоятельство, которое является результатом того, что до сих пор не было содружества между художником и архитектором. Это обстоятельство — недооценка цвета и его значения в архитектуре Москвы. Сейчас установилась такая практика, что используются почти только двумя цветами в окраске дома или его облицовке — желтым и серым или разнообразно белого. Мне представляется, что это не совсем правильно, тем более что обычно в Москве цвет неба серый, который как бы вызывает к более интенсивной окраске. Если бы архитекторы при составлении проекта учитывали цвет, то в этом отношении художники могли бы оказать им существенную помощь.

Нашу архитектуру правильно упрекают в том, что она несколько плоска, что она является «фасадной» архитектурой. Как я понимаю, такая особенность ее вызывается тем, что архитектору необходимо экономить на площади. Эту плоскостность можно смягчать, давая зданию выступы и придавая соответствующий цвет этим выступам. В таких условиях цвет мог бы работать очень активно, будут ли это отдельные куски здания, отдельные его элементы, или орнамент. В большинстве случаев такому орнаменту отводится очень широкое место в качестве некоторого членения или обрамления деталей, что тоже сужает возможности действия цвета. И в этой области художник мог бы работать совместно с архитектором. По существу цвет домов должен вытекать из тематики данной улицы. И цвет в нашей архитектуре мог бы развиваться более существенно, если бы мы стали на ту точку зрения, что улица должна иметь цвет, который объяснял бы какой-либо политический момент.

Архитектор мог бы работать вместе с художником также и внутри дома над орнаментами, особенно в вестибюлях и коридорах. Сейчас же делается то, что называется альфрейной работой.

Здесь говорилось о том, что малые формы предоставлены самим себе, и что ими занимаются оформители, среди которых много хаттурсишников. Это верно, и можно легко наблюдать, что те элементы, которые архитекторами не принимаются во внимание, становятся язвой, которая портит архитектуру. Так, например, пока строился на ул. Горького дом Наркомлеса, все было как будто хорошо и эстетично, но когда стали накладывать на стены его золотые буквы, то все испортилось.

То же самое относится и к витринам. Обычно они окрашиваются серой краской. Если бы художник и архитектор работали с самого начала, не получилось бы таких безобразий.

Нынешний пленум должен положить начало совместной работе архитектора и художника, причем нужно заранее знать, что в начале будут срывы, потому что найти себе пару очень трудно, но я уверен, что при обоюдных стараниях это удастся сделать, и совместная работа художника с архитектором в конце концов будет налажена.

Арх. Ф. А. ТЕРЕХИН

(Москва)

Я хочу в кратких словах рассказать о ходе реконструкции Сталинского района, который в дореволюционное время был самой отсталой окраиной Москвы, а за последние пять лет стал совершенно неузнаваемым.

На сегодня в Сталинском районе уже построено 20 школ, 20 детских яслей и садов, строятся два грандиозных научных института. Кроме того, строятся большие 6—7-этажные жилые здания, заново оформляются магистрали, как, например, шоссе Энтузиастов и четвертое парковое кольцо; начата застройка Щербаковской улицы, которая запроектирована проспектом с двухсторонним бульваром шириной в 74 м.

Разумеется, дело не обошлось без недостатков в этой работе. Отдельные застройки, в частности районного центра на Семеновской площади, где выстроен кинотеатр, в архитектурном отношении не вполне удовлетворительны. Объясняется это тем, что к началу этой застройки еще не был окончательно решен вопрос о площади, и потому архитектор Калмыков, построив неплохой кинотеатр, не дал нужного углового здания.

В последние годы мы не допускаем уже таких ошибок и к крупнейшим объектам не подходим без предварительной архитектурной проработки намечаемых к застройке участков.

В Сталинском районе в 1940 г. ведутся крупнейшие работы на Журавлевской площади — строится театр на 1200 мест по проекту архитектора Эстрина. В ближайший год будет приступлено к постройке Дворца культуры им. Фрунзе на Семеновской

площади. Кроме того, в Парке культуры и отдыха им. Сталина намечается строительство детской электрифицированной железной дороги протяжением в 12 км с семью станциями, строится метро с тремя станциями, вестибюлями и депо. Все это говорит о том, что Сталинский район будет одним из полноценных и лучших районов Москвы.

В настоящий момент черновая работа по планировке магистралей и площадей Сталинского района уже закончена. Теперь качество и подготовленность должны стоять в наших работах уже на высшей ступени. Одним из главных условий успеха в этом отношении должно быть установление полного контакта и в то же время разграничение работ районных архитекторов и магистральных мастерских, чтобы не было разнобоя в их работе.

Не последняя роль здесь должна принадлежать Союзу советских архитекторов и особенно московскому его правлению. Наши грехи и ошибки могли бы быть гораздо меньшими, если бы со стороны Союза было больше эффективной помощи в практической работе по реконструкции Москвы.

Сейчас московская организация Союза советских архитекторов настолько разрослась, что московское правление и секции не успевают охватывать ряда крупнейших проектов. Нужно это дело перестроить так, что если московской организации невозможно просматривать достаточное количество проектов, то пусть обсуждение их производится в первичных организациях.

Такие крупнейшие объекты, как площади и проспекты Дворца Советов, Зарядье и Красная площадь, до сих пор еще не решены окончательно. Это не случайно, а происходит потому, что общественное мнение недостаточно приковано к практической реализации генплана Москвы.

В настоящий момент в центре нашего внимания должна быть не только разработка магистралей и площадей города, но и реконструкция центра, разработка узла от Красной площади до Дворца Советов и подхода к юго-западному району с его высотным силуэтом. Необходимо дать идейное содержание всему этому комплексу крупнейших зданий, задержка в решении этого комплекса отрицательно отразится на решении всей Москвы.

Не случайно скульпторы здесь говорят об этом. Необходимо решить все эти задачи не только комплексно (архитектор, инженер, экономист, инженер-строитель и т. д.), но и в синтезе архитектуры, скульптуры, живописи и декоративного искусства.

Для успешного завершения реконструкции Москвы одним из главных моментов является скорейшее освоение ее юго-западной территории. Я говорю именно об освоении, потому что в этом районе не решен вопрос об оползнях, о размещении и очередности застройки, организации работ и т. д. И если мы не разрешим этих вопросов своевременно, то можем опоздать, так как уже в ближайшие два года нужно будет приступить к строительству на юго-западе.

В заключение — несколько слов о научно-исследовательской и теоретической работе. Эта работа у нас чрезвычайно отстает, и нужно пожелать, чтобы со стороны Союза советских архитекторов и Академии архитектуры, где имеется большой высококвалифицированный коллектив, была оказана максимальная помощь нашей работе по реконструкции Москвы.

Арх. З. А. КУРДИАНИ

(Тбилиси)

Прошло пять лет со дня опубликования исторического постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о генеральном плане реконструкции Москвы. Пять лет московские большевики, партийные и беспартийные, упорно и настойчиво работают над выполнением плана перестройки любимого города. За эти же годы начата реконструкция и других центров наших союзных социалистических республик, в число которых входит Тбилиси.

История города Тбилиси теряется в глубине веков. 15-вековая история города изобилует драматическими моментами, когда город превращался в груду развалин. В период колониальной политики царской России Тбилиси не изменялся к лучшему.

Максим Горький, хорошо знавший Тбилиси, так описал противоречие между природными красотами и его городской застройкой: «Ломаные линии домов, разделенные узкими, извилистыми и крутыми улочками, стояли чуть ли не на крыше друг у друга. Кура, рекующая в узком каменном ложе между сдвинувших ее скал, с пеной гнева бьетась в берегах, как бы прося разрушить и смыть с них тяжелые и грязные здания».

За время империалистической войны и кратковременного господства меньшевиков крайне мало развита промышленность в Тбилиси и городское хозяйство в целом

пришли в полный упадок. Водоснабжение города было ниже всякой критики. Население города, насчитывавшее к моменту советизации Грузии около 220 тыс. чел., лишь наполовину было обеспечено водой, причем водой из реки Куры, плохо очищенной, распространившейся в летнее время эпидемические заболевания. С канализацией города положение было еще хуже. Не более 45% домовладений было присоединено к городской канализации. Дорожное хозяйство города носило самый примитивный характер. Более 40% всех проездов не было замощено, из замощенных улиц 90% имело булыжную мостовую.

Застройка в Тбилиси проводилась неорганизованно и хаотично. На 65% город был застроен 1-этажными домами и на 30% — 2-этажными. Процент застройки доходил в среднем до 60%. Утопавшие в грязи рабочие окраины застроены были тесными покосившимися домами. «Заприте в этих помещениях, — писал один из гласных городской управы, — собаку, осла или лошадь — они зачахнут, а человек живет, живет и деньги платит».

Таким был Тбилиси в прошлом, до установления советской власти в Грузии. Теперь Тбилиси неузнаваемо изменился.

Подлинно грандиозные по масштабу и размаху работы, связанные со строительством и реконструкцией Тбилиси, начаты с 1933 г. На объединенном пленуме Тбилисского Комитета КП(б) Грузии и Тбилисского горсовета т. Л. П. Берия дал такую директиву: городское хозяйство является конкретным участником работы непосредственно на нужды трудящихся для улучшения их культурно-бытового положения. Начавшиеся с этого периода крупные работы по переустройству города, руководимые лично т. Берия, за короткий срок коренным образом изменили лицо города.

Во всех районах города проведены широкие и покрытые асфальтом улицы, большинство второстепенных улиц замощено. Город и его окраины получили родниковую натахтарскую воду. Ко многим улицам подведена канализация. Во всех районах построены школы, детские ясли, сады, больницы, парки.

В промышленно-хозяйственном отношении город целиком перестроен. Из административно-торгового и чиновничьего город превращен в промышленный. За эти годы построено несколько десятков новых фабрик и заводов, строятся крупные многоэтажные благоустроенные жилые дома. Для отдыха населения разбиты парки культуры и отдыха, скверы, сады.

Но всего этого недостаточно, и работа по строительству и реконструкции города проводится возрастающими темпами. Для правильного разрешения задач реконструкции города в 1933—1934 гг. был составлен и утвержден генеральный план.

Одной из значительных работ, изменивших лицо города, является реконструкция главной площади им. Берия (бывшая пл. Закфедерации). В центре площади находилось здание караван-сарая, уменьшавшее площадь до 0,6 га. В 1933 г. это здание было разрушено, площадь была расширена до 2,5 га. В территорию площади вошел также Пушкинский сквер. Старые здания, выходящие на площадь, оказались немасштабными с расширенной площадью, вследствие чего некоторые из них были надстроены и архитектурно оформлены заново. Однако эта задача архитектурной реконструкции и повышения этажности зданий на площади осталась неразрешенной до сегодня. С площади были сняты трамвайные линии и брусчатый покров заменен асфальтом. Тротуары расширены до 9 м, обсажены крупными деревьями.

Другой, не менее крупной работой по реконструкции Тбилиси следует считать коренное переустройство поперечного профиля проспекта Шота Руставели и расширение ул. Коминтерна, соединяющей проспект Шота Руставели с площадью им. Берия, с 15 до 38 м. С проспекта трамвайные линии были перенесены на параллельную улицу (ул. Дanelадзе), на проспекте устроены широкие тротуары и газоны. Новое здание института Маркса—Энгельса—Ленина (автор—акад. Шусев) отличается своей монументальностью, богатством и строгостью форм, благородством облицовочного естественного камня. Вместе с тем нельзя не отметить невыгодности расположения подобного здания по красной линии проспекта. Следовало бы несколько отступить для образования небольшой площади, что значительно улучшило бы обзорность здания. Еще следует отметить в этом здании, построенном на проспекте Шота Руставели, слабое использование мотивов и форм грузинской архитектуры.

Грандиозное здание Дворца правительства (автор проф. Кокорин) не имеет со стороны проспекта Руставели законченного архитектурного лица. В оформлении здания есть диссонанс. Наряду с детальной колоннадой первого этажа и отдельных элементов фасада грузинскими мотивами запроектированы колоссальные плоскости с проемами и балконами, безусловно относящиеся к конструктивизму.

Удачны попытки использовать элементы национальной грузинской архитектуры акад. Северова в оформлении фасада музея Грузии и арх. Арчила Курдиани в оформлении стадиона «Динамо».

Грандиозный комплекс архитектурно-планировочных работ развернул Горсовет в 1934—1936 гг. на участке от зоопарка до Плехановского проспекта. Здесь на месте хаотичной застройки образована новая площадь Героев Советского Союза, в которую вливаются четыре магистрали. Площадь окружена довольно высокими холмами, на которых размещены и будут размещаться в дальнейшем здания. Один из этих холмов использован в качестве постамента для здания цирка (авторы Сатунц, Непринцев, Урушадзе), против которого впоследствии предполагается строительство Дворца молодежи.

У подножья холма фронтом в сторону ул. Левина расположено здание 100-квартирного комбината. Авторы комбината (арх. Калашников и акад. Северов) создали удачное в архитектурном отношении здание. Но в смысле силуэта здания задача разрешена неправильно. Необходимо, пока еще не поздно, серьезно поработать над ансамблем площади Героев Советского Союза с учетом крайне интересных природных условий.

Из новых монументальных построек в Тбилиси нужно назвать мост Челюскинцев, который вместе с магистралью им. Челюскинцев соединяет два крупных городских района.

В 1938 г. наш Горсовет приступил к расширению Мухаранской улицы с 9—11 м до 30 м. Предварительно были построены 4 жилых корпуса для переселения жильцов. Интересно разрешен вопрос слияния ул. Прессы с Мухаранской улицей. Не желая разбивать длину квартала на два коротких отрезка, ул. Прессы пропущена под большой аркой здания. В оформлении фасада здания использованы грузинские мотивы.

Проектом реконструкции города намечены набережные по обоим берегам реки Куры в пределах существующего города, протяжением до 20 км. Эти набережные будут продолжены и в новых районах города при освоении их.

В 1934 г. закончена набережная первой очереди. Авторы (архитекторы Малоземов и Приймак) применили в парапете туф приятного розового цвета. Удачно архитектурное оформление парапета набережной от моста Эллакидзе к парку физкультуры (автор — арх. Кочинашвили).

Устройство набережных по правому берегу реки Куры (около 5 км) главным образом преследовало архитектурно-планировочные цели. Создана обширная магистраль по продольной оси города, разгружающая проспект Руставели. Эта магистраль после устройства набережной от Мухаранского моста до Метевского по правому берегу станет сквозной и через горы соединит Военно-Грузинскую дорогу с Ереванской шоссе-сейной дорогой.

Набережные, максимально озелененные, с оформленными парапетами, превратили заброшенный и заваленный мусором берег Куры в красивейшую часть города — излюбленные места для отдыха населения, где по вечерам в летние месяцы устраиваются гулянья.

На быв. Мадатовском острове снесено свыше 100 ветхих домов, освобожденных от жителей, которые переселены в специально построенные дома; на месте снесенных строений устроен парк площадью около 10 га. В верхней части парка сооружен грандиозный монумент товарищу Сталину (авторы — скульптор Какабадзе, арх. Гозалишвили) из красного гранита.

В первые годы осуществления означенных работ на помощь местным архитекторам привлекались архитекторы из других городов (акад. Шусев, проф. Кокорин, арх. Малоземов, акад. Гинзбург и др.). Впоследствии архитекторы Тбилиси освоили все участки архитектурных работ по городу, проявляя при этом высокие знания и неутомимую энергию.

Местными архитекторами запроектированы такие крупные объекты, как стадион «Динамо», цирк, кино им. Руставели, парк им. Сталина, набережные, стоквартирный комбинат, медицинский городок и целый ряд общественных и жилых зданий.

В работах по строительству города приняли участие акад. Северов, проф. Кальгин, архитекторы А. Курдиани, Калашников, Непринцев, Шавишвили, Термиkelов, Кочинадзе, Джандиери, Кубанейшвили, Мелия, Сатунц, Дгеубадзе, Пейкришвили, Тондзе, Кочинашвили, Демчинский, Гозалишвили, Химшиашвили, Хмельницкая и ряд др.

Среди скульпторов активное участие в оформлении города принимают проф. Николадзе, Топуридзе, Какабадзе, Мерабишвили и др.

В заключение я считаю нужным отметить в нашей работе недочеты, которые должны быть изжиты в ближайшее время.

Не разработан проект первой очереди застройки, при отсутствии которого не удается корректировать генеральный проект реконструкции города. Строительство расплано по городу и отсутствует твердая организованность его. Наконец, что особенно важно, застройка площадей и улиц города проводится без подчинения идее создания городских ансамблей и единого городского комплекса. Достижения в области

сооружений, национальных по форме, незначительны, и требуется более смелый и резкий поворот на этом пути. Город Тбилиси стал социалистическим. Надо превратить его архитектурный облик в национальный по форме, используя для этого лучшие образцы архитектурного наследия.

Арх. В. М. КУСАКОВ

(Москва)

Созданные в 1933 г. по инициативе Л. М. Кагановича проектные мастерские за семь лет своего существования проделали колоссальную работу. Тов. Бумажный приносил здесь поистине грандиозные цифры, характеризующие размах работы мастерских. Мастерские, во главе которых стояли крупнейшие мастера советской архитектуры, сыграли огромную роль в процессе ее становления, в деле решительного повышения качества проектирования. Работая в мастерских, творчески окреп и вырос коллектив московских архитекторов, который выдвинул ряд способнейших молодых архитекторов, отлично зарекомендовавших себя на ответственной самостоятельной работе. Товарищи, имена которых называли с этой трибуны и которых не называли, выросли в подлинных зодчих на работе именно в мастерских. Но многие мастерские на сегодняшний день, из-за отсутствия надлежащего систематического руководства, из-за некоторого ослабления внимания со стороны Моссовета к мастерским и, как следствие этого, полнейшего самотека в их работе, потеряли свои специфические положительные черты и в ряде случаев превратились в рядовые проектные конторы со всеми их недостатками, в учреждения, не отвечающие задачам, которые поставлены перед ними.

Одним из главнейших недостатков, по-моему, является недопустимое увеличение численного состава мастерских. Вместо определенных постановлением Моссовета 20—25 чел. отдельные мастерские насчитывают в своем составе 100—150 чел., причем укрупнение мастерских происходит до самого последнего времени. Мастерские Голосова и Полякова, разделенные недавно на две (3-ю и 9-ю), на днях снова слиты в одну очень большую мастерскую.

Вместо 4—5 авторов, определенных тем же постановлением, в отдельных мастерских число самостоятельно работающих архитекторов доходит до 15—20. Естественно, что при таком количестве авторов руководитель не в состоянии ни творчески руководить ими, ни работать сам, ни нести ответственность за продукцию мастерских.

Нужно еще сказать, что увеличение состава старых мастерских и формирование новых произошло путем случайного механического подбора архитекторов, не объединенных единой творческой направленностью, и т. Заславский прав, говоря о том, что многие мастерские утратили свое творческое лицо. Я только должен оговориться, что понимаю творческое лицо очевидно не так, как понимает его т. Заславский, бросивший мне упрек в том, что я сделал на трех разных улицах три разных дома. Мне представляется, что три разных дома на трех разных улицах еще не свидетельствуют о потере автором творческого лица и что неважно бы выглядело творческое лицо архитектора, который в течение пяти лет делал бы только одинаковые дома.

Распределение работы между отдельными архитекторами в мастерских носит часто случайный характер, и при этом нередко не учитывается ни квалификация архитектора, ни его опыт, ни значительность объекта. Ответственные объекты нередко поручаются неопытным архитекторам, причем это делается под лозунгом выдвижения молодых кадров. Практика показывает, что такой способ выдвижения кадров не приносит пользы ни городу, ни кадрам. Наоборот, кадры от этого только страдают.

Необходимо остановиться на таком вопросе, как работа архитектора на стройке, и о внимании к этой работе со стороны мастерской. Здесь упоминался приказ по отделу проектирования, ограничивавший время работы архитектора на стройке. Сейчас как будто бы этот приказ отменен, но уже одно его существование в прошлом характеризует отношение мастерской к строительству. Преследуя узко коммерческие цели, мастерские нередко тормозят работу архитектора на стройке, не стимулируют и не организуют ее.

Хозяйственно-финансовое руководство мастерскими сводится к подписанию договоров и выдаче нарядов. Для ряда мастерских характерны обезличка, уравниловка и делчество при подходе к определению зарплаты, причем обычно не учитываются ни способности, ни квалификация архитектора, ни, сплошь и рядом, даже объем работ. В некоторых мастерских архитекторы вообще превращены в производственные единицы, оправдывающие себя с точки зрения хозяйственно-финансового руководства мастерской только в том случае, если они выполняют финансовый план независимо от качества их работы. Я не проверял, но думаю, что не ошибусь, если скажу, что ни

одни из товарищей, которые были положительно отмечены с этой трибуны, не был отмечен как лучший производственник в мастерской.

Неблагополучно в мастерских и с зарплатой архитектора. Практика применения нового закона об оплате, установившего известный порядок в существовавшем до того беспорядке, показала необходимость внесения известных коррективов в этот закон. Мастерские Моссовета не только не ставят с должной настойчивостью вопроса о внесении этих коррективов, но даже допускают иногда искажение его. Так, в частности, в 3-й мастерской установлен порядок, по которому выплата ежемесячной зарплаты архитектору-автору находится в зависимости от имеющегося у него наряда-лимита зарплаты. В результате, закончив проект, архитектор начинает получать зарплату лишь в половинном размере, причем бывают случаи, когда и эту половину у него пытаются удержать из наряда на следующую работу. Произвол и безответственность в политике зарплат приводит к тому, что почти все ведущие архитекторы высшей квалификации оплачиваются в мастерских ниже, чем архитекторы малоопытные низшей квалификации.

Исключительно ответственная работа над магистралями, которой были заняты мастерские в последнее время, своими результатами ярко показала, что современное состояние мастерских находится не на уровне стоящих перед ними задач.

Новое руководство управления проектирования, будучи весьма квалифицированным руководством, все же еще не упорядочило и не улучшило работы мастерских, а в этом существует крайняя необходимость, и для этого есть все возможности. Необходимо восстановить мастерские, как ведущие проектные организации столицы, и это является, по-моему, одной из первоочередных и серьезнейших организационных задач.

Скульптор И. М. ЧАЙКОВ

(Москва)

Тов. Алабян в своем докладе правильно поставил некоторые вопросы. Я только очень сожалею, почему т. Алабян сказал об этом после пяти лет стройки и почему он не сказал об этом раньше. Мы бы тогда в своей работе пришли к иным результатам.

То, что до сих пор нет скульптуры в ансамбле новой Москвы, я считаю большим несчастьем для скульпторов; может быть, мы за эти пять лет сделали бы много ошибок, но очень многому и научились бы. Когда сейчас поступает задание на памятник, то скульптор оказывается в чрезвычайно трудном положении, потому что ему не дают площадки, заранее архитектурно законченной. Возьмем, например, площадь Маяковского. По-моему, в проекте этой площади должен быть заложен образ Маяковского, т. е. его сущность, его борьба за новый быт и культуру, а между тем сейчас мы видим на этой площади нечто противоположное. Маяковский, я думаю, был бы весьма недоволен зданием Концертного зала.

Когда мы заново строим город, когда мы разрушаем кварталы, чтобы дать простор новому, мне кажется, нужно в самом начале проектирования преследовать единство мысли, добиваться творческого единения скульпторов с архитекторами. Иначе мы получим творения художественно неполноценные, а ведь мы хотим, чтобы наш город был лучшим в мире.

Скульптор должен дать современную тему, но как это ему сделать, когда стиль здания не соответствует новой тематике? В таких случаях скульптура теряет свое значение и качество. Скульптура нужна не только, чтобы украшать дома, но нужна и для того, чтобы закреплять в образах новую эпоху. Если мы будем поступать не так, то не создадим скульптуры большой художественной значимости.

В практике нашего строительства мы часто применяем богатый и дорогой материал для цоколя, например лабрадор, а скульптуру делаем из бетона. Как тут быть скульптору? Ведь изобразительный момент должен быть акцентирующим моментом, а архитекторы не находят для скульптуры такого материала, чтобы она образовала с телом здания органически целое.

Пусть скульптура будет мала, но каждая деталь, хотя и маленькая, должна быть драгоценной, чтобы она звучала и оживляла здание, а не являлась как бы формальной оптикой: «а вот вам и скульптура». Такое отношение к скульптуре нужно изжить.

Здесь т. Колли говорил о необходимости фонтанов. Конечно, их необходимо вводить, где только можно, но небольшая до сих пор практика применения фонтанов в нашем строительстве не нашла настоящих решений. Возьмем центральный фонтан в Парке культуры и отдыха. Этот большой фонтан так заморожен, что зеркала воды мы не видим. Такие архитектурные объемы, которые стараются дать под разными стиливыми нагромождениями множество деталей, убивают органические элементы

природы, в данном случае — зелень и зеркало воды. А ведь надо, чтобы человек мог без труда видеть игру фонтана и красоту воды.

Сейчас сделан фонтан Фрих-Хара, очень хороший фонтан, но архитектор так его кругом обстроил, нагромодил так много мрамора на тяжелом цоколе, что основной фонтан стал только маленькой завершающей деталью. Здесь — отсутствие чувства меры, неправильное отношение к пропорции. Необходимо, чтобы такие вопросы продумывались совместно архитектором и художником.

Садовая скульптура — вещь благородная, она обогащает парки, но у нас нет разницы между скульптурой монументальной и декоративной. В Парке культуры и отдыха, например, поставлена скульптура Горького, которую нужно понимать как статую, а создается впечатление, будто это памятник на площади, а не в саду. Поднимать статую на пьедестал нужно тогда, когда требуется, чтобы памятник был виден с далекой точки, а совсем не тогда, когда вы хотите его рассматривать более интимно, как к этому располагает парк.

Художнику для подъема настроения, для его творчества нужны соответствующие условия, надо уметь его зажечь замыслами — этого мы со стороны архитектора не имеем. Но ведь задача архитектора не только дать такое количество квартир, архитектор должен способствовать появлению мысли у художника. У нас получается обратное, архитектура не всегда осознает значимость изобразительной вещи для своего ансамбля. Чтобы выйти из этого положения, необходимо создать специальную организацию при Моссовете, может быть, при плановом отделе, где обсуждаются решения магистралей, садов, площадей и т. д., и в этой комиссии должны принимать активное участие наряду с архитекторами и художники. Может быть, они не понимают целиком задач архитектуры, но у них есть чувство меры и чувство красоты, которое редко обманывает. При этом художники должны принимать участие в такой работе не эпизодически, а систематически, и тогда наша великая столица несомненно обогатится достойными пластическими произведениями.

Арх. В. Ф. ТВЕЛЬКМЕЙЕР

(Ленинград)

Наши юбилеи не были бы советскими, если бы, подводя итоги проделанной работы, мы не отмечали ее недостатков, — тогда не было бы поступательного движения, которого мы ждем в каждом деле, а тем более в таком большом, как реконструкция Москвы.

И поэтому я считаю нужным отметить, что впечатления, которые получает приезжий при посещении Москвы, отмечены целым рядом негативных моментов. Эти негативные моменты мы, ленинградцы, воспринимаем почти единодушно.

В решениях ряда отдельных магистралей и ансамблей мы, к сожалению, часто видим схемы, которые не соответствуют естественной структуре такого города, как Москва. Никто не думает, что нужно оставить и повторять кривоколенные, кривоарбатские переулочки, но необходимо использовать опыт старых живописных ансамблей Москвы. Если в Ленинграде мы имеем предпосылки для планировки регулярного порядка, то в Москве это начало не может иметь места.

Москвичи в этом отношении кое-что напортили и в других городах. Я вспоминаю впечатление, которое у меня сложилось в Тбилиси от Дома правительства, которым проф. Кокорин разрушил как масштаб города, так и его естественную тектонику.

В Москве, к сожалению, мы видим целый ряд аналогичных явлений, которые не способствуют качеству ансамбля Москвы. Проезжая три дня тому назад по Москве-реке, мы, наряду с новыми кусками строительства, лишний раз оценили постановку Кремля, Новодевичьего монастыря и удивлялись, как наши московские товарищи не чувствуют, что им надо использовать из планировочного опыта старой Москвы.

Возьмите набережную против Центрального парка культуры и отдыха. Самая планировка парка с живописным решением набережной, выполненной арх. Власовым, не нашла никакого ответа на противоположной стороне. Мы видим сплошную ленту неприятного профиля набережной, без каких-либо пластических моментов, и за ней цепь домов-коробок, «больших кирпичей», которые никак не гармонируют с Центральным парком культуры и отдыха.

Почему на этом отрезке не проявлена та забота, которая проявлена в отношении Зарядья, где организован конкурс на застройку? Парк культуры и отдыха является местом не менее ответственным, чем Зарядье. Тысячи трудящихся посещают парк, и это место должно быть решено со всей ответственностью. Я вспоминаю Л. Н. Бенуа, который говорил, что хорошо жить не в красивом доме, а напротив красивого дома.

Мы должны добиться, чтобы граждане Москвы и всего Союза жили не только в красивых домах, но и напротив красивых домов.

Мы часто занимаемся критикой постфактум. Как рассказывает т. Алабян в своем докладе, ряд предпосылок создал такое положение вещей, что Советская площадь оказалась predetermined в своей архитектурной композиции. Это была ошибка. На ошибках, конечно, учатся, но сегодня то же самое мы видим на пл. Пушкина. В этом отношении, мне кажется, нужно гораздо больше заниматься профилактической критикой и это — обязанность Союза архитекторов в первую очередь.

Я не могу не остановиться на вопросе, который затронул т. Баранов, — о том, что москвичи недостаточно любят пейзажи и ту среду, в которой они работают.

Можно говорить об идейном значении улицы. Но в идейном значении должны быть использованы и пейзаж и естественная среда. К примеру, образа советской магистрали на Мещанской не получилось. Раньше создавали брандмауэры, теперь сплошную ленту и разрывы, которые так малы, что не могут раскрыть существующего озелененного пространства, на фоне которого могли бы ужиться многие дома, в частности дом И. Н. Соболева, и быть поставлены сооружения монументальной пропаганды и малых форм.

Меня поразило также отношение к реке в постановке дома «Известий» и в трактовке его как арх. Коули, так и у арх. Алабяна. Мы знаем пример Сената на Неве и здания Володарского совета в Ленинграде, где аналогичная задача решена с учетом реки.

Я призываю москвичей использовать прекрасные пейзажные живописные возможности Москвы, которые всегда помогали архитектуре, примером чему могут служить великолепные сооружения как в наших северных городах, так и в Грузии и в Армении, например, Джзари-Цминда, Свети-Цховели, Баш-Гарни, Гехард и т. д.

В отношении тех упреков, которые мы слышали от художников относительно совместной работы, я должен сказать, что эти разговоры останутся нереальными до тех пор, пока художники не согласятся работать в системе проектных контор плечом к плечу с нами, архитекторами. К сожалению, такого желания у художников нет.

Заканчивая свое выступление, я должен признать, что даже голые цифры и то, что мы видим, бывая здесь в Москве, заставляет нас учиться у московских архитекторов. Московские архитекторы много работают и много им дано, но я думаю, кому много дано, с того много и спросится. Практика Москвы находит отражение в практике других городов, поэтому москвичи должны относиться более критически к своей работе.

Арх. З. М. РОЗЕНФЕЛЬД

(Москва)

Тов. Алабян в своем докладе вскользь коснулся вопроса реконструкции Садового кольца. Между тем Садовое кольцо является одной из первоочередных магистралей, подлежащих реконструкции, поэтому ему надо уделить больше внимания.

Особенностью Садового кольца является то, что это — транзитная магистраль, соединяющая периферийные точки города, не проходя через центр. В то же время Садовое кольцо является и жилой магистралью. Наконец, Садовое кольцо обходит вокруг центра города, но не имеет целеустремленного направления к нему. Садовое кольцо идет поперек холмов Москвы, и это составляет его естественную особенность, при движении по Садовому кольцу непрерывно возникают далеко видимые перспективы. Так, с Смотровой площади мы видим Колхозную площадь, с Колхозной площади мы видим Красноворотскую площадь и т. д., т. е. мы имеем естественные возможности, которые обязательно должны быть обыграны архитектурой. На этих холмах должны быть воздвигнуты особые архитектурные здания, которые отвечали бы этим перспективам. Раньше на Колхозной площади стояла Сухарева башня, которая замыкала перспективу. Необходимо при реконструкции возместить этот архитектурный эффект другими средствами.

Но Садовое кольцо имеет также систематические пересечения с радиальными улицами, идущими к центру: с 1-й Мещанской, Кировской, Покровской и т. д. Все эти пересечения также должны найти свое отражение в виде архитектурно скомпонованных углов, ритмически отмечающих эти архитектурные узлы. Между тем у нас с этими углами-пересечениями дело обстоит далеко не благополучно. Лишь в редких случаях там, где архитектор об этом позаботился, мы видим положительный эффект. У Пушкинской площади, на углу ул. Горького, где арх. Мордвинов поставил себе задачу скомпоновать этот угол, уже сейчас, независимо от архитектуры, придается организованный характер началу этого отрезка магистрали. Но застройка Садового кольца пока что идет сплошным фронтом. Я думаю, что это не совсем правильно.

Если по радиальным магистралям раскрытые дворы нецелесообразно, то по Садовому кольцу необходимо открывать внутренние пространства с озелененными разрывами, это придало бы специфику Садовому кольцу.

Садовое кольцо было очищено от бульваров, от палисадников, которые остались от старой Москвы, красные линии его приведены были в порядок. Но зелени нет. Между тем, если принять во внимание, что Садовое кольцо — магистраль транспортная, то введение зеленых насаждений и газонов значительно улучшило бы бытовые условия для населения.

Магистраль, называемая Садовой, не имеет садов. Это противоречие могло бы быть устранено путем переименования улицы, но лучше пойти по линии большего сопротивления и превратить эту улицу в действительно Садовую, в настоящее кольцо садов с озеленением и зелеными разрывами между зданиями.

Мы имеем уже целый ряд форпроектов, правда, в виде предварительных вариантов. На этих форпроектах, которые сделаны акад. Колли и проф. Голосовым, архитектура намечена очень сдержанно, культурно, но она недостаточно выразительна для крупнейшей столичной магистрали. Вообще в архитектуре жилых домов выработался такой прием: стена, балконы в небольшом количестве и несколько тяг. Для одного дома или для нескольких домов это может быть и хорошо, но для архитектуры магистрали такой прием мне кажется недостаточным. Необходимо найти более смелые средства архитектурного выражения, иначе у нас получатся провинциальные магистрали.

В этом отношении работа т. Чечулина представляет кое-какие отличительные черты. Историк искусств Вингельман сказал: «Приступая к критике произведений искусства, научись сперва хорошенько разбираться в их достоинствах». Тов. Чечулин чересчур увлекается украшениями — это есть недостаток его проектов. Но вместе с тем в них имеется известная пластика, объемность и выразительность, и, если отбросить момент украшательства, то пластика, сочность и полнота архитектурного языка являются достоинствами, которые могли бы служить положительным примером.

Сейчас форпроектам и магистральным архитекторам придется исключительное значение. При правильной постановке и при высоком качестве решения такая работа могла бы дать очень хороший результат; но пока у нас нет ни одного утвержденного форпроекта, за исключением Можайского шоссе. Необходимо немедленно закончить работу по составлению и утверждению форпроектов с тем, чтобы творчество магистральных архитекторов не вылилось только выражением индивидуальных вкусов, пусть и высококультурных, но чтобы оно стало руководством, апробированным высшими архитектурными организациями Москвы.

Когда рассматриваешь форпроекты, то замечаешь, что помимо воли архитектора в них создается однообразие в характере застройки. Это очень большая опасность, потому что однообразие не есть чисто эстетическая категория, она перерастает в политическую категорию. Я думаю, что художественное, логически осмысленное разнообразие должно стать творческим лозунгом в проектировании ансамблей новых магистралей и площадей. Как положительный пример, я бы привел работу над ансамблем Нового Арбата акад. Чернышева и архитекторов Заславского, Кожина и Сурица; здесь видно, что авторы поставили себе ясную задачу художественного разнообразия в архитектуре. Мы видим здесь и нарастание масс, и разнообразие форм, и раскрытие пространства.

К трем измерениям архитектуры теперь прибавилось четвертое: восприятие во времени, что очень приближает архитектуру к таким искусствам, как музыка и литература. Так же как произведения музыки и литературы строятся на контрастном противопоставлении и сочетании разных тем, форм, мотивов и мелодий, чередующихся и сменяющих друг друга, так и архитектура в содружестве с живописью и скульптурой должна развертывать художественно осмысленную разнообразную панораму то контрастирующих, то сходных жилых и общественных зданий, открытых зеленых пространств, красивых опрад и произведений малых архитектурных форм. Богатая всеми оттенками художественной выразительности архитектура новых магистралей должна отразить красоту и величие той замечательной эпохи, в которой нам выпало великое счастье жить и работать.

Художник В. А. ФАВОРСКИЙ

(Москва)

Доклад т. Алабяна был, как мне кажется, особенно содержательным в критической части. Его указания на то, что нужно подходить по-разному к отдельным частям магистрали, что площади могут быть различного назначения и различного содержания, — правильные указания. Но мне представляется, что докладчик не закончил

своей мысли. В сущности, из чего складывается различное содержание и различное назначение площадей? Естественно, что мы, художники, говорим прежде всего о точках города, идеологически выразительных, говорим о монументальной пропаганде.

Всем вам, конечно, памятни указани Ленин на значение монументальной пропаганды и если эти указания помогают дать Москве более выразительный и более содержательный образ, то мы должны помнить, что там учитывается и прямое назначение пропаганды: поучать. Стены должны стать страницами, а вся Москва как бы книгой, в которой мы можем читать прошлое, нашу историю; а Москва, несомненно, имеет глубокое историческое содержание — древнее и недавнее, которое привело к построению социалистического государства. Чтобы сколько-нибудь выразить это, Москва обращается к литературным формам. Улицы называются в память событий, в память героев, в память писателей, но ведь этого мало.

Вот мы с вами заседаем на Пушкинском бульваре, а многие ли из нас знают, почему она называется Пушкинским? Но мы москвичи, а сюда приезжают и будут приезжать советские люди из разных городов, и их-то должны поучать изобразительные разъяснения, а не только литературные.

Монументальная пропаганда может быть различной формы, она может быть и малых форм. Я всегда с удовольствием встречаю на улицах Москвы рельефы, оставшиеся от первых годов революции, с их лозунгами, с их простыми, иногда даже наивными изображениями, — их всегда приятно видеть, и очень жаль, что эта форма не культивировалась дальше.

Мне представляется, что несмотря на определенный стиль какой-либо магистрали или площади, несмотря на ее стремление быть цельной, мы всегда можем войти в нее мелкими формами, например на стены этих улиц дать мемориальные доски, простые с текстом, рельефы, бюсты и отдельные статуи.

Но есть и более крупные моменты монументальной пропаганды — памятники. Вам может показаться, что мы повторяемся. Но только художники и скульпторы об этом говорят, а архитекторы почти не говорят, и когда выступал т. Колли, то в его концепции, может быть, без его желания, памятники явились только прибавкой к реконструкции.

А куда их ставить? Они должны иметь жилплощадь. Те памятники, которые у нас есть, имеют ли они все надлежащую жилплощадь? Печатник Федоров отодвинут, чтобы не мешать движению; Пушкин стоит сейчас совсем не в масштабе и никак не отгорожен своим пьедесталом от окружающего движения. Некоторые памятники несомненно могут существовать среди сильного движения, посредине сильной магистрали или динамической площади, но некоторые по своим темам требуют спокойного осматривания, спокойного созерцания. Вы сами должны ответить Пушкину той задумчивостью, которая выражена его позой, а вы этого не можете сделать на Пушкинской площади.

Та обычная форма, которой мы придерживаемся — статуя на пьедестале, — не есть обязательная и не есть наиболее приемлемая форма памятников в новой Москве, потому что сейчас один пьедестал является недостаточной рамой для памятников. Кругом должно быть организовано и горизонтальное пространство, будь это цветник, парк, деревья и какие-то архитектурные фоны, которые должны быть подложены под данный памятник. Взять печатника Федорова. Эта статуя поставлена в угол. Но этому памятнику вовсе не надо много места; если бы был надлежащий архитектурный фон, памятник считал бы это место своим, а сейчас он отодвинут, как мешающая движению фигура.

Следовательно, нужно уже при проектировании определенных улиц и площадей учитывать, где расположить идеологические точки и как их выразить.

Памятник Гоголю предполагают поставить на площади у Киевского вокзала. Почему там? Потому что это Киевский вокзал. Но почему будет статуя там, где люди бегут с чемоданами, беспокоятся о билетах, боятся опоздать на метро, на поезд, когда рядом есть набережная, на которой можно запроектировать место, позволяющее видеть эту фигуру с моста и чтобы можно было кому-то сесть и отдохнуть около этого памятника.

Архитектору должен включить и художника, и скульптора, и, может быть, даже писателя в работу по планировке Москвы, потому что иначе изобразительные моменты, лишь как поправка, будут неорганично входить в архитектурные проекты. Сейчас надо понимать памятник очень широко: это может быть статуя на пьедестале и фаводе, дом, который может принять на себя скульптуру и живопись, и целая площадь, которая может быть определенно организована, и какие-то мелкие формы, как доски рочета, мемориальные доски и т. п. Ввиду этого я считаю, что к планировочной работе сразу же надо привлекать и художника, и скульптора и работать с ними совместно.

Арх. Г. В. ГОЛОВКО

(Киев)

Выступавшие здесь ораторы говорили, что Москву строит вся страна. Это не только образность выражения, в этой скромной фразе заложен глубокий смысл. Горячо любимая, многонациональная, многоязыковая родина живет единой идеей культуры, литературы и искусства. Вот почему мы любим нашу Москву, ее архитектуру, ее благоустройство. Вот почему мы должны остро реагировать на все недостатки на ее архитектурном фронте.

Архитектурные советские памятники Москвы представляют собой как бы окаменевшие страницы нашей истории. Через определенное время они расскажут следующему поколению о нашей героической борьбе за построение нового, социалистического общества. Но, рассматривая дома и улицы Москвы, мы должны сказать, что в них чувствуется отсталость от общих масштабов нашего грандиозного строительства.

Возьмем, например, Калужскую улицу. Ничего плохого на ней нет, дома поставлены с определенными разрывами, одной заданной высоты. Но эти принципы нас не зажигают и не могут зажечь. Хотелось бы здесь видеть не только ремесло архитектора, но и ту идею, которую он хотел выразить в застройке данной улицы. С этой точки зрения планировочная задача на Калужской улице и не до конца решена. Отдельные разрывы между домами не создают той выразительности, которая необходима для организации и восприятия архитектурного ансамбля улицы, расстановка зданий схематична, несколько шаблонна.

Ряд домов не имеет балконов, дома получились рябые, как будто покрытые оспой: один дом — одного цвета, другой — другого цвета. Получается впечатление, что архитектор делал все это наспех, что у него не было времени. Необходимо так организовать работу, чтобы у архитектора нашлось достаточно времени и на обработку плана и на отделку здания.

Говоря о площадях Москвы, т. Алабян указал, что здесь еще нет разработанных проектов. Площади по ул. Горького, мне кажется, решаются сейчас неправильно. А ведь по существу на такой магистрали, как ул. Горького, нет площадей. Пл. Пушкина и пл. Маяковского — это не площади, ибо они перенесены и загружены транспортными потоками. Мне кажется, что такая площадь, как против Моссовета, требует расширения. Если к ней добавить еще насаждения, чтобы она представляла собой архитектурный зеленый пейзаж, то образуется прекрасная площадь. Зачем бороться за лишнюю пядь земли? Что, у нас земли мало? Надо приветствовать расширение такой площади.

У нас в Киеве имеются хорошие примеры планировочных решений отдельных улиц в связи с природным пейзажем, как, например, замечательное здание Верховного Совета (автор — проф. Заболотный), или жилой квартал по ул. Ленина и Пироговской (автор — арх. Шлоханев), или застройка ул. 25 октября (автор — арх. Григорьев). Прекрасно использован рельеф и пейзаж в строительстве украинского стадиона (автор — арх. Гречин).

Перехожу к вопросу об участии архитекторов в осуществлении своих проектов. Нет никакого основания говорить, будто московские архитекторы не в состоянии осуществлять архитектурный надзор за своими стройками. Надо только несколько разгрузить тех товарищей, которые влезли с головой в проектную работу, чтобы они могли принять участие и в осуществлении своих проектов. В Москве вполне возможно так расставить силы по проектированию, чтобы архитекторы получили полную возможность участвовать в авторском надзоре.

Если плохо случилось, как вчера сказал т. Меркуров, со скульптурой у т. Мордвинова, то в этом, мне кажется, вина не только Мордвинова, но и вина нас всех. Конечно, бывают вопросы, которые иногда нельзя продвигнуть, но нельзя на живое дело смотреть сквозь матовое стекло и лениво размышлять, а иной раз и стесняться сказать правду. Наших больших мастеров как-то с опаской еще критикуют, а это неправильно. Надо более смело критиковать, не зирая ни на лица, ни на чины.

В «Известиях» была помещена заметка, в какой обстановке работает т. Мордвинов. Согласно заметке, у него проектирование идет под свист, под музыку, чуть ли не с танцами и как будто бы без всякого напряжения. Когда киевские архитекторы прочли это, то шутя говорили: «Посмотрите, там и свист во время работы, и слушаю радио, а у нас в мастерской ничего этого нет, сплошная скука». Вот какую медвежью услугу иной раз оказывает наша печать. Нужно этот вопрос поставить так, чтобы не комплименты помещать, а критически освещать жизнь и в мастерских и на стройке, объективно передавать лучший опыт.

Если благодаря смелой критике обнаруживаем недостатки в реконструкции Москвы, то отзвуки этой критики ощущаются и в Киеве и в других городах. Например, в

Киеве начали строить правительственную площадь. Был конкурс, приняли проект проф. Лангбарда. Я не говорю о грамотности самого здания, но в части планировки и в части учета рельефа это здание не выдерживает критики. Здание получается как бы в лежащем положении, хотя оно само по себе и не плохое. В старом Киеве преобладали силуэт церковной архитектуры, сейчас же лицо Киева меняется. Когда мы начали критиковать Лангбарда, то он говорил: «Не спешите, пока еще построен один дом, когда построим второй дом, тогда можно будет критиковать». Я бы сказал, что т. Лангбард с задачей организации силуэта центральной площади Киева не справился, он ее не разрешил.

Любители седой старины не смогут представить себе старый Киев без помощи фотографий, потому что большое строительство совершенно изменило облик Киева, и Днепр уже стал не тот, он уже не сверкает волноустую переливающим серебром. Высокий берег Днепра взят в гранит, самый Днепр скован мощной бетонной перемычкой и призван по воле трудящихся служить делу социализма, приводя в движение турбины Днепрогэса и щедро распределяя электроэнергию по гигантам промышленности и сельского хозяйства советской Украины. Но все эти достижения не значат, что мы должны молчать о крупных принципиальных недостатках в области архитектуры и планировки Киева. Мы должны использовать прекрасный опыт Москвы, и это нам поможет избежать многих неудач. ЦК КП(б) У и лично Н. С. Хрущев оказывают архитекторам Украины большую помощь, и если мы проявим большевистскую волю и желание, то устраним все наши недочеты и пойдем быстрее вперед к новым победам на фронте реконструкции городов Украины.

Д. Б. ПИГУТА

(Москва)

Общество содействия зеленому строительству Москвы насчитывает в своих рядах свыше 30 000 трудящихся. В этом обществе участвуют рабочие, интеллигенция, домохозяйки, служащие, масса детворы. И вот мы все болезненно переживаем тот несомненный факт, что зеленое строительство не только отстает от общих темпов строительства Москвы, но образует определенный прорыв. Об этом много говорили здесь на пленуме, говорилось и в нашей прессе, но позвольте несколько глубже проследить причины такого разрыва.

Стремясь, чтобы Москва в течение нескольких лет преобразила свое лицо, мы должны считаться с теми объектами, которые сложились столетиями. То наследие, которое досталось Москве в виде зеленой площади древесных насаждений, представляет собой весьма ценный фонд для архитектурной композиции. Но совершенно непонятно, почему же этот элемент архитектурной композиции выпал из вашего ансамбля? Почему у вас мертвые элементы доминируют, а живые не учтены? Почему не учтен опыт, который проведен на сельскохозяйственной выставке, где гармонически сочеталось мертвое с живой природой? Почему такое отставание в этом лейтмотиве сталинского плана реконструкции Москвы в зеленом строительстве? Такое отношение к строительству жилищного сектора совершенно непонятно и болезненно переживается нашим населением.

Нельзя сказать, что этот дефект зависит от неувязки между большим количеством организаций: Трестом зеленого строительства, лесопарковым хозяйством и т. д. Нельзя также ссылаться на недостаток средств.

За последнее время фигурирует теория, будто живая природа не мирится с городской культурой. Так можно было бы сказать раньше, решая город при капиталистических условиях, когда человека старались сознательно отдалить от природы. Но сейчас, наоборот, со стороны жителей наблюдается сильное влечение к природе. Мы, биологи, рассматриваем тяготение Москвы к природе как вполне законное требование, которое наши архитекторы должны обязательно удовлетворить.

В прошлом году президиум Моссовета постановил, чтобы наше Общество было привлечено к зеленому строительству в Москве. Но наши градостроители, наши составители плана не рассматривают города прежде всего как громадный биологический, человеческий коллектив, который вынужден существовать на небольшой площадке, называемой городом.

Социалистическое общество должно вернуть жителю города полезное и дружелюбное общение с природой, и тогда исчезнет разрыв между живым зеленым строительством и строительством мертвых тел. Нужно сочетать творческую мысль скульптора, художника и архитектора и к этому присоединить еще силы озеленителей, которые в лице последователей Мичурина разрешают акклиматизацию южных растений в наших широтах и овладевают искусством обогащать природу в городе.

Нельзя подходить к этому вопросу упрощенно и считать озеленение лишь механической привеской при проектировании. Нельзя опираться только на идеалистическую интуицию, на художественное вдохновение. Нужно исходить из реальных основ и чисто материальных расчетов. Цифры, уже опубликованные в газетах, говорят о массовой гибели окружающей город зеленой зоны деревьев и больше всего о гибели ценнейших хвойных пород.

Нужно учесть все эти обстоятельства и в первую очередь факторы гигиенического порядка. Нельзя пренебрегать зеленым строительством Москвы, которое предопределяет климатические условия в городе на целые десятилетия. Сокольнический и Покровско-Стрешневский парки, существовавшие в течение веков, опосредовали озонированию воздуха, конденсировали влажность, задерживали пыль и т. д. Это сейчас научно обосновано.

Мы полагаем, что архитекторам-планировщикам и архитекторам-строителям необходимо войти в связь с Обществом содействия зеленому строительству и с Обществом гигиенистов. Последние также должны быть заинтересованы в строительстве Москвы, но они себя чувствуют совершенно оторванными от этого дела. Желательно, я говорю в порядке предложения, провести специальную проработку вопроса о плане реконструкции Москвы в связи с планом зеленого строительства при участии указанных организаций. И тогда десятки тысяч трудящихся, которые населяют Москву и которым дачи недоступны, будут организовывать отдых среди зелени близ своего дома и помогут вам создать ансамбль с участием в нем зелени, осуществляя стиль города социализма.

Человек эпохи коммунизма захочет жить в окружении близкой, дружественной ему, радостной природы. Мы должны суметь подготовить переход к такой жизни. Дайте же место, как вы даете его для стадионов, во дворах, на площадках, скверах; бульварах, на крышах домов, отведите место членам Общества содействия зеленому строительству, где эти энтузиасты могли бы выращивать свои зеленые насаждения. Только тогда в архитектуре нашего города скажется благотворное влияние этого нового искусства, пока еще незамечаемого на общем фоне богатого расцвета нашей культуры.

Арх. М. В. ГРИГОРЯН
(Ереван)

Для нас, архитекторов Армении, несмотря на то, что мы ведем работу в чужой обстановке, чем москвичи и ленинградцы, с иными строительными материалами и иными приемами строительства, строительство Москвы является наилучшей школой.

Мы используем опыт строительства Москвы применительно к нашим условиям, конечно, с известной критикой.

Прежде всего мне хочется отметить наиболее замечательные сооружения Москвы: великолепное метро, иногда изысканно отделанное, удобное в функциональном решении; новые московские мосты, монументальные и в конструктивных своих очертаниях и в деталях; далее, колоссальный по размаху и смелости замысла канал Москва—Волга; наконец, ряд новых площадей и магистралей, широко раскрываемых и комплексно застраиваемых.

Но признавая эти громадные успехи, я хотел бы отметить, что не везде застройка новых улиц и площадей находится на должной высоте. Рассматривая новые московские дома, во многих из них не чувствуешь третьего измерения, нет в них рельефности, пластичности, я сказал бы сочности, которая нужна для огромных плоскостей фасадов.

К числу неудачных нужно отнести и те случаи, когда строители недостаточно внимательно относятся к красным линиям и красным отметкам. Например, ступени театра Комедии на пл. Маяковского, ведущие в сторону площади, слишком близко подходят к краю тротуара. Это причиняет ущерб выразительности подхода к зданию и не дает приятного соотношения между высотой портала и шириной тротуара, не оправдывается существование самого портала, грандиозного по своим размерам.

Не совсем благополучно в этом отношении и с гостиницей «Москва». Во-первых, отсутствует широкий подход к грандиозному portalу, который слишком низко сидит, как бы вдавненный в тротуар. Мне думается, что предварительная вертикальная планировка и схема удобных связей Красной площади с пл. Революции и Манежной площадью в архитектурном отношении не была достаточно разработана.

Не приводя других примеров, хочу сказать, что московским архитекторам при рассмотрении проектов надо обращать внимание на структуру покрова мостовых. Хотя этот момент кажется незаметным, но недостатки его сильно отражаются на законченности выражения прилегающих зданий.

Я согласен с выступавшими здесь ораторами, что Москва сильно нуждается в памятниках, украшающих город. Это нужно отметить как результат недостаточно четкой работы отдела планировки и благоустройства города. О недостаточно детальной разработке ансамблей на реконструируемых площадях можно судить по Пушкинской площади, где даже памятник Пушкину не нашел себе места и вследствие этого потерял значительную долю своей выразительности и монументальности.

Я не вполне согласен с мнением т. Руднева о единстве городского ансамбля. Конечно, единство городского ансамбля — задача основная, но это совсем не значит, что не существует ансамбля отдельной улицы или площади.

Общее руководство застройкой и проектированием должно исходить от архитектурно-планировочного управления, но отдельные архитекторы могут самостоятельно заняться разрешением отдельных улиц, площадей и вообще отдельных элементов города, но учитывая при этом общие указания АПУ. И чем больше будет самостоятельных черт и разнообразия в разрешении ансамблевых задач, тем больше будет художественное обогащение города.

Москву любит вся страна, весь народ. По всему необъятному Союзу, во всех уголках нашей страны поют песни о Москве. Москва — столица всех столиц, и поэтому необходимо, чтобы Москва стала лучшим городом из всех городов мира.

Проф. Д. Ф. ФРИДМАН

(Москва)

За последние пять лет мы построили 5 млн. м³ жилых зданий, а мы должны выстроить еще 10 млн. м³. Я убежден, что мы выполним эту задачу, но для того, чтобы нам выполнить ее как следует, надо разрешить ряд организационных вопросов, которые на сегодняшний день нам мешают работать. Я пахожу, что ход прений пленума слишком мягок, я считаю, что в значительной мере скрашены острые углы. Я считаю, что ряд важнейших ошибок стараются у нас как-то оправдать. Надо помочь исправить ошибки, вскрыть причину их.

Если сравнить уровень знаний нашего архитектурного коллектива и уровень архитектуры домов, построенных сейчас в Москве, то получите огромный разрыв. Что же мешает нашим архитектурным силам лучше оформлять сооружения?

Государство сумело развернуть работу по-настоящему, по-большевистски: поточно-скоростной метод, индустриализация строительства проведены в жизнь. А вот одно указание не проведено в жизнь — это художественное качество продукции. Это качество стоит у нас ниже, чем художественная подготовка нашей архитектурной массы. Происходит это оттого, что мы не помогаем друг другу, не вскрываем ошибок и подчас болезненно реагируем на критику. Особенно этой критики боятся ведущие уважаемые товарищи.

С другой стороны, я еще ничего не успел сделать на своей магистрали, а т. Алабян уже бросает мне обвинение в том, что у меня на Ленинградском шоссе все не так делается, как надо. Но ведь я, как магистральный архитектор, бесправен. В прошлом в редакциях газет существовали редактор и так называемый «зипц-редактор». Редактор помещал политически запрещенные статьи, а зипц-редактор отвечал за них, т. е. сидел за действия первого в тюрьме. Вот я подобен этому зипц-редактору, который предназначен для отсидки. На моей улице строится дом по плохому проекту, а я ничего не могу сделать. Почему? Потому что каждый архитектор смотрит на себя, как на некую индивидуальность, и ему наплевать на все окружающее.

Такой уважаемый и способный архитектор, как Маркузе, который может хорошо проектировать, заявляет, что его произведение не совсем удовлетворительно, тем не менее он осуществляет проект в натуре. Он, видите ли, сделал его три года тому назад, за это время он вырос, но что же поделаешь — проект сделан, закончен.

Как, что поделаешь? Возьмите и переработайте его. «Хорошо, я попробую», — говорит т. Маркузе. Проходит два месяца, но он ничего не делает. Тогда я ему говорю: «Вы имеете возможность исправить свою работу, спроектируйте весь квартал, включите в него и свое здание».

Что же вы думаете? И это не соблазнило т. Маркузе. Работа над кварталом, над 3—4 домами — это такое почетное дело, которое далеко не все архитекторы могут получить. А здесь архитектор отказывается от застройки квартала на главной магистрали. Что же я могу сделать? Ведь дом уже начат стройкой, первый этаж уже кладут. Иду в управление. Казалось бы, оно должно стать на сторону магистрально-го архитектора и помочь ему, но в управлении, оказывается, смотрят на нас, как на две спорящие стороны и вместо того, чтобы заставить архитектора исправить дело, организуют тяжбу между мной и Маркузе.

Управление в этом отношении занимает позицию третьей стороны, совершенно неправильную, во всяком случае, позицию, которая не решает вопроса. Таким образом, прав у меня нет, но ответственность я должен нести уже сегодня, хотя по сути дела еще многое не сделано.

Работа магистрального архитектора не стоит еще на той высоте, на которой она должна стоять, наоборот, есть элемент принижения этого дела и его руководителя. Ведь всякому понятно, что если плата на магистральной идет с погонного метра, а сейчас еще «уточняется» на погонный метр-час, то, конечно, из этого ничего не выйдет, потому что эта оплата не соответствует труду, который нужно в это дело вложить. Мы сделали один тур, сделали ленточку, по сути дела мы сделали эскиз, дальше идти не можем. Ведь мы должны быстрее проводить всю эту работу, но средств нам на это не дают.

Проектирующий архитектор еще не понимает, что он помощник магистрального архитектора, который отвечает не только за данный дом, но за всю магистраль, он еще не понимает, что он вступает в новый коллектив, он еще не осознал, что к этому вопросу нужно подходить более ответственно и более серьезно.

Я считаю, что на сегодня особенно важным, даже основным вопросом является повышение художественного качества продукции, подъем художественного мастерства. Я не сомневаюсь в том, что мы поведем поточно-скоростное строительство по всей нашей системе, что у нас будут строительные материалы во время и хорошего качества, что у нас индустрия будет на должной высоте, и я уверен, что мы выполним план, но я боюсь, чтобы опыт на ул. Горького не повторился в дальнейшем. Лично я не могу спокойно отнестись к тому факту, что наш коллектив, такой огромный, руководимый партией, не может обеспечить, чтобы наша столица в архитектурно-художественном отношении стала лучшей столицей во всем мире. Возможности у нас есть, и мы можем это сделать. Все дело заключается в том, что мы обращаем недостаточно внимания на это дело.

Тов. Меркуров указывал здесь на скульптуру дома Мордвинова, как на ляпсус. Совершенно правильное и ясное указание. Ошибка есть, и я убежден, что т. Мордвинов считает, что это есть ляпсус, но если ляпсус допустим на бумаге или где-нибудь в стороне, на второстепенной улице, то на магистральной, которая поручается архитектору партии и правительством, на которой учится вся страна, такие ошибки не должны быть допущены. К сожалению, ошибки, на которые указал скульптор Меркуров, далеко еще не все — там есть значительно большие. Мы должны товарищу помочь, и если он попал в тяжелое положение по недостатку времени, надо нашей помощью обеспечить выход на главную магистраль Москвы с достойным проектом и достойными сооружениями.

Поднятый здесь т. Рудневым вопрос о том, что соотношение между статуей Ленина и Дворцом Советов должно быть отрегулировано, заслуживает активного внимания всей архитектурной общественности. Наши талантливые проектанты Дворца Советов тт. Иофан и Гельфрейх не должны забываться. Ведь вопрос некоторых, и очень серьезных деталей Дворца Советов еще не решен. Я должен прямо сказать, что мне лично многие детали не нравятся, в них много модерна, много безвкусицы и даже, пожалуй, малограмотности.

Арх. Д. С. МАРКОВ

(Москва)

Чтобы поднять нашу архитектурную практику на еще большую высоту, необходимо при планировке такого города, как Москва, добиться четкого решения некоторых основных вопросов. У нас застройка реконструируемой или новой улицы ведется по красной линии, в связи с чем нужно установить определенные габариты улиц. Ведь невозможна никакая плановая застройка, если заранее неизвестно, как регламентируется высота здания. Эти вопросы у нас решаются от случая к случаю, а нужно твердо решить, какая основная этажность будет принята для Москвы, какие габариты зданий.

До сих пор эти вопросы неясны. Когда т. Чернышев докладывал о застройке Нового Арбата, он тоже не вполне уверенно говорил, что этажность, может быть, слишком высока; а может быть, ее нужно снизить. Мы наблюдаем, что на одних отрезках улиц Москвы стоят дома в 10—11, даже 12 этажей, а как к этой высоте в дальнейшем будет привязана остальная застройка — неизвестно.

Если предположить ориентировочно, что наша этажность будет 7—8 этажей, то это равняется 23—24 м высоты. Разве этого мало? Ведь такова была высота застройки старого Петербурга. В Париже она равна 20 м. Когда вы ходите по улицам Пари-

жа, разве вы чувствуете, что нехватает этажности? Правда, там допускаются этажи выше 20 м с уступами в радиусе 10 м. То же самое в Лондоне и в Берлине. В Москве же регламентированной высоты нет. Например, на Тверском бульваре дома в одной части имеют по 7 этажей, в другой — по 8 этажей. Средний габарит зданий обязательно должен быть у нас регламентирован.

Я считаю неправильным застраивать проезды арками, в этих случаях арка не нужна. С арками у нас вообще обстоит неблагоприятно, и иногда чувствуешь, что она лишняя. У Яузского бульвара арка стоит на углу, в нее трудно въехать и нельзя сделать поворота. Непонятна также арка на ул. Горького. Нехороша арка на Земляном валу.

На Новом Арбате, на мой взгляд, застройка ведется хорошо, выдержанно и в объемном и в высотном отношении. Но напрашивается вопрос, почему все магистрали сплошь застраиваются жилыми домами? Почему нельзя на большой улице поставить универсам или кино, которые разрядили бы однообразный ритм жилья?

Что касается наших жилых домов, то, конечно, в них есть большие достижения, но во внешнем облике их есть много недостатков. В большинстве жилых зданий чувствуется увлечение монументальной архитектурой дворцового характера, что не вяжется ни с высотой этажей, ни с характером жилой секции. Жилый дом не должен излишне украшаться, достоинство его в его простоте и в красоте хороших пропорций, в хорошем решении плоскостей, в хорошем оформлении деталей и в умелом использовании скульптуры и живописи.

В жилом доме могут быть применены эркеры, которые сразу говорят о том, что мы имеем дело с жилым домом, и, кроме того, эркер придает интерьеру квартиры приятный вид.

Хорошее расположение балконов с небольшим выносом, с широкой дверью, выходящей на балкон, создает при расворе дверей увеличение площади комнаты.

Очень мало внимания обращается у нас на первые этажи. Хорошо еще, если это настоящий магазин, но если это лавочка — это плохо. Если в старых домах, где было жилье, потом пробили стены и решили устроить магазин, то это — не магазин. Я считаю, что в домах т. Мордвинова правильно взяты габариты в первый этаж, взят правильно в смысле метража. Но в его доме на Тверском бульваре вопрос с углом не решается.

С озеленением в Москве неблагоприятно, зелень у нас гибнет. Пойдите в Парк культуры и отдыха или на Ленинские горы, вы увидите, как гибнут березы, липы и отчасти клены. Специалисты утверждают, что зелень гибнет от влияния сернистых газов. На этот вопрос следует обратить внимание Академии наук и поставить вопрос об улавливании вредных газов.

Еще хотелось бы мне обратить внимание на памятники. Их осталось на сегодняшний день ничтожное количество, по Москве уничтожено 75% всех исторических памятников, которые были в 1922 г. утверждены Луначарским через СНК и закреплены в списках. В плане реконструкции Москвы мы не видим окомтуренных пятен для этих памятников. Во всех национальных республиках к этому вопросу относятся любовно и со вниманием, а у нас как будто стыдятся этого вопроса. В генеральном плане Москвы надо окомтурить те места, которые необходимо сохранить для установок памятников.

Арх. Б. О. ГИРШОВИЧ

(Москва)

Акад. Руднев, выступая здесь, говорил, что естественные условия Ленинграда создали все предпосылки к созданию ансамбля этого города. Он подчеркивал, что основным в создании облика города являются естественные условия, но, говоря о реконструкции Москвы, как-то странно не отметил решающего значения естественных условий в создании образа социалистической столицы.

Вот на этой карте нанесены холмы Москвы, о которых часто упоминают архитекторы и о значении которых ясно сказано в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 10 июля 1935 г. Можно проследить определенную закономерность в расположении высоких точек в городе. Районы Ново-Спасского монастыря и Симонова монастыря, Зачатьевского монастыря и др. создают ряд высоких точек по берегу Москвы-реки. Покровские ворота, Сретенские ворота, площади Таганская, Красноворотская, Сухарева, Октябрьская, Замоскворецкая и др. образуют закономерную центрическую систему высоких точек, которые на отметках 140, 152, 160 и выше расположены вокруг Кремля и строящегося Дворца Советов. Также можно проследить расположение

высоких точек на периферии города: гребень Воробьевых гор, Зеленая гора, Поклонная гора и т. д.

Все эти высокие точки, если их правильно использовать, дадут исключительные возможности для создания силуэта города. Но можем ли мы похвастаться, что в нашей повседневной практике мы используем природные особенности города? К сожалению, нет. На Котельнической набережной, вместо того чтобы поставить общественное здание, построены жилые дома, нелепые торцы которых можно наблюдать на расстоянии от 1,5 до 2 км от здания Политехнического музея.

В районе Ново-Спасского монастыря сама природа создала все условия, чтобы поставить здесь замечательное сооружение, а был запроектирован жилой дом. Только благодаря вмешательству Академии архитектуры, теперь предполагается построить здесь здание панорамы взятия Перекопа.

Говоря о нашем архитектурном наследии, следует не только «смаковать» увражи, надо смотреть вокруг себя. Когда создавался генеральный план реконструкции Москвы, Л. М. Каганович предложил архитекторам не замыкаться в мастерских, а идти в натуру и смотреть, что мы создаем. Это предложение сейчас приобретает еще большую важность. Все мы, углубляясь в проектирование, забываем, что делается вокруг нас. На Садовом кольце, на пересечении его с магистралью Новый Арбат, построен новый жилой дом — здание поставлено на подьеме и, казалось бы, архитектор должен был учесть, что крыша его будет видна издалека, а вместе с тем дом имеет двухскатную крышу.

Исключительное значение для Москвы приобретает силуэт. Хорошо прорисованный силуэт здания украшает улицу, площадь, радует глаз, случайный силуэт, непродуманный — уродует город, показывая самые неприглядные стороны его. В этом ежедневно убеждаются москвичи, возвращающиеся с работы, когда заходящее солнце окрашивает небо и на нем графически четко рисуются все неприглядные атрибуты крыш зданий и жилых домов — дымоходы, кривые жерди антенн и т. д.

Мы все любимся башнями Кремля, потому что они прекрасно читаются на фоне неба. Поэтому надо особенно внимательно отнестись к созданию силуэта окружения Кремля.

В Москве можно заметить определенную закономерность в застройке набережных Москвы-реки. Все высокие точки ее берегов были закреплены церквями и монастырями. Это явление не случайное, оно очень продумано. Нам необходимо усвоить этот опыт с тем, чтобы самое лучшее, что осталось у нас от прежних эпох, применить к новой Москве.

Пора, наконец, перейти к плановой реконструкции в самом широком смысле этого слова. Сейчас внимание архитектора было обращено не на город в целом, а на застройку определенных отрезков и частей города. Когда происходят военные операции, то обычно прежде всего закрепляются командные высоты. Точно так же надо подходить и к реконструкции Москвы и закрепить ведущие командные точки рельефа города.

Возьмем для примера Садовое кольцо. Оно не находится в одной плоскости, оно имеет перепады, имеет такие низкие точки, как Самотечная площадь, и такие высокие точки, как площадь Восстания, Красных ворот и др. Ряд площадей, которые исторически сложились и должны были бы развиваться и реконструироваться, выпали, как это ни странно, из плана Москвы, например Самотечная площадь, которая обладает особыми условиями для постановки монумента или памятника, или площадь Красных ворот.

Примером безразличного отношения к возможностям рельефа города может также служить площадь Восстания (бывш. Кудринская площадь). Она сложилась на пересечении магистрали Садового кольца с ул. Герцена, имея почти геометрическим центром возвышенную естественную точку рельефа местности. Центр площади сильно доминирует над окружающим районом благодаря резкому падению Садового кольца в сторону Смоленского рынка, Баррикадной улицы, в сторону Красной Пресни и к перспективам, которые рассчитываются со стороны пл. Маяковского. Наличие богатых природных условий рельефа и блестящие возможности для сооружения монумента в память восстания рабочих Красной Пресни. Однако вместо того, чтобы развивать площадь вокруг этой возвышенной точки, пл. Восстания расширяется в сторону ул. Баррикад, что потребует большой подсыпки земли, и совершенно уже непонятно, почему ведущим зданием на площади будет театр Сатиры, который ни по духу, ни по содержанию не соответствует пл. Восстания.

Требуется заранее установить идейное содержание каждой площади, необходимо выяснить, чему каждая площадь будет служить и в зависимости от этого решать ансамбль площади. В одном случае ведущим в ансамбле площади будет обществен-

ное здание, в другом — памятник-монумент, арка, колонна, фонтан и т. д. Так должны быть решены все площади по Садовому кольцу и другим магистралям.

Почему у нас не ставят триумфальных арок, колонн, монументов? Почему на площадях не сооружают фонтанов? Недавно мы были свидетелями освобождения наших единокровных братьев, украинцев и белоруссов, от польского гнета. Разве не следует увековечить это событие? Разве мы не должны сейчас увековечить освобождение народов Бессарабии от ига румынских бояр?

Больше скажу, в свое время правительством было внесено решение увековечить монументом челюскинскую эпопею. Так это и осталось на бумаге.

Москва имеет все основания и возможности к тому, чтобы ставить памятники и монументы нашим великим событиям и великим людям. Мне кажется, что мы должны, не откладывая, приступить к увековечению всех важнейших событий, знаменующих яркие этапы в жизни нашей страны.

Акад. арх. Б. М. ИОФАН

(Москва)

По переустройству нашей столицы уже проделана колоссальная работа, в связи с чем можно говорить о значительных успехах и в области архитектуры. Но мне кажется, что, вступая во второе пятилетие, нам надо в этой области создать значительный перелом для того, чтобы достойно выполнить программу десяти лет. В целом ряде случаев в решении наших магистралей, площадей и отдельных зданий не чувствуется настоящей социалистической архитектуры.

Возьмем, например, Манежную площадь. Там, где были расположены ужасные по своей архитектуре здания, создано большое пространство. Но как это пространство организовано? До сих пор почти никак, эта площадь производит впечатление асфальтового пустыря. Управление планировки должно взять такие места под свое наблюдение и там, где затрачены большие суммы на сломку домов, доводить дело до конца. Я уверен, что если бы мы — архитекторы — проявили в этом инициативу, нам помогли бы и Московский комитет партии и Моссовет.

Другой пример — ул. Горького. Магистраль эта очень трудная, это первая крупная магистраль, которую мы проектируем. А посмотрите на целый ряд домов, которые запроектированы, и там вы найдете мешанину стилей: итальянскую готику, испанское барокко и т. д. Я считаю это недопустимым. Надо архитекторам, работающим над улицей, напрячь все свои силы, чтобы придать единый характер хотя бы зданиям, строящимся сейчас, и в то же время, чтобы эти здания не были реминисценцией других эпох, других стилей.

Третий пример — Калужская улица. При ее застройке так увлеклись, что хотели застроить даже часть Нескучного сада. Нужно было специальное указание товарища Сталина, чтобы этого не делать, и улица была спасена. Но и на этой улице ни в планировке домов, ни в архитектурно-планировочной композиции не получилось целостного впечатления, наоборот, там стоят как бы отдельные дома, композиционно не связанные друг с другом.

В чем же дело, товарищи?

Я считаю, что когда мы проектируем наши магистрали, тут мы должны сказать свое слово языком архитектуры. Наши магистрали должны иметь начало и конец, быть законченными произведениями архитектуры. На наших магистралях социалистической Москвы не должно быть тех замкнутых стен, которые мы видим на старых улицах, где плоские дома напоминают виньетки, а самые улицы в целом напоминают замкнутые коридоры. Такими приемами архитектуры не могут создать настроения большой радости и бодрости, которая должна быть присуща произведениям социалистической архитектуры.

Нужно строить такие дома, которые не имели бы ни заднего, ни переднего фасада, но были бы интересны со всех сторон. Для этого нужно делать открытые дворы, создавать перспективу, озеленять, ставить фонтаны внутри двора. Замкнутость, которую мы, к сожалению, ощущаем даже в новостроящихся домах и частях наших улиц, чужда советским людям, чужда нашей эпохе.

Должен сказать откровенно: я не вижу ни цельности, ни радости даже в новой магистрали — проспекте Конституции, который скоро будет строиться. Здесь применен тот же старый прием, местами, правда, обогащенный разрывами и внутренней перспективой. Этот проспект требует еще большей работы. Мы не создадим социалистической архитектуры жилых кварталов, пока не перейдем к созданию открытых перспектив, к постройке домов, у которых будут не только главные фасады.

Весь коллектив московских архитекторов должен крепко взяться за это дело, и только тогда мы разрешим эту основную проблему.

Перехожу к ансамблю пл. Дворца Советов. Проектирование этой площади длится почти 10 лет, считая со времени первого конкурса, но только в последнее время удается нащупать основы решения. В чем трудность? Мы имеем ясно выраженную продольную ось Дворца; Дворец Советов расположен непосредственно на берегу Москвы-реки. Со стороны Малого зала в площадь Дворца Советов вливаются магистрали, ведущие на Лужники. Это представляет большой интерес, но и значительные трудности, потому что продольная ось Дворца Советов ярко выражена, его боковые фасады одинаковы, но Дворец несимметрично расположен на площади.

Здесь выставлен один из вариантов отдела планировки. Наш коллектив работает в контакте с отделом планировки — мы часто обсуждаем вопросы вместе. Но мне кажется, что тот вариант, который выставлен, является неудовлетворительным и особенно со стороны Малого зала. Там довольно случайно вливаются магистрали и очень удлинена часть площади за Дворцом. С другой стороны, срезана часть «Стрелки» и, по-моему, совершенно напрасно и случайно. Наконец, при рассмотрении этого варианта возникает недоуменный вопрос: где озеленение площади?

Здесь необходимо создать зеленые насаждения, о чем говорил и товарищ Сталин на одном из последних заседаний Совета строительства, рассматривая модели и чертежи Дворца. И вообще в проекте этом еще много сырых моментов и много надо еще поработать над решением площади Дворца Советов.

Мы недостаточно еще используем прекраснейшие свойства нашей Москвы, чисто планировочные. Нам надо использовать те возможности, которые представляет разница уровней в Москве, ее холмы, на которые мы как-то странно не обращаем внимания, часто даже пренебрегаем ими или стараемся от них отделаться.

Существуют такие замечательные города, как Ленинград и Венеция, которые расположены на равнине. Как там решалась силуэтность города? В Венеции — главным образом кампаниллами, в Ленинграде — шпилями. Иные приемы применялись в Москве и Риме, где архитекторы использовали разницу в рельефе местоположения города. В таком городе, как Москва, мы должны использовать разницу уровней и высотные сооружения.

Некоторые наши архитекторы понимают силуэтность упрощенно: нужно, мол, дать на фасаде целый ряд всяких вышек и т. д. Такой подход наблюдается в работах т. Чечулина и других товарищей. Но это никак не решает вопроса о высотности сооружений, которые надо создать в определенных местах и по точно выработанной системе.

Силуэтность города должна войти в программу планировки Москвы, как и прокладка улиц. Надо по продуманному плану установить, где будут эти высотные здания, а высотные здания должны быть обязательно еще и потому, что если Дворец Советов останется в «одиночестве», то он будет оторван от силуэта Москвы. Высотные здания должны не случайно вырастать, а быть согласованы с Дворцом Советов, как правильно на это указал акад. Руднев, выступавший здесь на пленуме.

Дворец Советов дает начало новому силуэту, увенчанному скульптурой Ленина. Поэтому я считал бы нужным — может быть, это только моя фантазия, — но следовало бы продумать вопрос о создании в Москве нескольких сооружений, тоже увенчанных крупными скульптурами. Между прочим, театр Красной Армии будет увенчан такой скульптурой. Это могло бы дать совершенно новый своеобразный силуэт Москвы, где над всем царит человек, как бы олицетворяя сталинскую заботу о человеке, олицетворяя то, что человек у нас в Советской стране — самый ценный капитал.

Арх. Д. Н. ЧЕЧУЛИН

(Москва)

Пять лет прошло с тех пор, как архитекторы Советского Союза на основе временного указания партии и правительства отказались от чуждых и иной раз даже вредных творческих течений и пошли по сталинскому пути к освоению новой архитектуры и к выполнению плана реконструкции Москвы.

Путь был нелегкий. Невиданное по размаху реальное строительство стало лицом к лицу с еще молодой советской архитектурой, только что оправившейся от тяжелого заболевания «западной простудой». В этот тяжелый период творческой перестройки партия и правительство щедро шли на оказание моральной поддержки архитектору, архитектурной общественности и молодой советской архитектуре. Архитекторы из кустарей-одиночек превращаются в государственных деятелей, в государственных зодчих.

Ближайший соратник товарища Сталина — Л. М. Каганович, совместно с тов. Хрущевым и тов. Булганиным, лично организует новую систему архитектурного труда, превращая его из кустарного в государственный, высокий и почетный. Организуются великолепные мастерские как планировочные, так и проектные, руководимые лучшими мастерами архитектуры, профессорами и академиками.

Открывается Академия архитектуры — высший орган научной архитектурной мысли и воспитания советских зодчих. Организуется прекрасный Дом архитектора — центр общественной жизни всего коллектива московских архитекторов. Учреждается творческий штаб реконструкции Москвы под руководством МК ВКП(б) и Моссовета — Архплан. В это время лично товарищем Сталиным утверждается основной план реконструкции Москвы, блестяще разработанный лучшими архитекторами-планировщиками под руководством Московской партийной организации, под личным руководством Л. М. Кагановича. Таким образом, всем архитекторам и инженерам, работающим по реконструкции столицы, предоставляются невиданные возможности для разворота их творческой деятельности.

Можем ли мы теперь, подводя итоги, честно сказать, что в отношении возложенных на нас важнейших задач по реконструкции гор. Москвы мы оправдали доверие и использовали в интересах реконструкции города все возможности?

Конечно, нет.

Прежде всего мы до этого времени были в большом долгу перед страной и столицей за период серьезного заблуждения конструктивизмом, формализмом и другой чепухой, оставивших, к сожалению, свои следы, которые, видимо, будут еще долго мозолить глаза.

И, во-вторых, тяжело и неуверенно подымался вопрос, проходящий красной нитью в постановлениях партии и правительства о реконструкции гор. Москвы, — вопрос о комплексном, ансамблевом проектировании и строительстве Москвы. И если есть у нас на сегодня несомненно крупные успехи в архитектуре и в таких комплексных сооружениях, как канал Москва—Волга, метро, Сельскохозяйственная выставка, то это еще не самый город, это еще не площадь, не магистраль, не набережная...

Точно так же и в области самой архитектуры до сих пор еще не изжиты остатки вредных течений формализма и конструктивизма, и то там, то сям в новой формации формалистического эклектизма проявляются упрощенчество и безвкусица, наряду с несомненными достижениями в области архитектуры, получившими положительную оценку, как, например, дома Синявского, Бумажного, Лангмана, Черикова, Власова, Ростковского, Ловейко, Розенфельда и мн. др.

В общем надо признать, что по первой пятилетке реконструкции Москвы мы — архитекторы и инженеры-строители — остались в долгу перед партией и правительством, перед гор. Москвой, к реконструкции которой мы призваны именем Сталина.

Прекраснейшие ансамбли прошлых эпох, которые сохранились до настоящего времени, создавались многолетними и даже вековыми трудами мастеров и народов. Крупнейшие зодчие умирали, так и не увидевши в натуре задуманных ими произведений.

В нашу эпоху, в нашей стране социализма с высокой строительной техникой, особенно за последние годы, скоростные и поточно-скоростные методы строительства дают возможность выполнять в один-два года не только отдельный дом, но и огромный ансамбль, целую улицу, площадь, как это показывают Калужская улица, ул. Горького, строительство мостов и проч. Наша техника стала оперативней творческого ума архитекторов.

Благодаря этому архитектор должен быть преисполнен величайшего счастья, что ансамбль по своему проекту (если только он своевременно сделан) он может увидеть еще на протяжении своей жизни и даже не один ансамбль, если сумеет сделать их несколько.

Эти новые обстоятельства заставляют нас крепко призадуматься над организацией своего труда, над организацией своего творческого мышления, для того чтобы идти в ногу с техникой, для того чтобы осуществлять свои ансамбли, осуществлять плановую застройку города, создавая для трудящихся красивое, радостное жилье.

Неоднократно с трибун пленумов мы обращали внимание на хаотическую застройку 1-й Мещанской ул., как на яркий пример неансамблевой застройки, а следовательно, не отвечающей по качеству постановлению партии и правительства. Однако ни разу не подымался вопрос о конкретных виновниках этого безобразного случая в нашей практике и ни разу не делались на основе этого выводы. Вполне понятно почему. Потому что в безобразной застройке 1-й Мещанской выловаты все мы, сидящие здесь сейчас, а особенно те лица не из архитекторов, которые занимали и занимают руководящие посты в организациях, имеющих непосредственное отношение к вопросам реконструкции гор. Москвы.

Первый шаг к катастрофе на 1-й Мещанской был положен организацией, проектировавшей и всю улицу в целом и дома на ней в отдельности. К проектам этим прикладывали руки кому было не лень — и в работе и в критике. Организации же, не принимающие участия в проектировании, но несущие моральную ответственность за качество этого проектирования и строительства, стояли в стороне в выжидательной позе, чтобы можно было, как говорят, крыть на фактах. И вот фактов дождался, и теперь кроют... Фактически самих себя, т. е. самих себя высекают.

По-моему, для того, чтобы добиться комплексной застройки в ансамбле наших городов, а в них — магистралей, площадей и набережных, чтобы достигнуть высокой архитектуры сооружений в ансамбле, прежде всего требуется дисциплина и всеобщая организованность, организованность в проектном деле и в критике, организованная, дружелюбная помощь со стороны творческих, общественных организаций, организованная, взаимоувязанная помощь со стороны научных архитектурных организаций, организованность строительства скоростными, индустриальными и постоянно-скоростными методами, наконец, организованность стройпромышленности в выпуске стройдеталей по строго установленным типам и стандартам.

Исходя из этого, а также из многократных критических резолюций наших пленумов, можно сделать твердый вывод, что главный корень успехов или провалов архитектуры города в целом, с его ансамблями и отдельными домами, а также с экономикой строительства, в первую голову зависит от проектирования, а следовательно, и от состояния проектного дела в Москве, которое, как известно, в настоящее время, по указанию партии и правительства, полностью перестроено.

Теперь установлены определенные лица, которые отвечают за качество ансамблевой застройки на магистральных городах. Но еще не совсем установлено, способны ли некоторые из них отвечать на предъявленные им требования. Не установлены также права для авторов, право строить на магистральных. В нашем проектном и планировочном деле еще много разнообразных нарушителей, срывающих проектирование и строительство по утвержденному плану реконструкции.

Поэтому мне хотелось бы на этом юбилейном пленуме договориться торжественно о том, что, сойдя с этой трибуны, из-за стола президиума, мы, не дожидаясь следующего пленума, будем всерьез и искренне помогать друг другу. Ответственность за завтрашний день ложится на наш Союз советских архитекторов, который должен пересмотреть всех командиров, старших и младших, участвующих в реконструкции гор. Москвы. Будучи уверенным в своих кадрах, наш Союз обязан крепко помогать им и поддерживать их во всех вопросах на производстве, а не только в кулуарах и кабинетах Союза.

Комитету по делам искусств и Союзу художников и скульпторов надо признать, что архитектура тоже есть искусство, как скульптура и живопись, но при условии синтеза ее со скульптурой и живописью. Без этого архитектура обречена на глухонемую, выхоленную схему и не может стать полноценной социалистической архитектурой, могущей сейчас радовать и агитировать, а в будущем рассказывать нашим потомкам, как мы жили, как строили фундамент коммунистического общества.

Этим организациям надо подумать, как вырвать немедленно скульптуру и живопись из кустарничества, превратить их в искусство, необходимое для жизни народа, а не для роскоши.

Двум управлениям Моссовета — планировки и проектирования, где сосредоточена судьба архитектуры всего города и где сосредоточены лучшие архитектурные силы, — нужно осуществить много серьезных мероприятий по улучшению проектного и планировочного дела, а для этого требуются и вливания, и хирургические операции в проектных организациях, требуется избавиться от ряда накопившихся годами болячек. Только в дружеской обстановке реальной помощи друг другу, честной искренней товарищеской и деловой критики мы выполним нашу задачу по реконструкции города Москвы по сталинскому плану.

Здесь выступали художники и скульпторы с невероятными стенаниями, рисуясь в жутких позах, и говорили о том, что архитекторы их не зовут вместе работать. Особенно страстным было выступление т. Меркурова. Однако мы знаем, что на сегодняшний день архитектура существует без скульптуры потому, что скульптуры у нас нет. Скульптура у нас не является ни организующей, ни пропагандирующей, однако Союз скульпторов не занимается тем, чтобы вырвать скульптуру из болота кустарничества и сделать ее всенародным искусством, которое дало бы полноценные произведения в полном синтезе с архитектурой.

Акад. арх. А. Г. МОРДВИНОВ
(Москва)

Я хочу сказать несколько слов о Б. Калужской улице. На Б. Калужской улице впервые в СССР применен поточно-скоростной конвейерный способ строительства. Этот способ дал хорошие результаты. Впервые при реконструкции города была попытка создать целостный ансамбль улицы. Эта улица выполнена в чрезвычайно короткий срок — в 14 месяцев. На Б. Калужской улице проведены и проводятся комплексные работы. Здесь было не только содружество проектировщиков, архитекторов, строителей с заводами, но также ведутся комплексные работы и по строительству самой улицы, водопроводу, канализации, благоустройству, асфальтированию, озеленению. Осенью между некоторыми домами, где не было зелени, будут посажены деревья. Этот опыт строительства на Б. Калужской дал чрезвычайно интересные результаты принципиального характера.

Этот опыт выявил, во-первых, что поточно-скоростной метод (стандарт, сборность, ликвидация мокрых процессов, параллельное ведение работ и конвейера стройки) дает техническое разрешение проблемы строительства жилых домов, дает возможность строить быстро, хорошо и экономно.

Во-вторых, поточно-скоростной метод строительства дает техническое разрешение проблемы строительства целых магистралей. Этот метод дает возможность строить не один дом, а массу домов, различных по своей конфигурации, силуэту, этажности и характеру архитектурной отделки.

Наконец, эти методы строительства разрешают проблему индустриализации архитектуры. Стандарт, индустриальное производство деталей, все, что подчас так пугает архитектора, здесь не вошло в противоречие с архитектурным решением отдельных домов и всего ансамбля в целом. На этой стройке доказаны огромные преимущества индустриального метода строительства и возможность при индустриализации создавать доброкачественную архитектуру. На стройках впервые применены целый ряд новых строительных приемов и целый ряд новых материалов: лицевой кирпич, для которого были созданы специальные заводы, облицовочная плита в отделке фасадов и лестничных клеток, сухая штукатурка, дифферент и архитектурные детали, которые производились на заводе.

Конечно, на этом строительстве есть еще много всякого рода недостатков, но тем не менее в основном это строительство должно быть оценено положительно. Поточно-скоростной метод строительства — безусловно крупный вклад в дело реконструкции столицы, в дело создания социалистической архитектуры.

На Б. Калужской из 24 домов, принятых к строительству, строилось 11 домов. Это дало возможность создать целостный ансамбль. Над проектом этого ансамбля мы работали вместе с т. Чечулиным. В основу создания этой магистрали мы положили принцип озеленения. Частью зелени находится вдоль улицы, там, где расположены первый и второй корпуса городской больницы, построенные Казаковым и Бове, а в другой части зелень выступает непосредственно на тротуар.

Мы старались сохранить зелень и осуществляли здесь принцип разреженной застройки с таким расчетом, чтобы включить зелень в улицу. Там, где зелени не было, по обе стороны пятого корпуса зелень будет посажена.

Чередование курдонерного решения с выпуском зелени я считаю абсолютно правильным приемом для магистралей, уводящих за город. Затем мы стремились, в связи с зеленью, к созданию богатого силуэта улицы. В решении самих домов и в расстановке их мы исходили из определенного назначения дома.

Первый и второй корпуса в лицевом кирпиче, запроектированные т. Чечулиным, отмечают вход в Академию наук. Два других дома, запроектированных мною, оформляют вход в Парк культуры и отдыха. Пятый дом по проекту арх. Гольца является центральным между двумя комплексами и запроектирован, как центр. Далее идут три дома, образующие целостный комплекс, спроектированные мною, и этот комплекс решен, как дома загородного типа, с просветами зелени, с курдонерами и фонтанами перед этими зданиями. Таков замысел отдельных домов.

Вся магистраль нами выдерживалась в светлых, радостных тонах, хотелось создать впечатление солнечности и связи с зеленью. Строительство еще не закончено, потом будет покрашено еще ряд малых архитектурных форм: фонтаны, скульптуры, беседки на фоне зелени и т. д.

Но при всем разнообразии этих домов мы стремились дать впечатление единства всего ансамбля, единства, отвечающего основной идее магистрали.

Мы не отрицаем, что в этой работе есть очень много недостатков, но здесь были большие трудности — и технического порядка и в части сроков строительства. Мы имели каждый дом в пять секций и варьировали эти пять секционных домов, в то же

время мы были чрезвычайно связаны сроками. Как известно, строительство началось 1 апреля у Сельскохозяйственной выставки, затем два дома были перенесены на Калужскую улицу, и нужно было начать строительство немедленно, причем оставалось всего 30 дней, чтобы решить весь этот комплекс.

Опыт применения на Калужской улице поточно-скоростного метода является прообразом строительства наших будущих магистралей. Но на будущих магистралях нужно будет повысить качество строительных работ, добиться улучшения метода строительства и поднять на большую высоту архитектуру сооружений.

На Б. Калужской улице сделано большое дело, и в успешном выполнении его мы, строители и архитекторы, обязаны огромному вниманию и помощи со стороны МК, Моссовета, нашей партии и правительства и лично товарища Сталина.

В заключение я хочу сказать несколько слов о печати. На Б. Калужской улице проводился опыт, имеющий большое экономическое и политическое значение. В то же время в этом деле были чрезвычайные трудности. Одновременно со строительством организовывались заводы, велось проектирование, и притом надо было строить работу так, чтобы не остановить конвейера.

В этом отношении нужна была дружеская критика и помощь со стороны печати. Большую помощь мы и получили со стороны «Правды», «Известий», «Московского большевика», «Вечерней Москвы», и особенно энтузиастов скоростной стройки поддерживал журнал «Строительство Москвы». Там были помещены прекрасные статьи Светличного и Мазура. Эти статьи являлись настоящей книгой строителей в других городах, и по ним применялось скоростное строительство в различных местах и не только в коммунальном строительстве, но даже и в дорожном.

Но совершенно странную позицию заняла «Строительная газета» — орган Союза советских архитекторов, орган по сути дела архитектурно-строительный. Во-первых, эта газета замалчивала значение поточно-скоростного метода строительства; во-вторых, она плелась в хвосте всякого рода нытиков, скептиков, паникеров и постоянно пыталась найти какое-нибудь уязвимое место в скоростном методе, ткнуть в него и как-нибудь скомпрометировать все это дело.

Эта газета позволяла себе совершенно недопустимые для печати приемы. Приведу один пример. В декабре 1939 г. Наркомстрой созвал всесоюзную конференцию по скоростному строительству, на которой докладчик даже не упомянул ничего о строительстве Моссовета, замалчивая это дело огромной важности. Между тем вы знаете, что строительные организации Моссовета ведут только 25% всего жилищного строительства по Москве, а 75% осуществляют наркоматы.

Такая крупная организация, как Наркомстрой, либо может провалить работу жилищного строительства в Москве либо может дать жилищлощадь трудящимся. Ввиду замалчивания Наркомстроем нового поточно-скоростного метода строительства я выступил и высказал опасение, что если Наркомстрой будет так относиться к скоростному строительству, то он провалит жилищное строительство в Москве в 1940 г. (это так и оказалось).

«Строительная газета» поместила все речи выступавших на этом совещании, но мою речь не поместила. «Строительная газета» не только не помогла развитию поточно-скоростного метода строительства, но и принесла явный вред.

Много усердия по части тенденциозной критики проявил зам. редактора газеты тов. Изакоhn. Он старался скомпрометировать ансамбль Калужской улицы, не зная проекта, а увидав только вечерне еще выстроенные дома, без всяких отделочных работ. Так не помогают скоростному строительству.

Поскольку «Строительная газета» является также и органом Союза советских архитекторов, я обращаюсь к пленуму с просьбой, чтобы обязать правление Союза советских архитекторов как следует заняться этой газетой и сделать соответствующие организационные выводы.

Арх. Н. П. БЫЛИНКИН
(Москва)

Один из организаторов «Союза благоденствия» Глинка, сосланный в начале XIX в. в Петрозаводск, вернувшись оттуда и вставши под бдительное око охранного отделения, помогал патристические, верноподданнические стихи в славянофильствующих журналах. В частности, он написал посвященное Москве стихотворение, которое потом стало хрестоматийным; в этих стихах Глинка сказано: «на твоих церквах... вырастают деревья...», или дальше: «кто царь-колокол поднимет, кто царь-пушку повернет...».

Действительно, дореволюционной Москве, кроме как деревьями на церквах, царь-

колоколом и царь-пушкой, похвастать было нечем, они только и поражали воображение сонного московского обывателя. И когда мы вспомним это стихотворение Глинки и оглянемся вокруг, что представляет собой на сегодня Москва, нам никаких слов и аргументов не нужно, чтобы почувствовать, что в советской Москве проделана величайшая творческая работа, невиданная в истории, и эту работу проделали московские большевики, партийные и непартийные, трудящиеся Москвы, весь советский народ во главе с партией и с товарищем Сталиным.

В то же самое время «Краткий курс истории ВКП(б)» учит нас, что в каждый данный момент что-то умирает и что-то рождается, и задача строителей новой жизни заключается в том, чтобы понять диалектику развития, ухватиться за новое и отместить старое, что имеет тенденцию к умиранию. Обращайте внимание на новое, поддержите его, чтобы оно росло все выше и выше. Таково основное положение диалектики, этому учат основоположники марксизма, это блестяще изложено в трудах товарища Сталина. Это положение должно быть и основой нашей критики того, что мы делаем.

Многие товарищи наши (в том числе и т. Мордвинов), к сожалению, забывают, что они живут в такое время, когда человек одновременно является и предком и потомком; и то, что он сделал два года тому назад, уже требует изменения и движения вперед. Неусыпный просмотр того, что мы делаем, способность видеть новое и двигаться вперед заставляют нас быть самокритичными, как это требует и «Правда» в сообщениях о ходе нашего племени.

Великое искусство, как и все великое в мире, не может создаваться одиночками. Искусство может создаваться как великое, когда оно вырастает на базе общего внимания, когда между архитекторами, скульпторами, художниками и теми, для кого они творят, есть творческое воздействие и не в форме застольных речей, а требовательное, строгое и, когда нужно, беспощадное. Только тогда возможен рост и невозможен никакой застой, никакое загнивание.

Но посмотрим, что делает в этом отношении наша общественность, на высоте ли положения московское отделение Союза советских архитекторов? Если бы т. Пронин и т. Щербаков попросили нас рассказать честно, по-большевистски, как мы помогаем делу реконструкции Москвы, какие острые и боевые вопросы мы поставили, мы не нашлись бы, что сказать. Из этого нельзя сделать вывод, будто наши товарищи в Союзе не работают, конечно, они работают, но в их работе есть один основной недостаток.

Товарищ Сталин нас учит, что поддела — принять хорошее решение, его еще надо провести в жизнь, необходимо бороться за осуществление этого решения в жизни. И если мы ограничиваемся критикой только в Доме архитектора, а на то, чтобы из Гранатного переулка перенести свою критику в стены Моссовета, нас не хватает, то, значит, мы не делаем никакого особенного, реального, полноценного дела.

В своем выступлении т. Мординов справедливо, может быть, указывал, что «Строительная газета» недостаточно полноценно осветила материал по поточно-скоростному методу. Тов. Мординов и на творческой встрече архитекторов выступал с суровым осуждением критики. Просматривая журналы и газеты за 1935 г., я нашел замечательную статью о критике. В этой статье о критике выдающийся архитектор писал следующее: «Некоторые из наших архитекторов мнят себя гениями, каждую критику рассматривают они как личную обиду, каждого критика они рассматривают как личного врага. Эти товарищи не понимают, что без критической оценки их работы невозможно создание подлинной советской архитектуры».

Кто же автор этой статьи? А. Г. Мордвинов.

А вот, в стенограмме выступления т. Мординова на творческом совещании мастеровской мы находим неблагоприятные эпитеты по адресу критики.

Кто же эти критики? Акад. А. А. Веснин, акад. И. В. Жолтовский, писатели Шкловский, Шагинян и др. Нигде в этих статьях я не нашел ни одного неактивного выражения, наоборот, везде и всюду отдается должное т. Мордвинову.

Тов. Мординов сделал огромное государственное дело, он — новатор, он осуществил поточно-скоростной метод, за что получил благодарность от правительства.

Поточно-скоростные методы требуют поддержки, и вы, т. Мординов, ее имели от целого ряда товарищей и от Союза советских архитекторов, специальный пленум которого был посвящен этому вопросу, и я делал доклад на украинском пленуме.

Мы все любим вас, как настоящего большевика, как темпераментного человека, и поэтому нам позволительно критиковать вас, и когда мы видим то, что нехорошо, — сказать вам, что это нехорошо. Ничего обидного в этом не может быть, а без такой критики невозможно движение вперед. Критика с открытым забралом, лицом к лицу, это и есть критика честного большевика, которой учит нас партия, и мы имеем права на эту критику. Давайте критиковать по-настоящему, чтобы наши творческие споры

были на высоком принципиальном уровне, чтобы в этих спорах рождалась нужная нам истина.

Архитектура создается не только карандашом, но о ней говорят и пишут. Гоголь глубоко любил архитектуру и писал о ней с волнением. Когда у нас будет такое средостение к архитектуре, то мы создадим настоящую советскую архитектуру.

Об ансамбле мы говорим все время, склоняем это слово во всех падежах. Делегат от Ленинграда проф. Никольский рассказал мне, что их ленинградская делегация решила проехаться по Москве-реке по определенному маршруту, но пароход вдруг пошел в совершенно другую сторону, не по тому маршруту, который они наметили. Оказалось, что т. Голли, находившийся в каюте, не расслышал разговора о маршруте и распорядился ехать по другому маршруту. Также и у нас в Союзе происходит с ансамблем. У нас принимают замечательные решения, а случайно человек, который находится в каюте, делает другое распоряжение, и делу дается другой ход. Ансамбль будет решен, когда мы за этот ансамбль будем драться все вместе.

Здесь выступил Д. И. Чечулин по поводу управления проектирования. Ему следовало рассказать своими словами, как обстоит дело в управлении проектирования.

А он ни слова не сказал о том, как они думают построить работу и какие выводы они делают из настоящего пленума. А вот такой очень простой факт, что архитектура проектируется с погонного метра ленточки, о чем нам сообщил т. Алабян, обязывает к организационным выводам. Отчеты мастерских показывают, что не все там благополучно. Коллективы проектных мастерских превратились в простые проектные конторы, случайный конгломерат людей вызывает необходимость обязательных мероприятий. Надо, чтобы во главе мастерских стояли люди, способные дать кредо этой мастерской и чтобы с ними работали способные коллективы. Только так можно создать настоящее качество советской архитектуры. Качество этой советской архитектуры должно опосредствовать тому, чтобы наша Москва расцветала день ото дня, чтобы наш следующий пленум через пять лет прошел на более высоком уровне и чтобы мы через десять лет пожали руку т. Чечулину и могли сказать: «Вот сегодняшний пленум прошел по-настоящему, и давайте сегодня поговорим о советском счастье».

Акад. арх. С. Е. ЧЕРНЫШЕВ

(Москва)

Наш пленум совершенно правильно сосредоточил свою работу главным образом на критике нашей общей работы в сложном деле осуществления генерального плана реконструкции Москвы. Критика была справедлива. Много было ценных, содержательных указаний, которые нам, практическим работникам, принесут большую пользу. Но все же я бы сказал, что критика было недостаточно как в выступлениях, так и в докладе т. Алабяна. Правильно то, что наиболее значительной темой всех выступлений на пленуме явились вопросы комплексной застройки, вопросы архитектурного ансамбля, вопросы красоты города. Справедливо критиковали и 1-ю Мещанскую. Но это дело уже давнее, были определенные условия, которые в какой-то мере объясняют неудачу на Мещанской. Наша задача — сделать из этой неудачи должный вывод для нашей дальнейшей практики. Думаю, что мы полностью и радикально недостатков Мещанской не изживем. Полагаю, что докладчик был несколько благодушен при определении положительных результатов застройки магистралей города.

Возьмем, например, магистрали, о которых говорил и докладчик, — ул. Горького и Калужскую. Правда, проекты отдельных домов, которые здесь выставлены и в которых участвовали талантливые архитекторы, показывают определенные улучшения, но недостатки Мещанской и здесь еще не преодолены.

Посмотрите ул. Горького. Найдете ли вы в ее застройке какую-то общую линию, общий характер? Вы там увидите и довоенную гостиницу в стиле «доходного ренессанса», и американизированную простоту дома СНК, и ренессанс т. Мордвинова, затем ампи́р, далее ренессанс Бутова, интересный проект арх. Голыца, но неизвестно, что это — то ли Флоренция, то ли Альгамбра или какой-либо другой стиль для здания, а ставится она рядом со зданием, уже построенным по проекту мастерской Жолтовского, — вы увидите на этой магистрали разноречие, и задача магистрального архитектора, который работает над этой улицей, — сделать все возможное, чтобы этот разноречие сгладить.

Возьмем Калужскую улицу. Здесь тоже большой шаг вперед, начиная с общей планировки застройки, включающей в застройку улицы зелень, но все же я считаю, что такое включение зелени не может служить показательным примером: большая гряда зелени перед зданиями Бове и Казакова, а затем часто поставленные сравнительно короткие дома, не выходящие на улицу, и между ними — зелень в глубине.

Я думаю, что правильнее было бы чередовать архитектуру домов с более крупными кусками зеленых массивов. По архитектуре здесь тоже некоторый шаг вперед, но все же цельности и здесь нет.

В создании архитектуры Калужской улицы участвуют лучшие силы Ленинграда и Москвы — целое созвездие академиков всех возрастов, но разве вы найдете там единый ансамбль? Нет. А казалось бы, что именно здесь мы вправе ожидать квалифицированного понимания архитектурного ансамбля.

Возьмите стоящие рядом дома акад. Шусева и акад. Жолтовского, найдете ли вы согласованность в этих домах? Нет. И, наконец, все новые авторы вместе забыли про стоящие здесь сооружения, с которыми нельзя не считаться, — про творения Бове и Казакова.

Все это показывает, насколько сложно и трудно удачное разрешение архитектурного ансамбля. Конечно, в этой области много вины и на управлении проектирования и на управлении планировки. Но архитектурный ансамбль зависит не только от этих управлений, он должен явиться результатом большого творческого напряжения всех участников во все время застройки улицы, начиная с начертания красной линии и кончая последним мазком кисти в окраске здания.

Справедлив был упрек, что у нас в системе застройки Москвы отсутствуют определенные принципы. У нас много нерешенных или неправильно решаемых кардинальных вопросов, и боюсь, если мы будем решать архитектуру города застройкой улиц только большими домами, без достаточного простора для площадей и курдонеров, мы действительно построим город, в котором будет тяжело жить.

По поводу курдонеров я хочу сказать следующее. Я сам работал над улицей Новый Арбат. Верно, что там нет курдонеров. Но товарищи, которые упоминают о курдонерах, говорят о них, как о чем-то новом и неизвестном. Конечно, они ошибаются — это нам давно известно. Но если на Новом Арбате сделать в двух лишь местах уличные карманы с небольшим отступом, потребовался бы снос нескольких домов и выселение до полутысячи жителей.

Нам, планировщикам, хорошо памятен эпизод, когда Л. М. Каганович — это было еще в начале моей работы по планировке — дал нам поучительный урок. Рассматривался проект канала Москва—Волга. На проекте была проведена черта трассы канала, поставлены кружочки, обозначающие деревни, и вот, когда закончился просмотр проекта, товарищ Каганович, указывая на эти кружочки, сказал: «Посмотрите деревни, проверьте еще раз, помните, что здесь живые люди». Об этом мы, планировщики, хорошо помним, и это, может быть, лишает нас того размаха, о котором говорят в своих выступлениях товарищи, которые непосредственно этим делом не занимаются. Курдонеры делать можно и нужно, но к применению их надо подходить чрезвычайно осознанно, с учетом всех сторон, не забывая экономической стороны и связанного с таким приемом выселения.

Поскольку на пленуме затронули вопрос о зелени, я должен с большим удовлетворением отметить, что наконец-то эта важнейшая сторона генерального плана — озеленение Москвы — начинает привлекать должное внимание и печати и архитектурной общественности здесь, на пленуме, к сожалению, к запозданию. Мы, планировщики, какую-то долю своих сил в это дело внесли, но Союз советских архитекторов — ничего.

Призыв к специалистам давать свое мнение по тем или иным значительным вопросам архитектурной практики мы редко выполняем своевременно и так, как должно. Возьмем, например, застройку той же Калужской улицы. Проектировщиками предлагался проект застройки Калужской улицы со сносом большого зеленого массива (Нескучного сада). Мы возражали против этого, и немногие нас поддержали. Большинство же архитекторов на Архплане держалось в стороне от этого.

Еще пример — застройка Можайского шоссе. Когда в нашем управлении были магистральные мастерские, был составлен проект застройки Можайского шоссе архитектором Мешковым. Проект был составлен с учетом зелени, с раскрытием площади для увязки с рекой — это был хороший проект. Может быть, он был несколько труден для осуществления, дорог, но когда в дальнейшем возник вопрос о застройке Можайского шоссе, нам было предложено построить магистраль, закрыть зелень кладбища, не делать раскрытия на реку, не делать курдонеров и лишь, как некоторую уступку, разрешали сделать неглубокие карманы, не большие ширины корпуса.

Руководство вправе ждать от нас достаточно проработанных, всесторонне взвешенных ответов на различные вопросы архитектурной практики. Поэтому сегодняшнему пленуму необходимо всемерно обязать правление Союза архитекторов, и всесоюзное и московское, активизировать свою деятельность на помощь Моссовету и отдельным товарищам в деле реконструкции Москвы.

Есть еще один вопрос в связи с застройкой магистралей, о котором хотелось бы

знать мнение пленума, — это вопрос о северной ориентации нашей застройки на магистралях, идущих с запада на восток. При решении фронтальной застройки, если принять широкий корпус, то невольно придется обращать половину жилых комнат на север. По этому поводу у нас была дискуссия. Мы считаем это неправильным, но есть сторонники другого взгляда, которые говорят, что лучше построить большое количество квартир и жилплощади хотя бы и на север, чтобы большее число живущих в подвалах переселить в нормальные жилые дома.

Архитектура города — дело сложное и большое. Необходима мобилизация и организация всех творческих архитектурных сил вокруг этого дела. Управление планировки, которое до сих пор вопросами архитектуры занималось недостаточно, должно коренным образом перестроить свою работу и вопрос архитектуры города поставить на первый план. Академия архитектуры СССР, со своей стороны, должна активизировать свою деятельность и оказать нам, практическим работникам, максимальную помощь в работе по реконструкции Москвы, и тогда мы выполним все то, что требуется от нас постановлением партии и правительства о генеральном плане реконструкции Москвы.

АРХИТЕКТУРНЫЕ ВОПРОСЫ РЕКОНСТРУКЦИИ МОСКВЫ

Резолюция VII пленума правления Союза советских архитекторов СССР

1. VII пленум правления Союза советских архитекторов собрался в дни, когда страна отмечает пятилетие постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 июля 1935 г. о генеральном плане реконструкции г. Москвы. На наших глазах в течение нескольких лет выпрямились кривые московские улицы, раскрылись обширные пространства новых площадей, выросли кварталы, застроенные новыми домами, созданы набережные, мосты, замечательные сооружения метро и канала Москва — Волга, многочисленные общественные здания и жилые дома. Москва стала неузнаваемой.

История градостроительства во всем мире не знает примера подобной всесторонней и глубокой перестройки громадного города в столь незначительный срок. Наиболее прославленные примеры из городского строительства новейшего времени не идут ни в какое сравнение с реконструкцией Москвы ни по своим масштабам, ни по своим темпам, ни по своему существу.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 июля 1935 г. представляет собой документ, в котором впервые в истории самые глубокие, подлинно научные принципы градостроительства совпадают с волей и интересами многомиллионного трудового народа. В этом постановлении указано не только, что и в каком количестве мы должны строить, но и как мы должны строить социалистический город.

Впервые в истории строительства города вопросы архитектуры и планировки, вопросы городского хозяйства и строительства стали делом всенародным. В каждом мероприятии, которое проводится по реконструкции Москвы, заинтересованы широчайшие слои населения города.

За короткий срок на базе московского строительства воспитались и выросли многочисленные кадры советских архитекторов и строителей.

2. Наряду с замечательными достижениями истекших пяти лет

плenum отмечает, что успешному осуществлению плана реконструкции столицы в значительной степени мешает слабое руководство разработкой основных архитектурно-планировочных проблем в Москве. Не определены архитектурные принципы проектирования отдельных магистралей и площадей, слабо поставлено руководство конкретной застройкой города, а также координация работы отдельных коллективов и магистральных архитекторов. Текущими частными вопросами в работе управления планировки гор. Москвы отодвигаются на задний план основные, решающие задачи архитектуры и планировки города.

До сих пор нет необходимой и ясной точки зрения в вопросах архитектурно-пространственной композиции центра города (районы Дворца Советов, Красной площади, подходов магистралей и прилегающих площадей).

В конкретных проектах отдельных магистралей набережных отсутствует учет естественных условий рельефа, реки и других природных особенностей Москвы. Отдельные живописные участки, определяющие пейзаж города, нивелируются новой застройкой, и их живописные возможности не используются (застройка Фрунзенской набережной, район Новоспасского монастыря, возвышенные точки Садового кольца и ряд других).

3. На новых и реконструируемых магистральных применяется архитектурно обезличенный характер застройки, не учитывающий значения данной магистрали в плане города. Так, например приемы застройки, свойственные центральным магистралям, механически переносятся на загородные магистрали, набережные Москвы-реки, въездные шоссе и т. д. Практикуется почти исключительно застройка по периметру улицы; застройка по красной линии никак не учитывает будущей планировки кварталов, прилегающих к данной магистрали, и ориентации в отношении стран света.

4. Вследствие отсутствия законченных и утвержденных проектов застройки основных площадей наиболее ответственные точки города предоставлены случайной застройке. В частности, управления проектирования и планировки оказались неподготовленными к застройке Советской и Пушкинской площадей. В работе многих архитекторов, проектирующих и строящих отдельные здания, отсутствует должная дисциплина, что способствует случайному характеру застройки в ряде ответственных мест города.

5. Несмотря на совершенно четкое указание генплана о создании крупных массивов зелени в городе и об образовании новых парков и бульваров, о проведении зеленых полос, соединяющих лесопарковый пояс с центром города, за истекшие годы сделано очень мало в области озеленения столицы. В отдельных случаях зеленые насаждения гибнут, зеленые полосы застраиваются зданиями (как, например, полоса, соединяющая Останкинский зеленый массив с центром города).

Совершенно недостаточно внимания уделяется внутриквартальной зелени и созданию новых насаждений.

6. Отсутствие разработанного и утвержденного проекта пригородной и лесопарковой зон Москвы, а также полное отсутствие регулирования и надзора за строительством в пригородах ведет к быстрому захламлению ценнейших пригородных участков случайными, низкокачественными постройками.

7. Пленум считает необходимой скорейшую разработку проекта освоения юго-западной территории Москвы. Пленум обращает внимание всей архитектурной общественности на огромное культурное и хозяйственное значение этого мероприятия, требующего углубленной разработки и применения новых приемов планировки и застройки кварталов, а также творческой работы над архитектурным обликом новых районов социальной Москвы.

8. Пленум констатирует, что архитекторы и архитектурная общественность Москвы фактически устранились от работы над малыми архитектурными формами и убранством города (фонтаны, фонари, ограды, киоски, рекламные установки и т. д.). Эта работа оказалась в руках по большей части малоквалифицированных, случайных людей, выполняющих ее на крайне низком художественном уровне и тем самым безобразящих город.

Необходимо сосредоточить в проектных мастерских Мосгорисполкома проектирование так называемых малых форм, а магистральным архитекторам иметь постоянное наблюдение за правильной расстановкой и качеством этих сооружений, за их увязкой с основным архитектурным фоном магистралей, площади города.

9. Неудовлетворительно обстоит дело с установкой в Москве памятников и монументов, посвященных выдающимся людям нашей родины и историческим событиям; не разработаны вопросы размещения этих памятников на площадях и в парках.

10. Отмечая огромное историческое и художественное значение ценнейших памятников старого русского зодчества, имеющихся в Москве, пленум считает, что при разработке проектов реконструкции магистралей, площадей и частей города необходимо включить эти памятники в композицию застройки.

Пленум отмечает неудовлетворительность постановки дела охраны и реставрации памятников архитектуры и поручает президиуму правления войти в руководящие правительственные органы с соответствующими предложениями.

11. Пленум отмечает, что архитекторы, строители и архитектурная общественность обращают совершенно недостаточное внимание на качество строительных работ в Москве. В частности, не обращается внимания на внешний вид дворовых фасадов, на качество внутренних отделочных работ в массовом жилищном строительстве, внутреннего обору-

дования и отделки зданий, в результате чего здания быстро изнашиваются. Очень часто нарушаются элементарные технические требования к строительству. Не обращается должного внимания на благоустройство участков и правильную эксплуатацию зданий.

Вопросы качества строительства должны быть в центре внимания проектировщиков, строителей и всей архитектурной общественности. Пленум считает совершенно необходимым активное включение архитекторов в осуществление проекта в натуре, для чего следует провести в жизнь положение об авторском надзоре и обеспечить права архитектора на стройке.

Пленум подчеркивает большое значение участия архитекторов в работе строительной промышленности по разработке образцов, стандартов изделий и строительных деталей.

12. Отмечая оптимистическое значение скоростных методов, применяемых строительными организациями Мосгорисполкома, пленум обращает внимание всех архитекторов столицы на необходимость распространить эти методы на все строительство в Москве.

Все архитекторы обязаны внимательно учесть технические требования, которые предъявляются скоростными методами к проекту, и настойчиво работать над усовершенствованием скоростного строительства.

13. С целью повышения качества проектных работ и строительства нужно всемерно усилить отстающие в нашей практике научно-исследовательские работы по вопросам планировки и проектирования, а также и экспериментальное опытное строительство. К этому делу необходимо привлечь Академию архитектуры СССР.

14. Пленум отмечает, что архитектурное качество наших построек в большой степени зависит от правильной постановки дела рассмотрения и утверждения проектов. Утверждающие органы должны обеспечить полное соответствие отдельных строящихся зданий основным архитектурно-планировочным заданиям магистралей и площадей и не допускать передачи на строительные площадки столицы ни одного проекта низкого качества и дурного вкуса.

Необходимо перестроить работу утверждающих организаций путем привлечения широкого круга компетентных архитектурных сил гор. Москвы к реферированию проектов.

15. Пленум считает необходимым подчинить работу по проектированию магистралей единому центру — управлению планировки гор. Москвы.

16. Для повышения ответственности и урегулирования руководства и контроля над застройкой города пленум считает нужным просить Мосгорисполком разработать положение о магистральных архитекторах и о главном архитекторе города.

17. Большое положительное влияние на качество архитектуры окажет постоянное сотрудничество архитекторов со скульпторами и живописцами как при проектировании отдельных зданий, так и при решении целых

ансамблей, площадей, парков, а также при разработке малых форм и декоративного убранства города.

Пленум рекомендует проектным мастерским Мосгорисполкома постоянно привлекать к работе мастеров скульптуры и живописи с тем, чтобы их участие начиналось с первой стадии проектирования.

Пленум одобряет решение президиума правления о создании в Союзе советских архитекторов специальной секции по монументальному искусству с привлечением в эту секцию крупнейших мастеров, постоянно работающих в области монументальной скульптуры и живописи.

18. Пленум считает, что в работе московского отделения Союза архитекторов совершенно недостаточное место занимали актуальнейшие вопросы реконструкции Москвы. Московское отделение Союза не оказывало должной помощи Моссовету, проектным и планировочным организациям и отдельным архитекторам в разрешении сложнейших архитектурных вопросов застройки столицы. Целый ряд предложений, выдвигаемых общественностью и отдельными членами Союза, не получил конкретного разрешения и не проводился до конца в жизнь.

Пленум отмечает также, что всесоюзное правление не приняло необходимых мер для того, чтобы направить работу московской организации на важнейший участок — вопросы реконструкции Москвы.

Пленум считает важнейшей задачей всесоюзного правления и московского отделения на ближайший период — развертывание широкой общественной критики проектов планировки и застройки основных частей города и отдельных зданий, а также коллективную разработку архитектурно-планировочных проблем, стоящих перед московскими архитекторами.

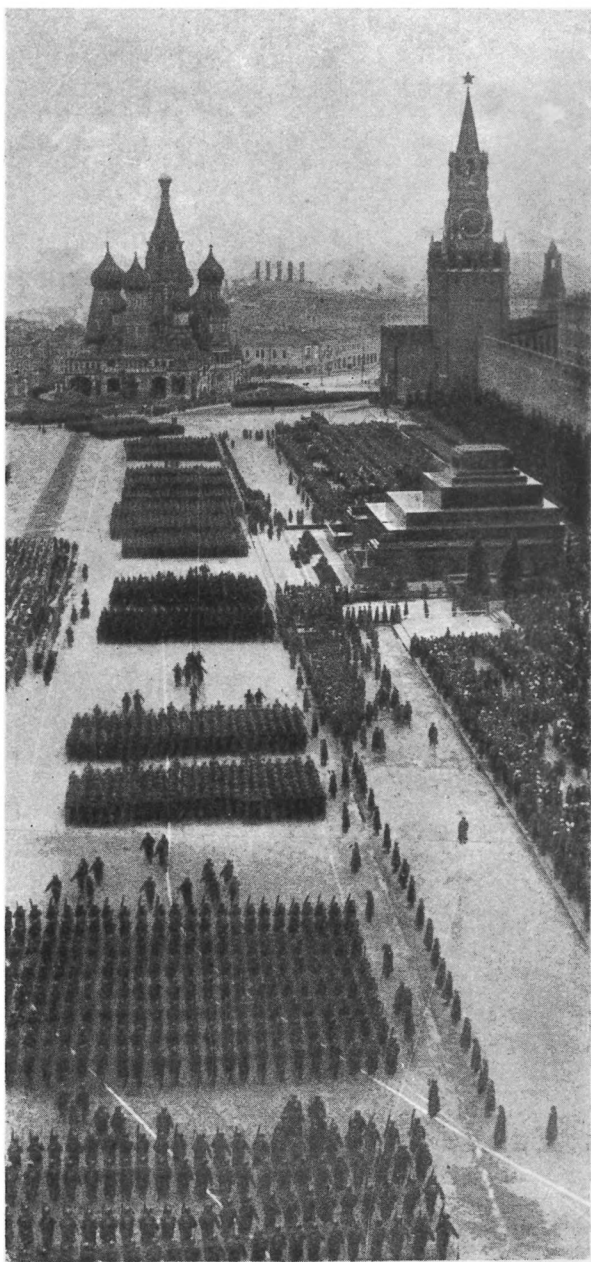
Сложность этих задач требует максимального сплочения всех членов Союза советских архитекторов в борьбе за осуществление плана великих работ по реконструкции Москвы, для чего необходимо изжить проявление барского и пренебрежительного отношения отдельных членов Союза к товарищеской критике.

Пленум призывает всех членов Союза настойчиво бороться за высокое качество проектирования и строительства, за совершенствование мастерства, за высокую культуру всех работ, связанных с планировкой и застройкой Москвы и других городов Союза.

Сознание высокой ответственности, возложенной на всех нас сталинским планом реконструкции Москвы, и накопленный опыт должны помочь нам выполнить предстоящие в следующем пятилетии огромные работы в полном объеме и на высоком качественном уровне.

Проникнутые великими идеями социалистического строительства, советские архитекторы должны помнить, что работами на стройке нашей столицы, осуществляемыми под руководством партии Ленина — Сталина, мы укрепляем нашу социалистическую родину и содействуем ее процветанию и мощи.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Красная площадь в Москве

2. Генеральный план Москвы. 1939 г.

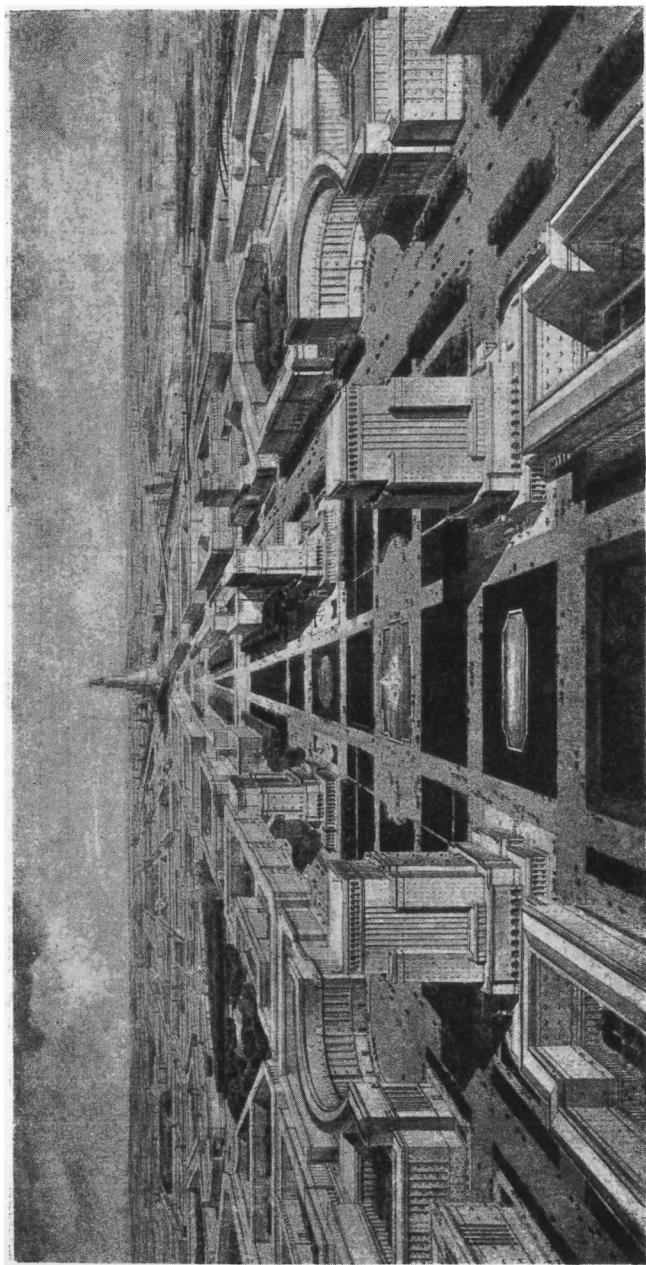
3. Проект реконструкции центра Москвы (в пределах кольца Б)

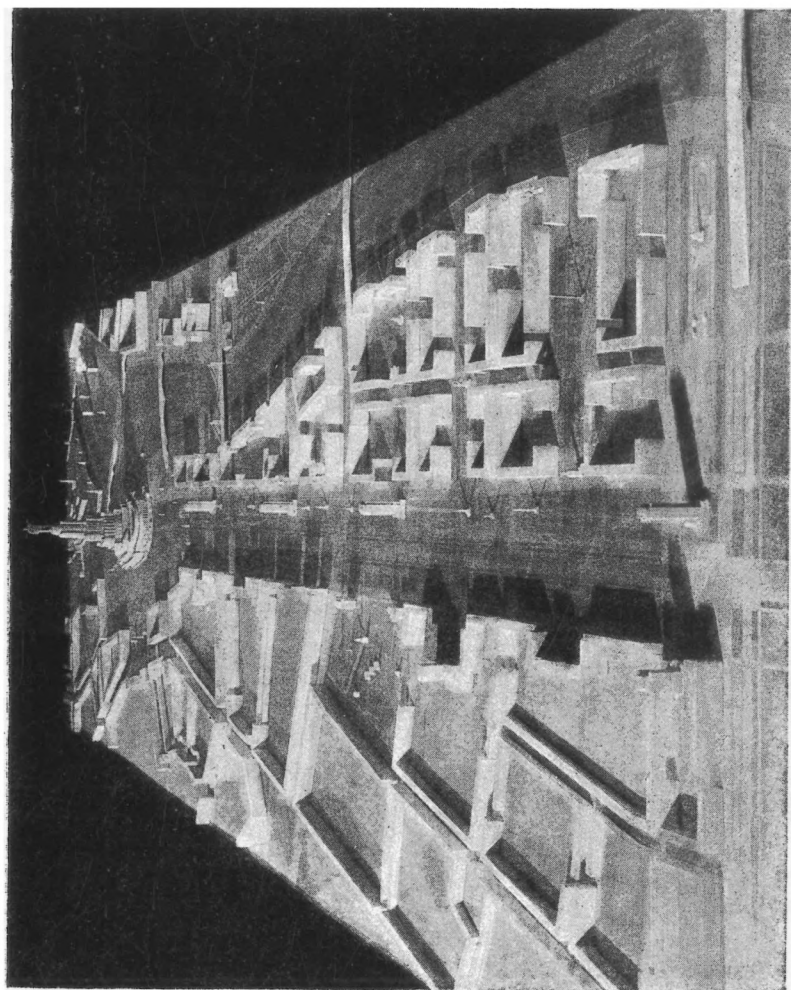
4. Проект планировки проспекта Дворца Советов. Однолучевой вариант.
Ширина проспекта 90 м. Управление планировки Моссовета

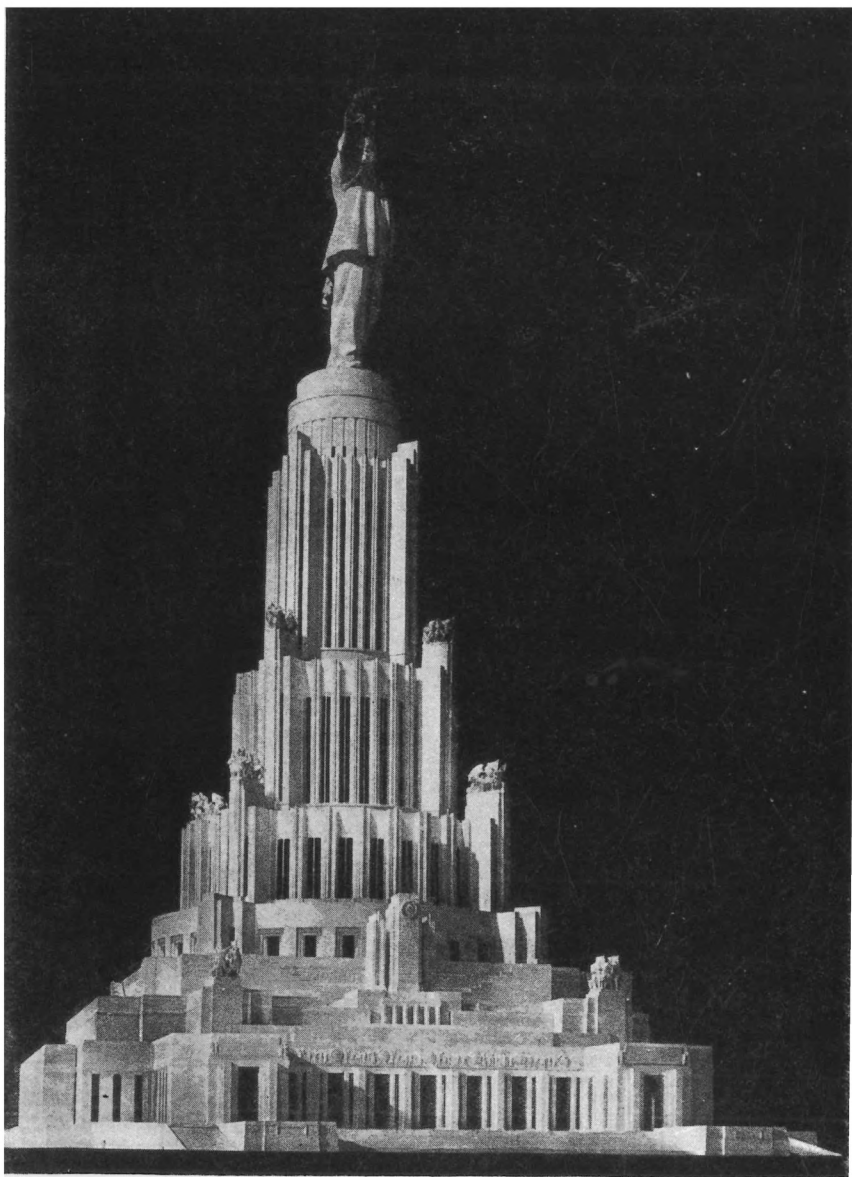
5. Проект планировки проспекта Дворца Советов. Одноточечный вариант.
Ширина проспекта 250 м. Управление планировки Моссовета

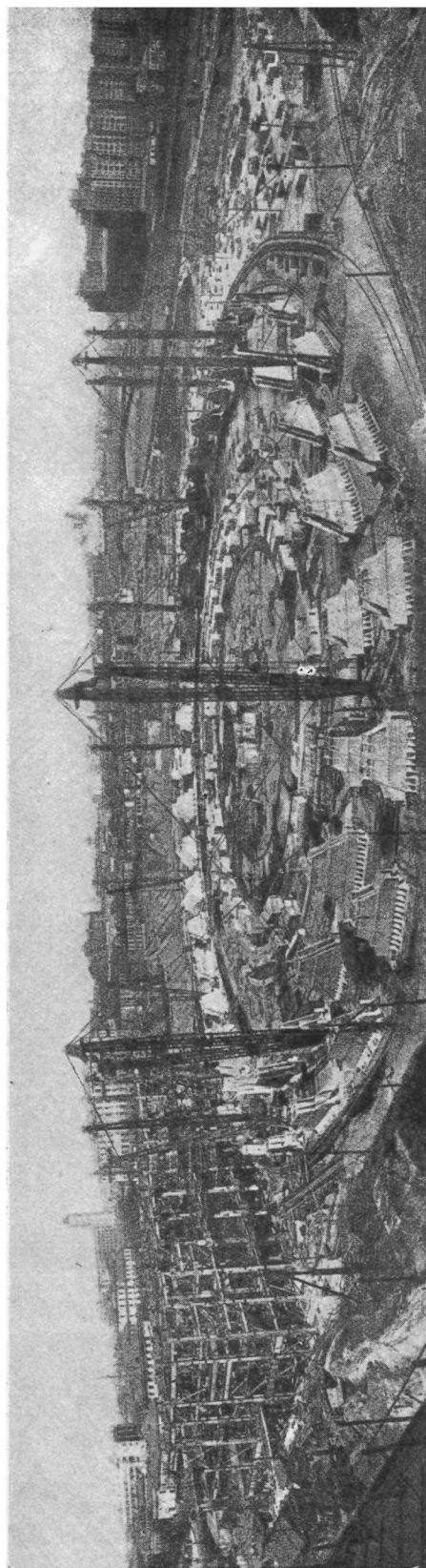
6. Проект планировки проспекта Дворца Советов. Перспектива (вариант)

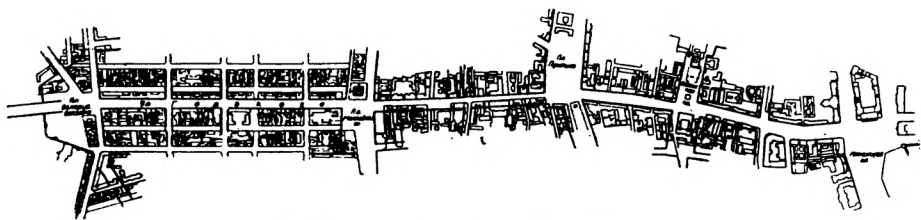
7. Проспект и площадь Дворца Советов. Макет

8. Дворец Советов. Макет. Проф. В. Г. Гельфрейх, акад. арх. Б. М. Иофан, акад. арх. В. А. Щуко

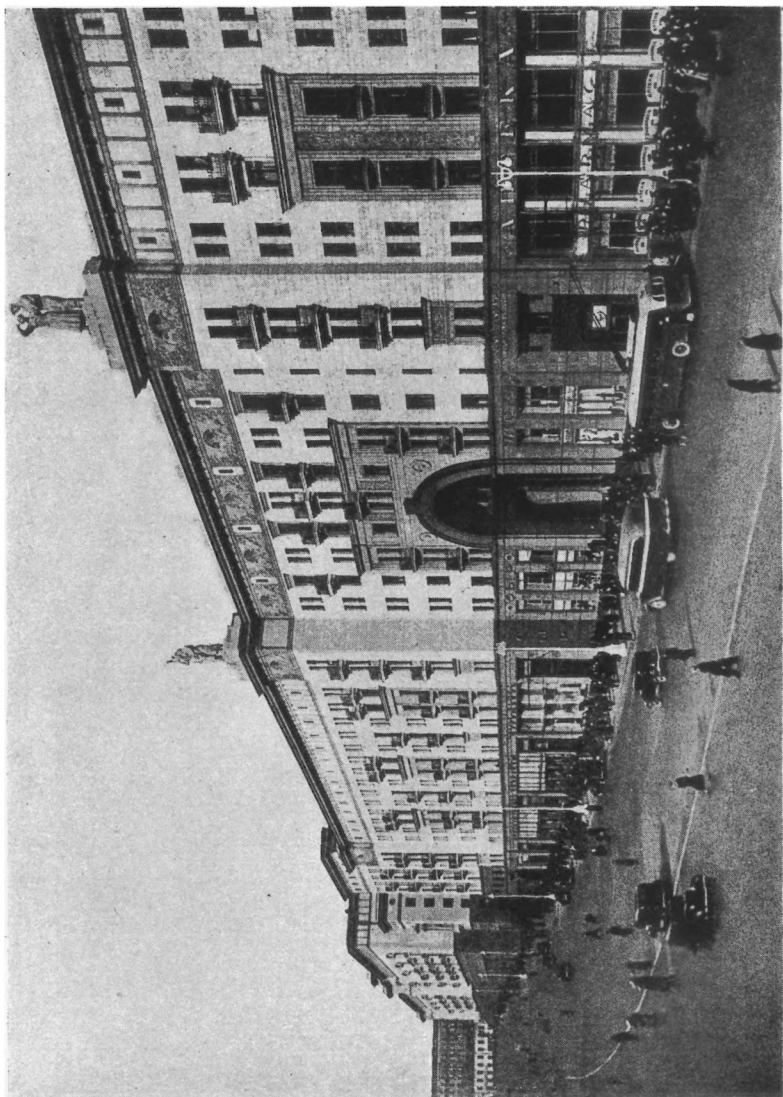
9. Общий вид строительства Дворца Советов. Июнь 1940 г.

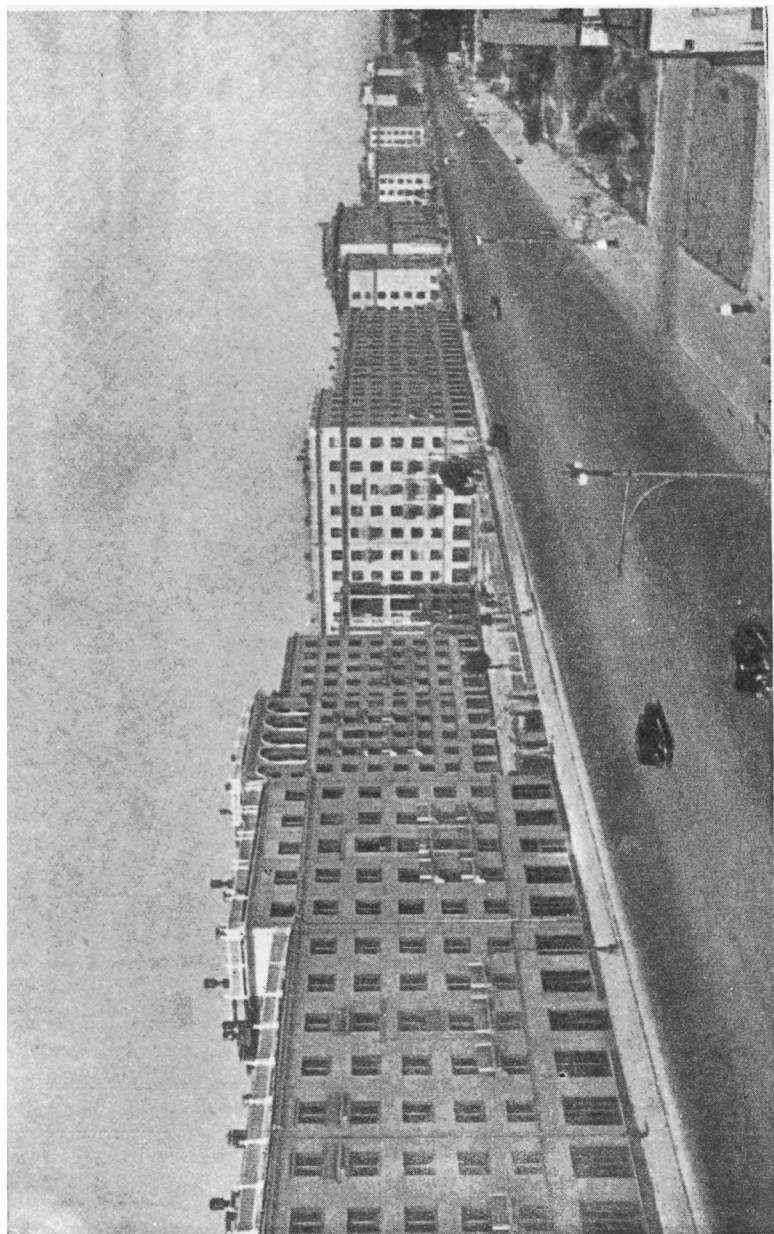
10. Планировка ул. Горького, 1940 г.

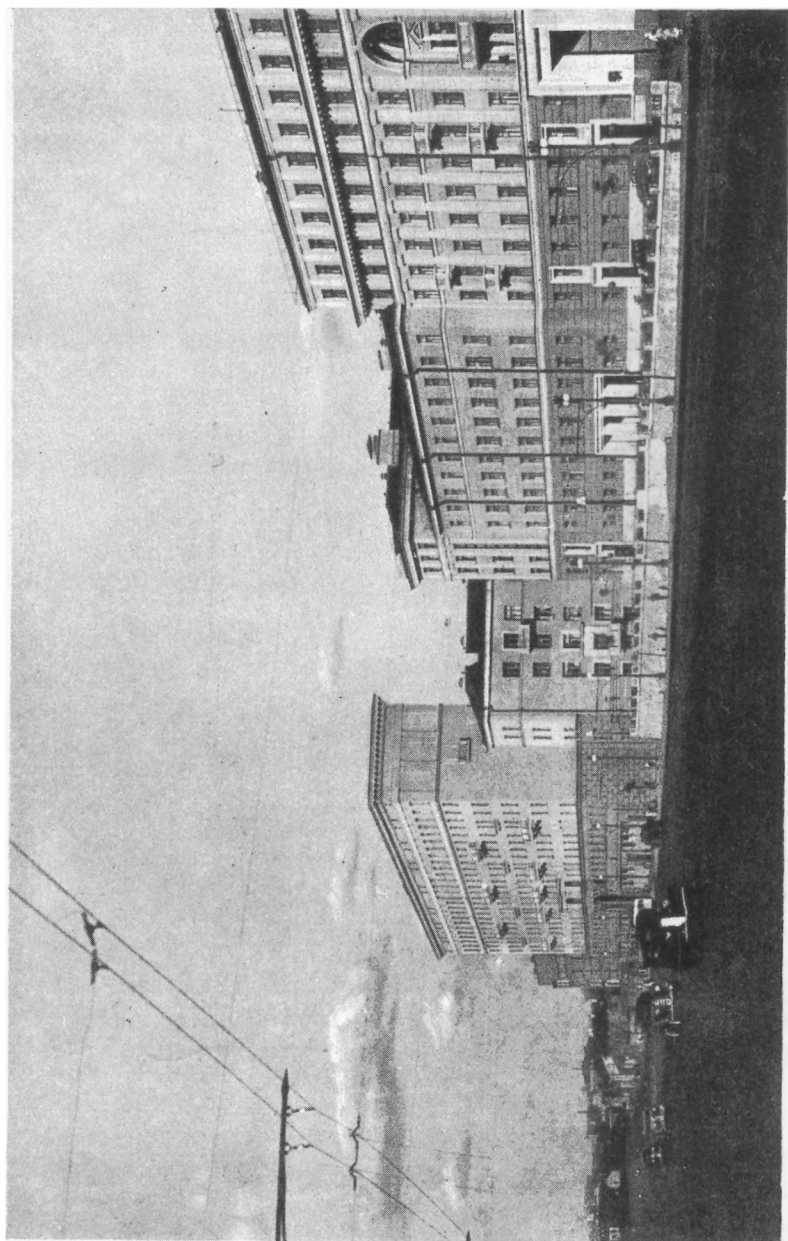
11. Ул. Горького до реконструкции

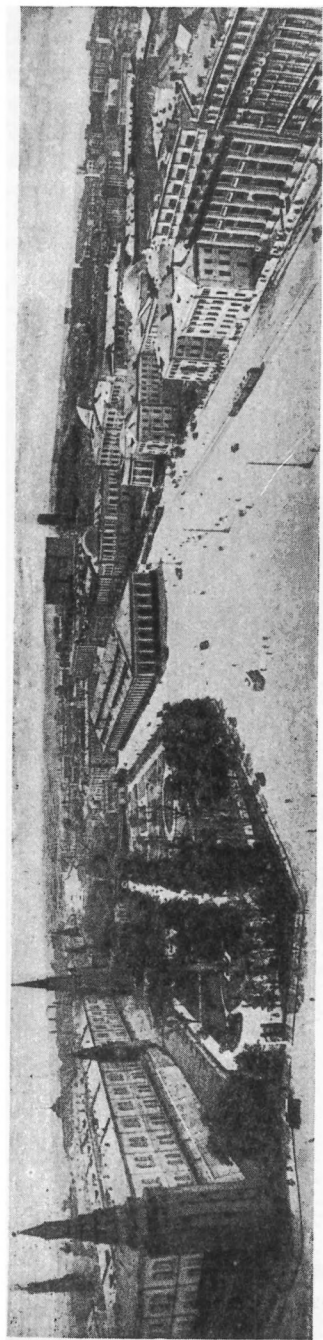
12. Ул. Горького после реконструкции

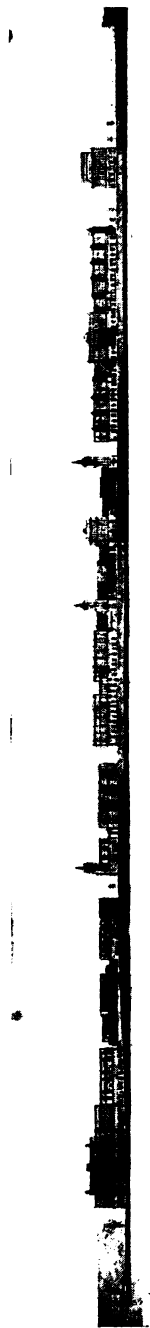
13. Реконструированная Б. Калужская улица

14. Реконструированное Можайское шоссе

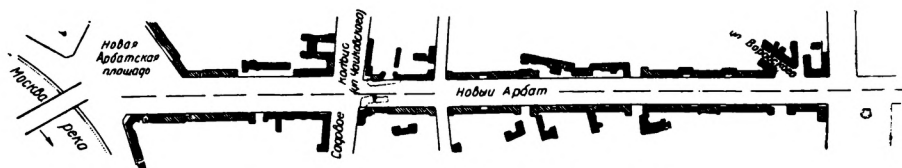
15. Реконструируемая Манежная площадь

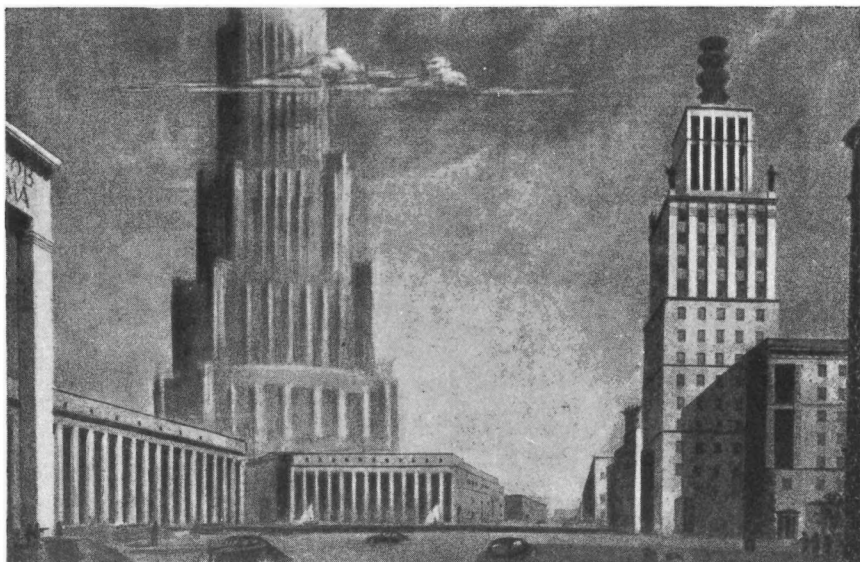
16. Формирует застройку улицы Конституции (Новый Арбат). Застройка правой стороны. Акад. арх. С. Е. Чернышев, архитекторы А. М. Заславский, С. Н. Кожин, А. Д. Суриц

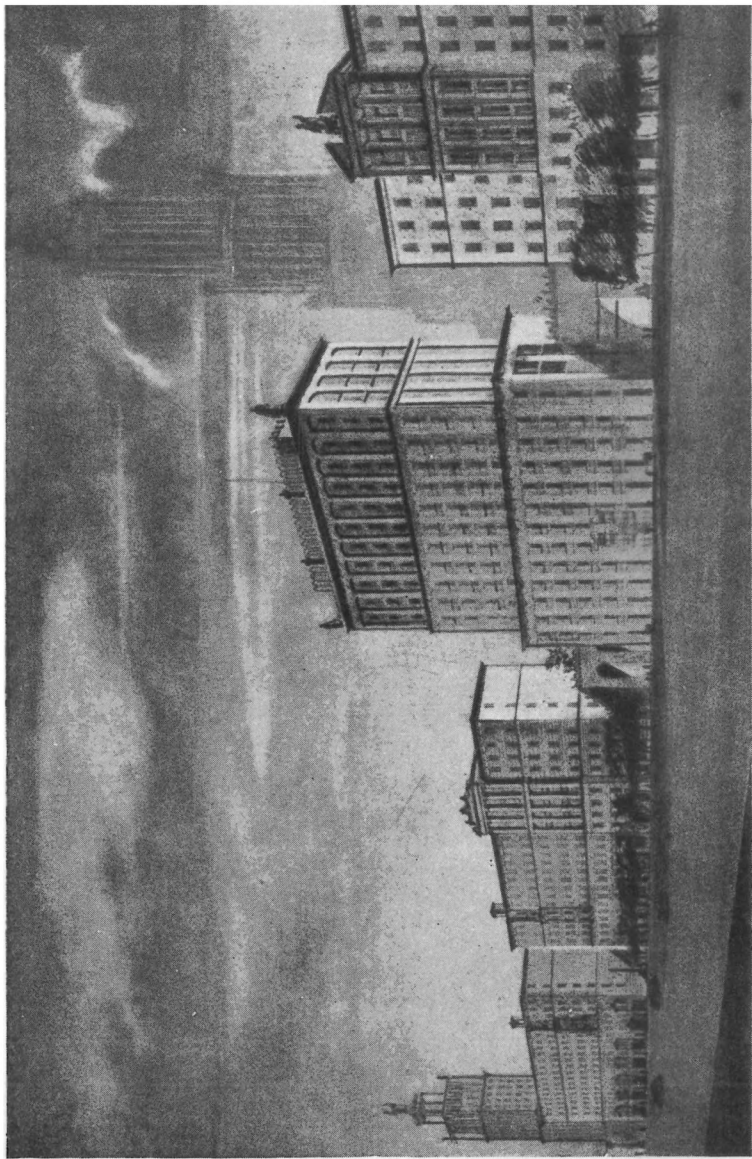
17. Формирует застройку улицы Конституции (Новый Арбат). Застройка левой стороны. Акад. арх. С. Е. Чернышев, архитекторы А. М. Заславский, С. Н. Кожин, А. Д. Суриц

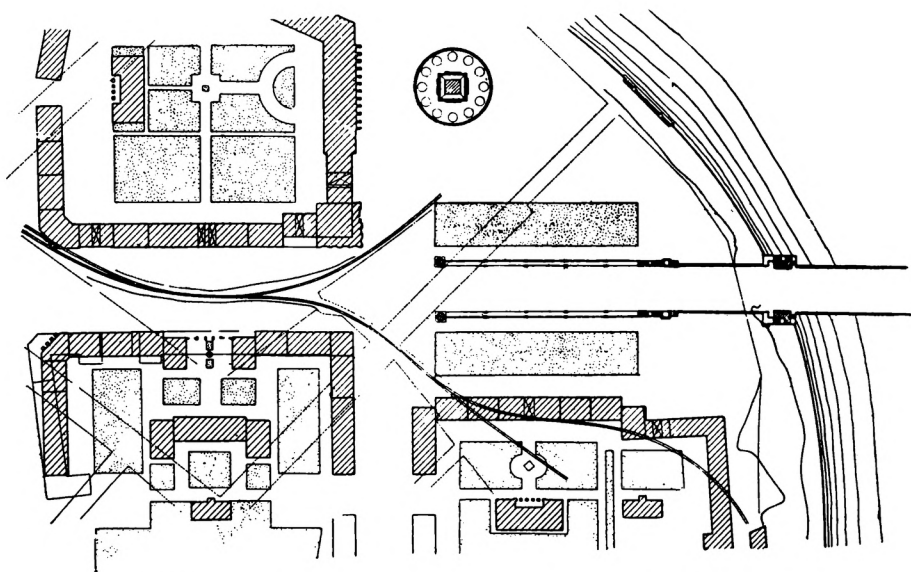
18. Улица Конституции (Новый Арбат). План

19. Формпроект застройки улицы Конституции (Новый Арбат). Ново-Арбатская площадь. Акад. арх. С. Е. Чернышев, архитекторы А. М. Заславский, С. Н. Кожин, А. Д. Суриц

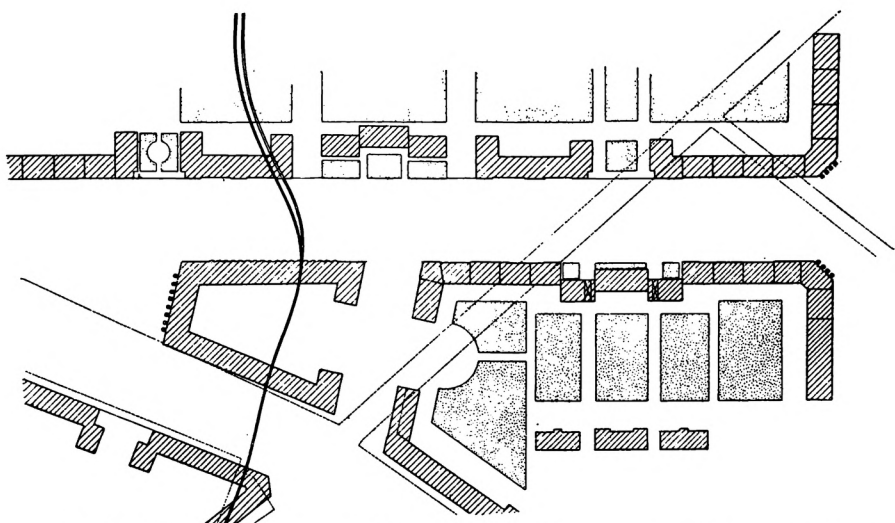
20. Проспект Конституции (Новый Арбат). Перспектива застройки левой стороны

21. Ново-Дорогомиловская магистраль. Улица Конституции. План части, прилегающей к Москве-реке. Архитекторы Д. Н. Чечулин, А. Ф. Жуков, А. К. Ростковский

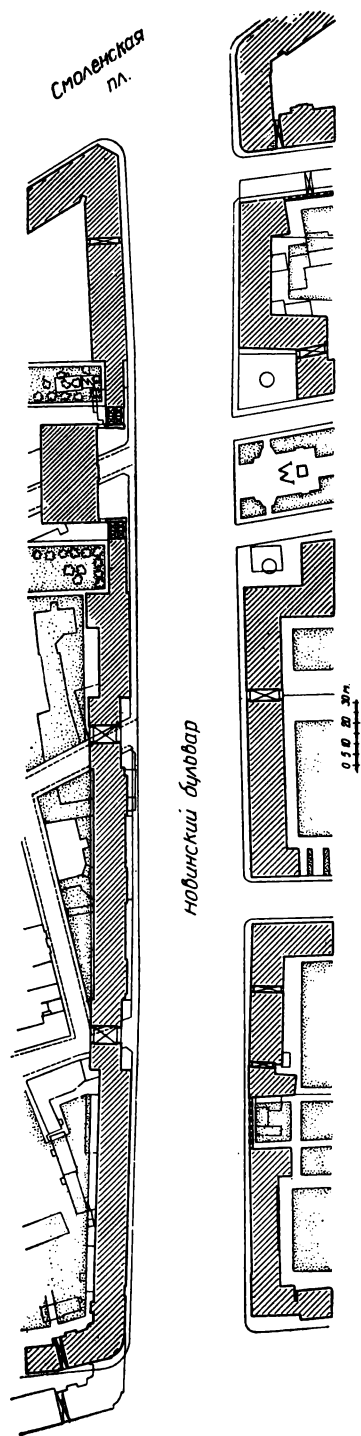
22. Ново-Дорогомиловская магистраль. Перспектива второго квартала. Левая сторона. Архитекторы Д. Н. Чечулин, А. Ф. Жуков, А. К. Ростковский

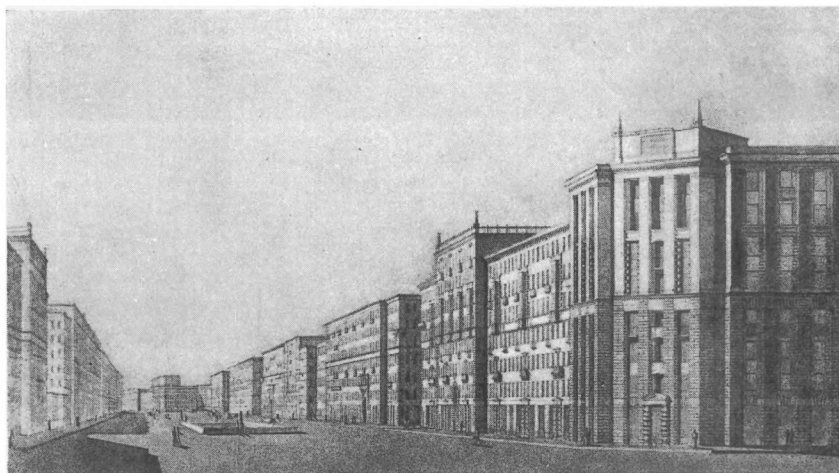
23. Ново-Дорогомиловская магистраль. Улица Конституции. План части, прилегающей к Можайскому шоссе. Архитекторы Д. Н. Чечулин, А. Ф. Жуков, А. К. Ростковский

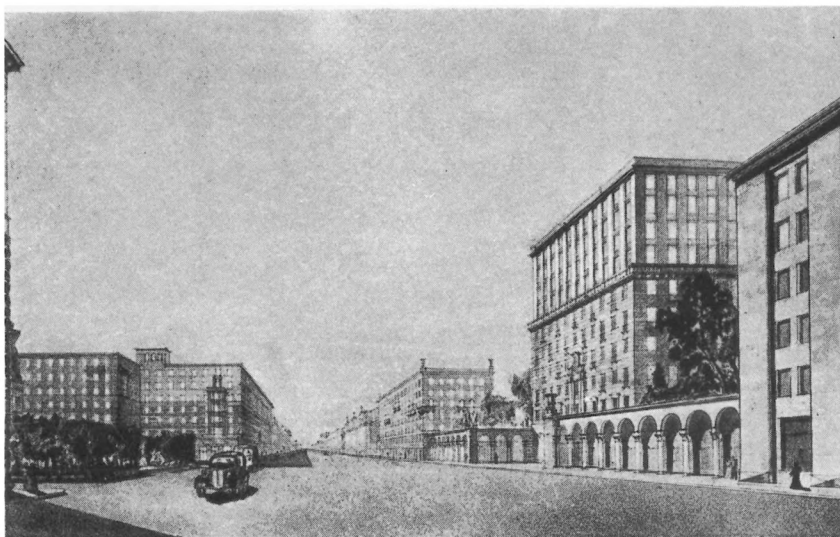
24. Ново-Дорогомиловская магистраль. Перспектива площади у начала магистрали со стороны Ново-Арбатского моста

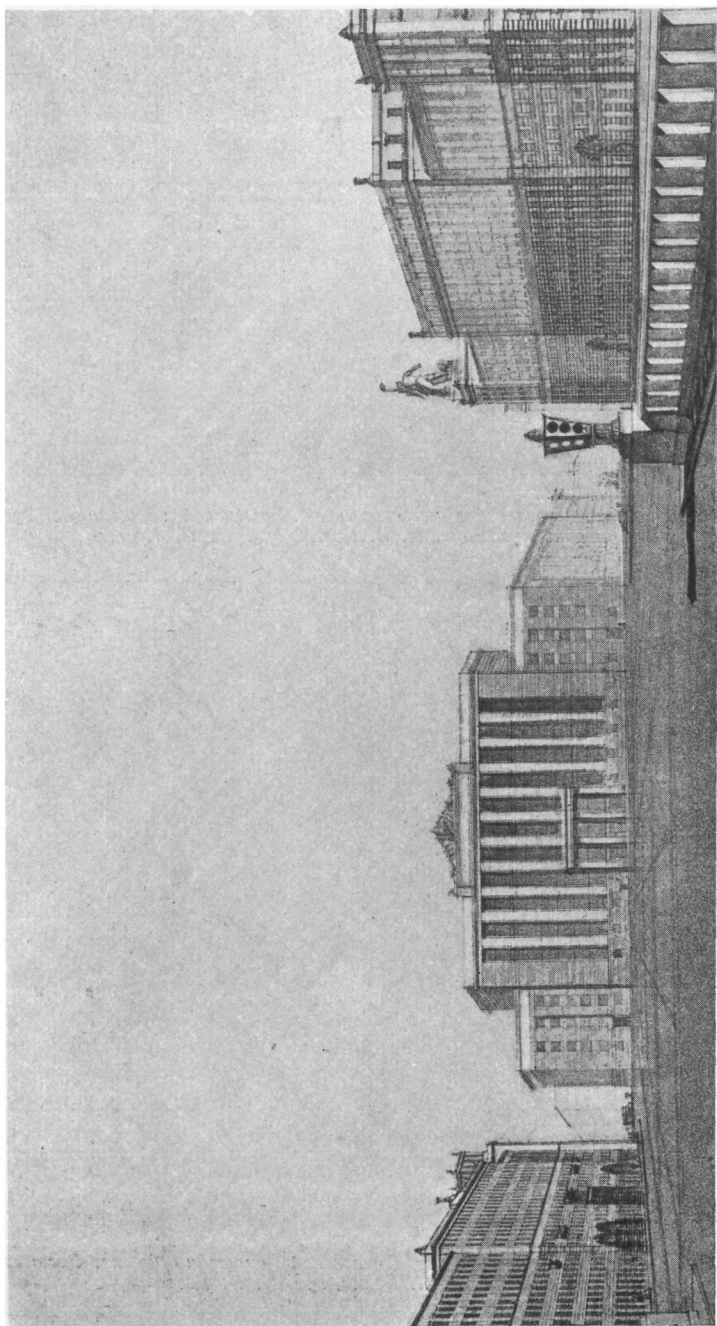
25. Проект реконструкции магистрали Садовое кольцо. План магистрали на отрезке от Смоленской площади к Новому Арбату
 Архд. арх. Н. Я. Колли, арх. Н. Н. Кастель

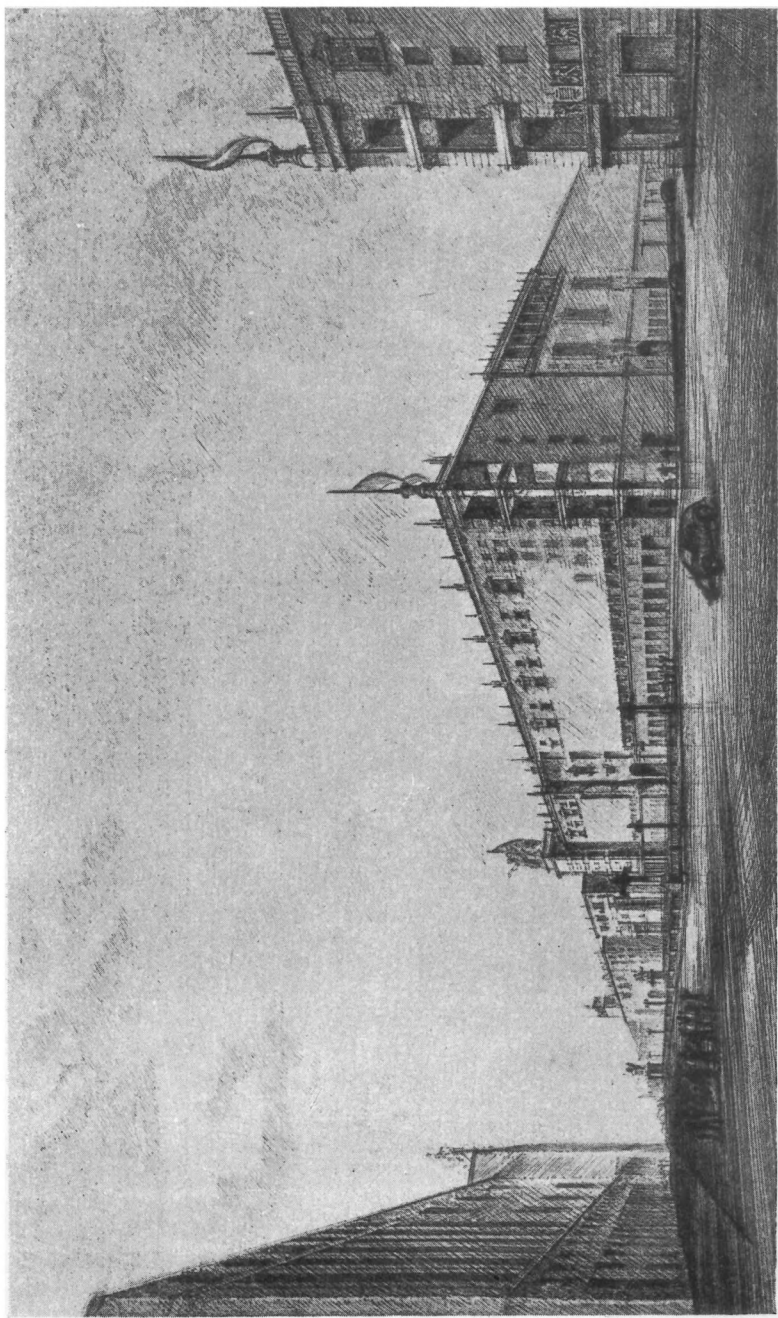
26. Садовое кольцо. Перспектива магистрали от Смоленской площади до Zubovskoy площади. Акад. арх. Н. Я. Колли, арх. И. Н. Кастель

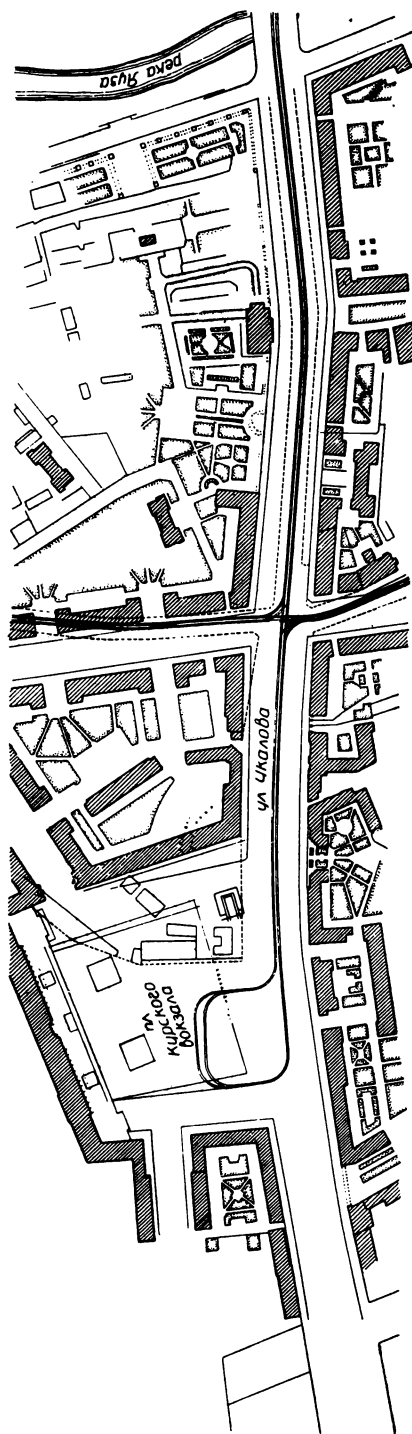
27. Перспектива магистрали от Смоленской площади до пл. Восстания. Акад. арх. Н. Я. Колли, арх. И. Н. Кастель

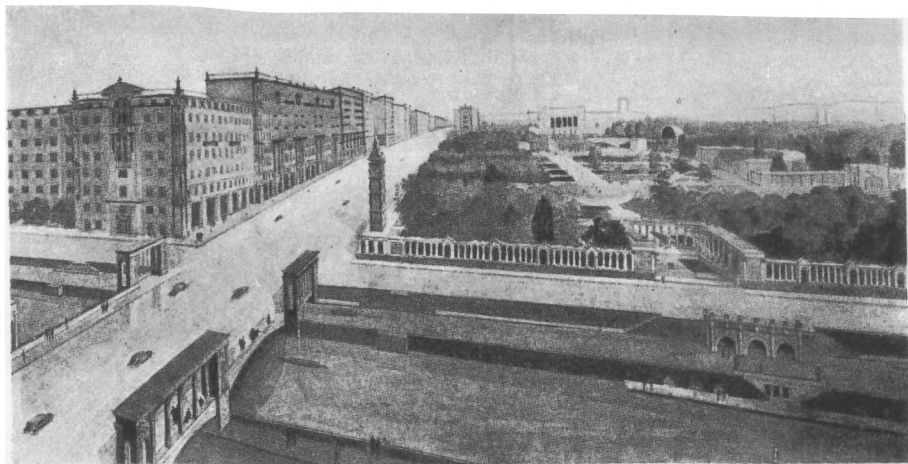
28. Смоленская площадь. Проект. Акад. арх. Н. Я. Колл., архитекторы И. Н. Кастель, В. П. Сергеев

29. Проект реконструкции Садового кольца. Вид с Колхозной площади. 6-я архитектурно-проектная мастерская Моссовета, руководитель арх. К. И. Джус

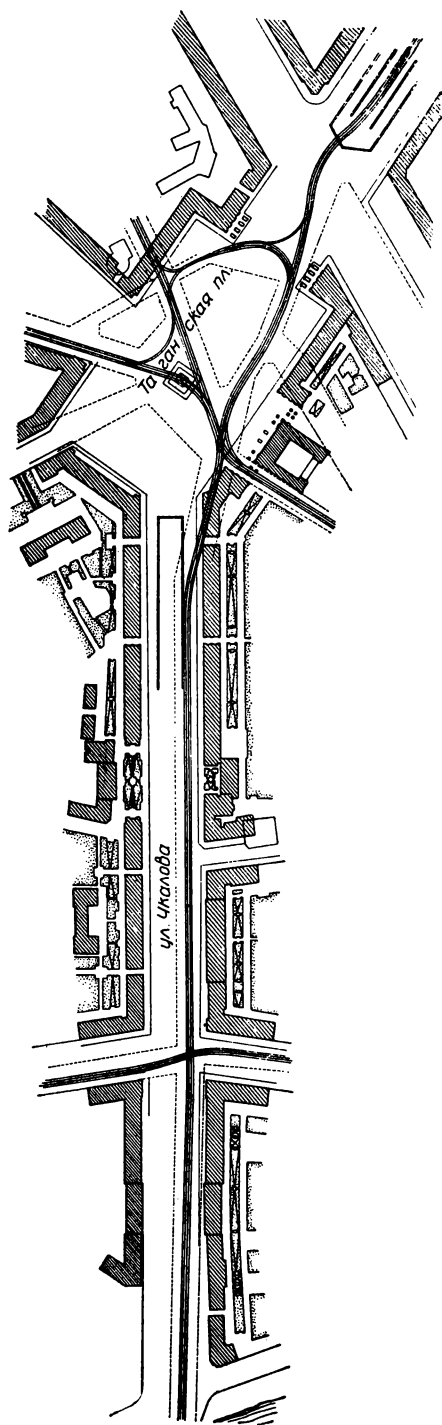
30. Реконструкция Садового кольца. Фортпроект застройки ул. Чкалова от пл. Курского вокзала до Таганской площади.
 План отрезка ул. Чкалова от площади Курского вокзала до реки Юж. Архитекторы М. А. Хомутов, А. П. Вегнер; руко-
 водитель проф. И. А. Голосов

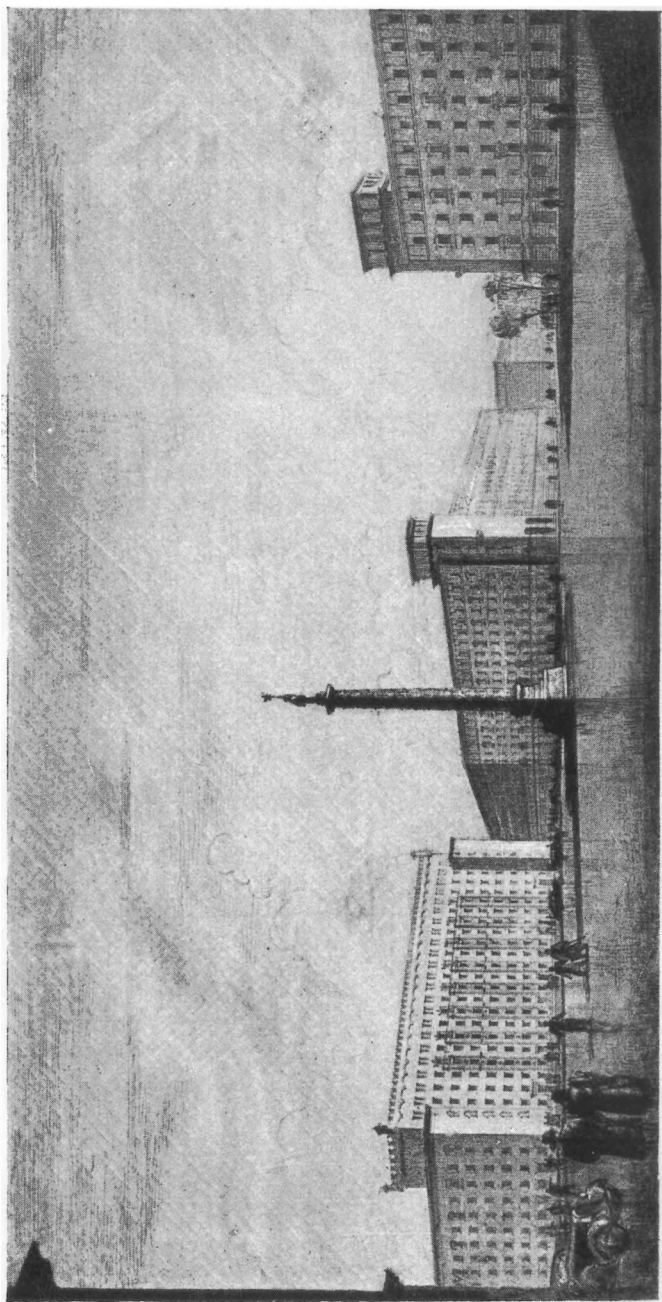
31. Форпроект застройки ул. Чкалова. Вид ул. Чкалова у парка со стороны реки Яузы. Архитекторы М. А. Хомутов, А. П. Вегнер; руководитель проф. И. А. Голосов

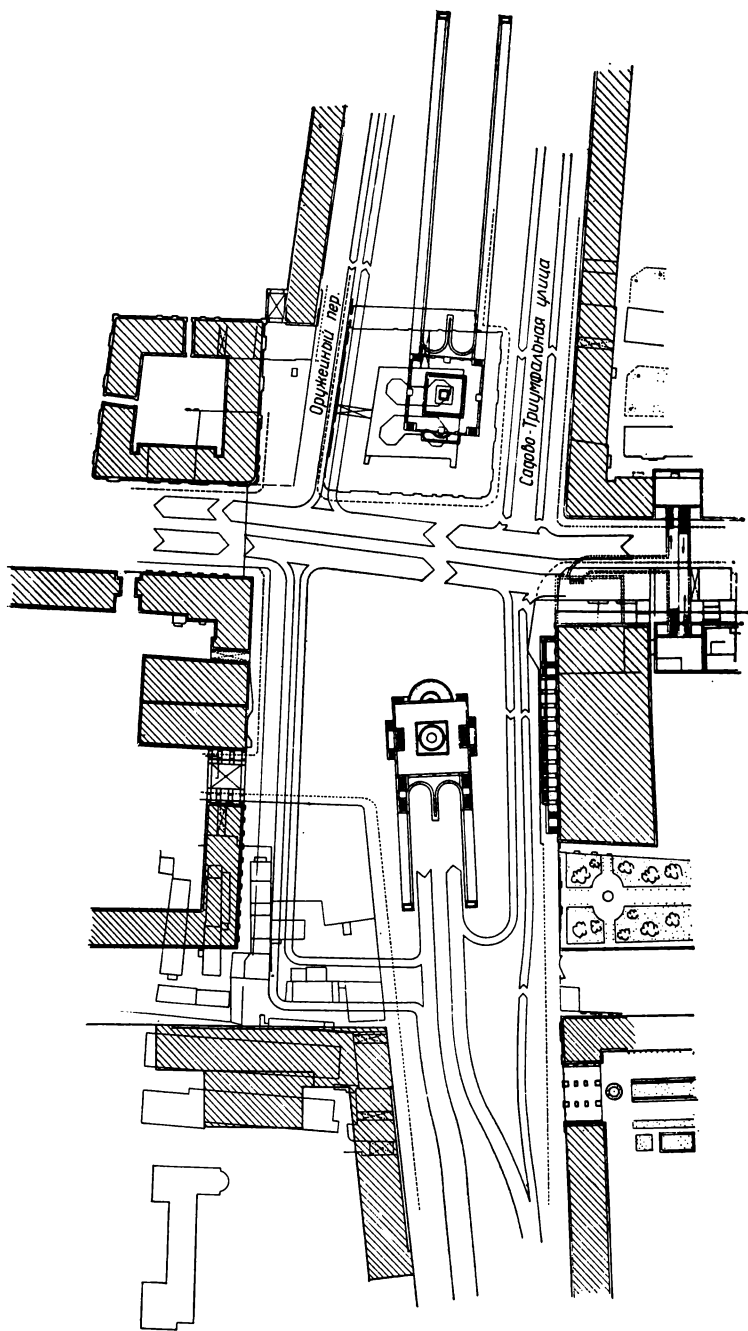
32. Форпроект застройки ул. Чкалова. Вид ул. Чкалова от перекрестка В. Сыромятнической улицы к реке Яузе. Архитекторы М. А. Хомутов, А. П. Вегнер; руководитель проф. И. А. Голосов

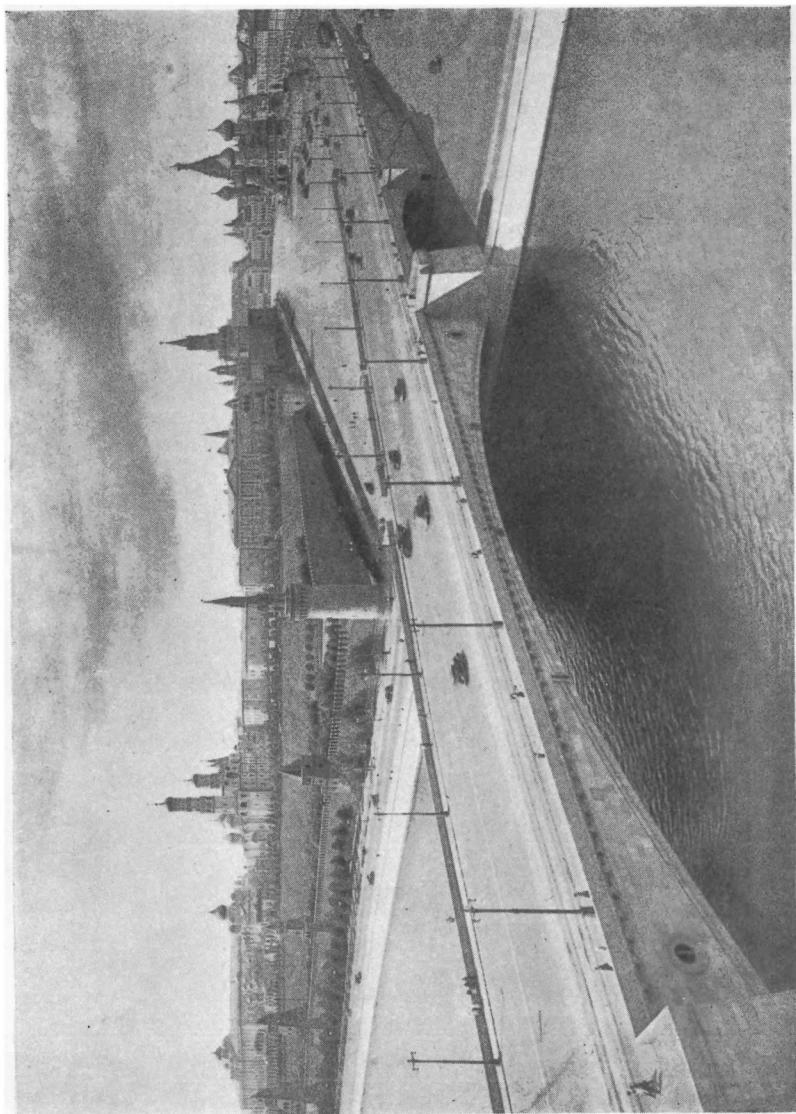
33. Формирует застройку ул. Чкалова. План, отрезка ул. Чкалова от реки Яузы до Таганской площади. Архитекторы А. Т. Капустина, В. М. Куцаков, С. Ф. Кибирев

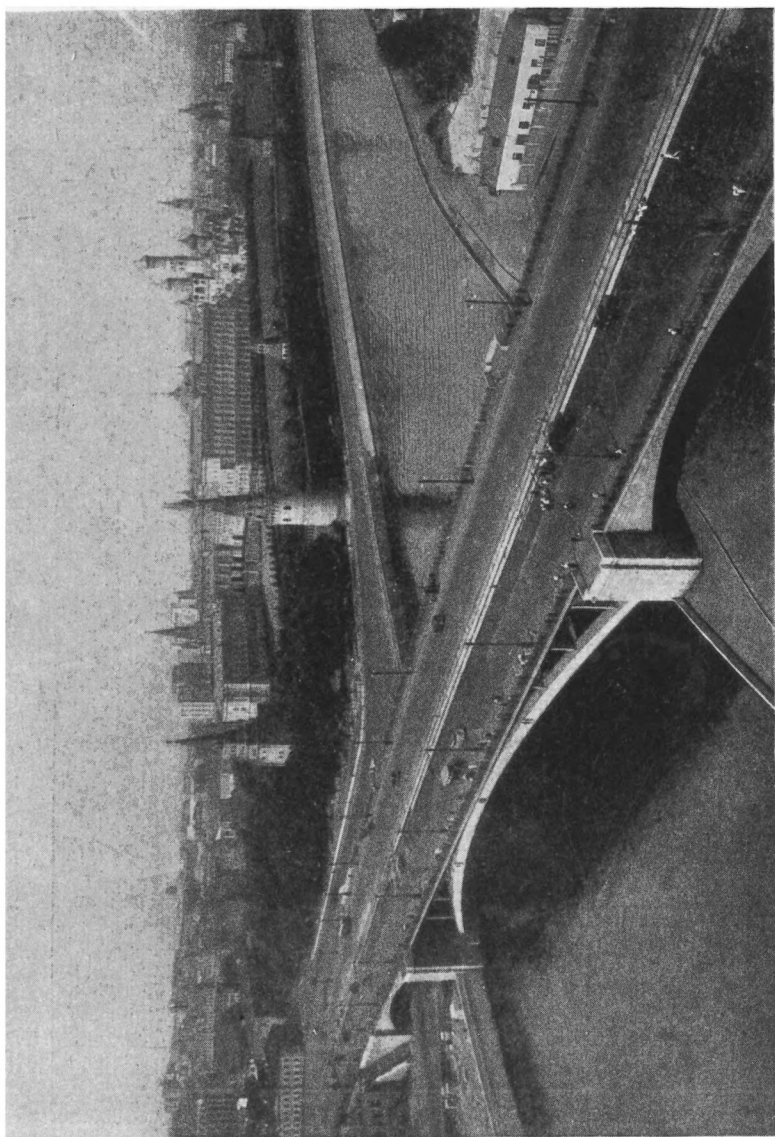
34. Таганская площадь. Архитекторы А. Т. Капустина, В. М. Кусаков, С. Ф. Кибирев

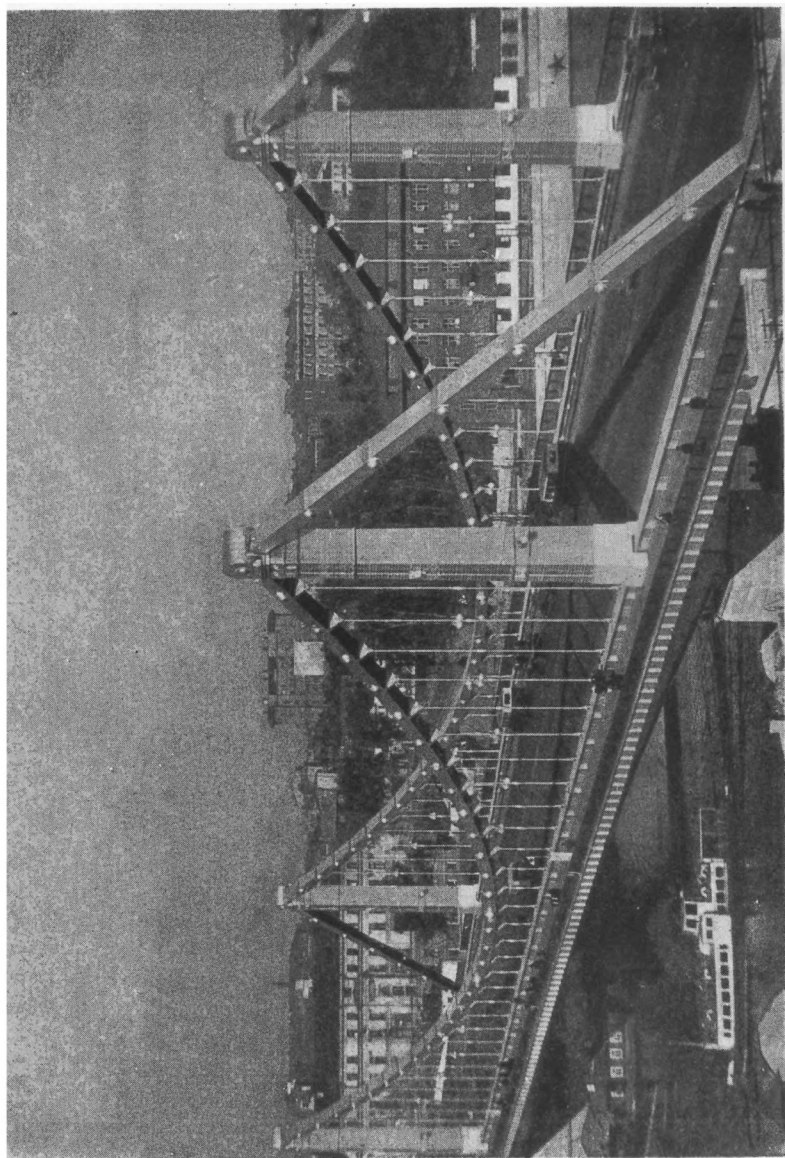
35. Проект реконструкции пл. Маяковского. Арх. Д. Н. Чечулин

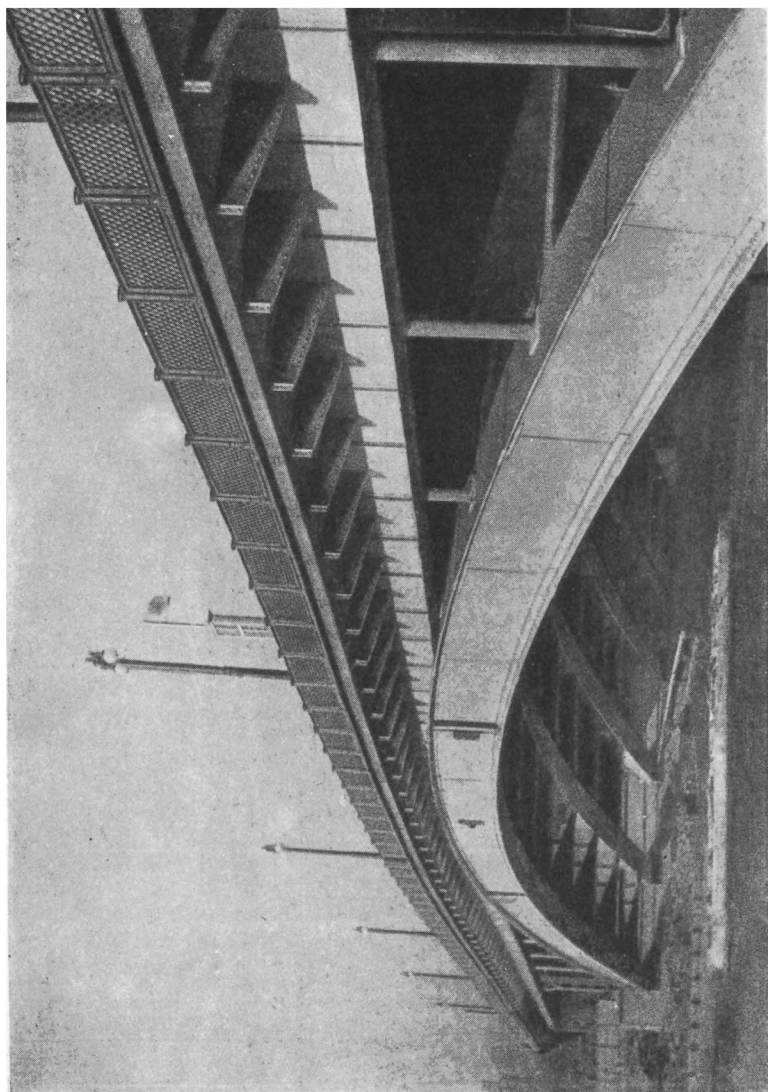
36. Новый Москворецкий мост. Акад. арх. А. В. Щусев, арх. П. М. Садарьян, инж. В. С. Кириллов

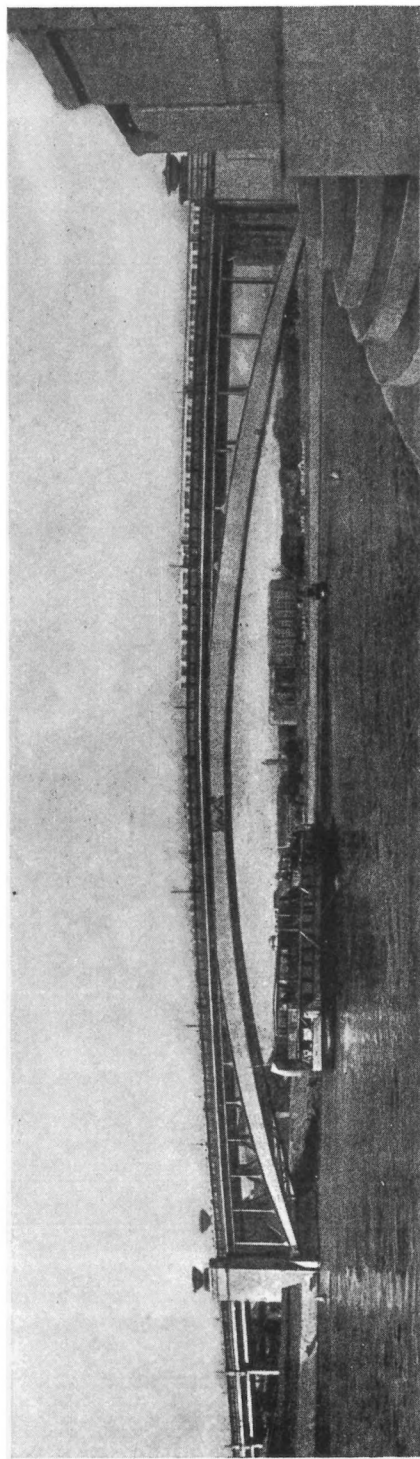
37. Новый Б. Каменный мост. Акад. арх. В. А. Щуко, проф. В. Г. Гельфрейх,
арх. М. А. Минкус, инж. Н. Я. Қадмыков

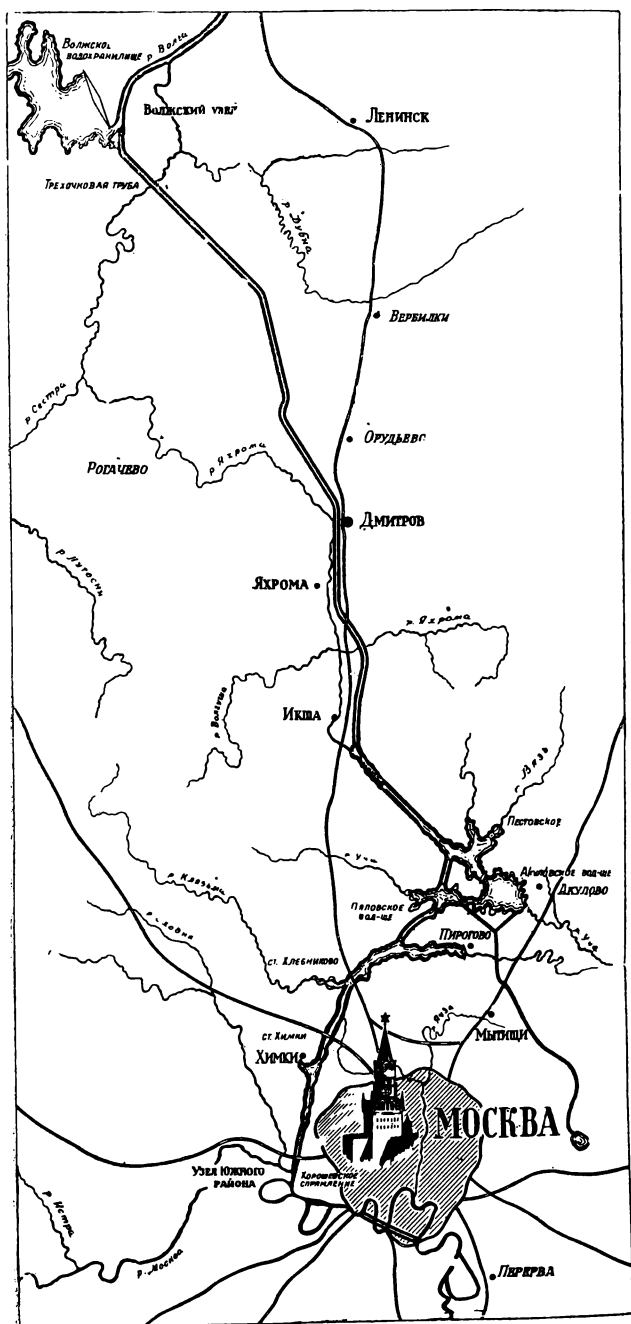
38. Новый Крымский мост. Арх. А. В. Власов, инж. Б. П. Константинов

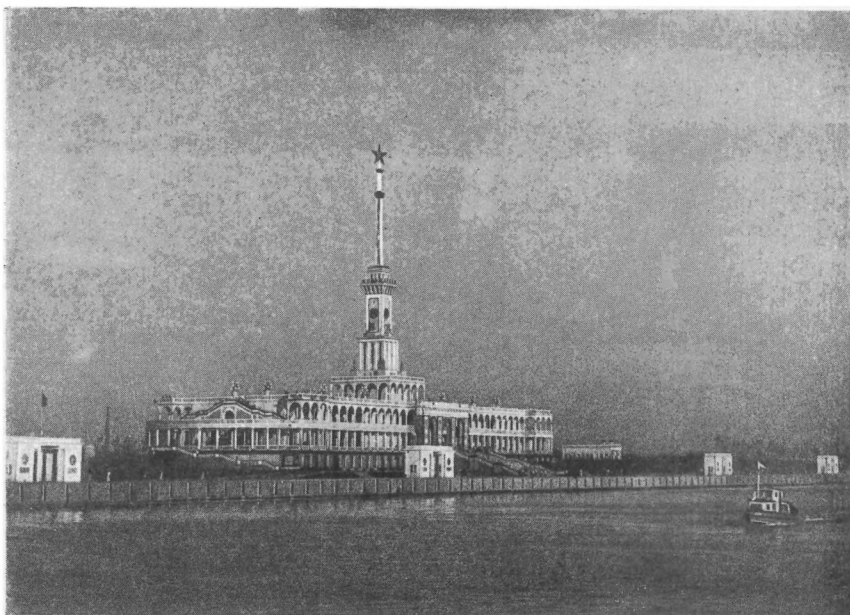
39. Новый Б. Устынский мост. Акад. арх. Г. П. Гольц, арх. Д. П. Соболев, инж. В. М. Вахуркин

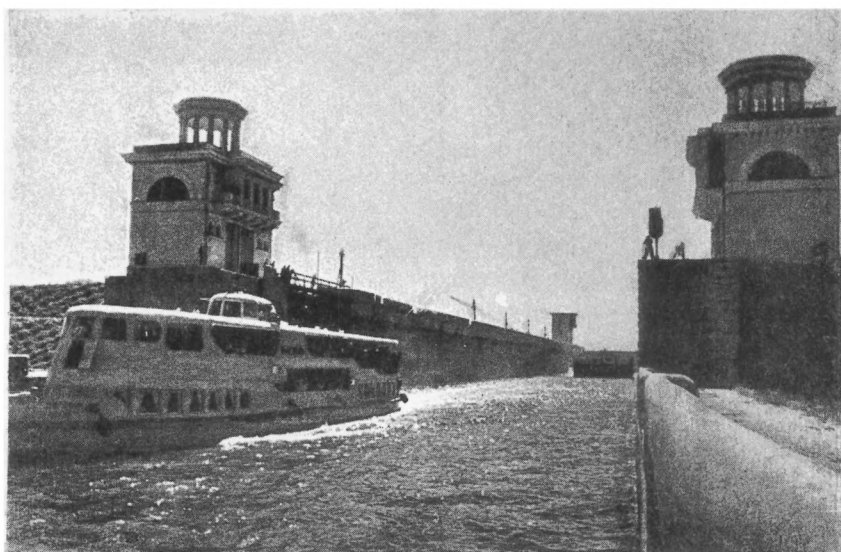
40. Новый мост метро через Москву-реку. Архитекторы К. Н. и Ю. Н. Яковлевы, инж. П. Н. Поликарпов

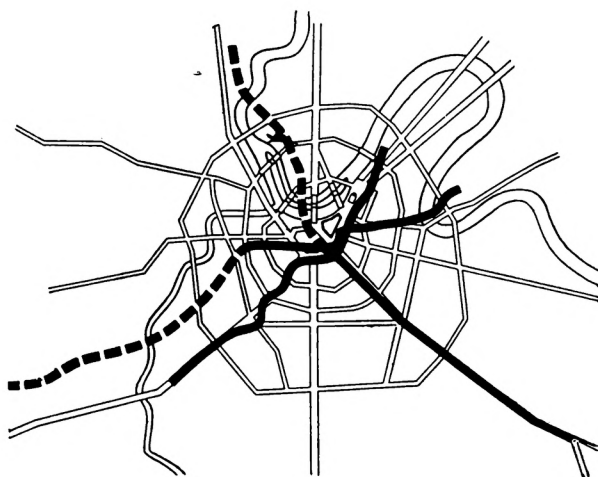
41. Схема канала Москва—Волга

42. Химкинский речной вокзал. Арх. А. В. Рухлядев

43. Канал Москва — Волга, Шлюз № 5. Арх. Д. Б. Савицкий

44. Схема линий московского метрополитена первой, второй и третьей очереди

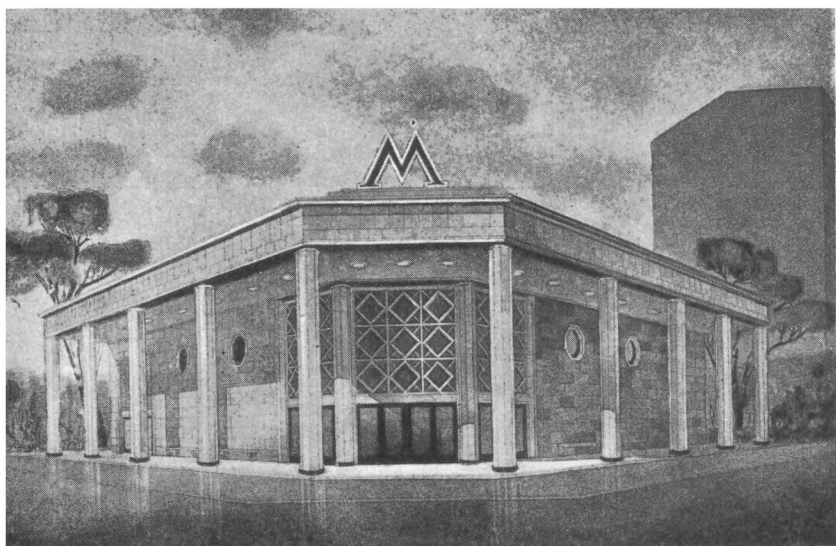
45. Станция метро «Площадь Свердлова». Акад. арх. И. А. Фомин

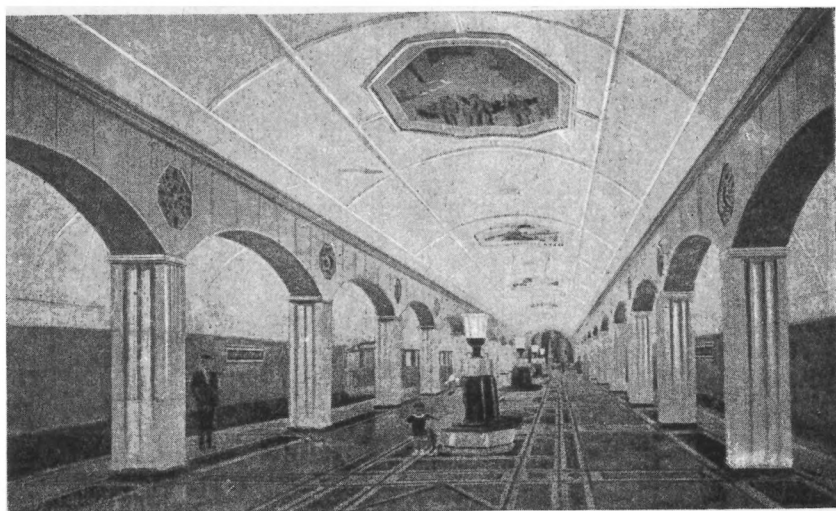
46. Станция метро «Курская». Арх. Л. М. Поляков

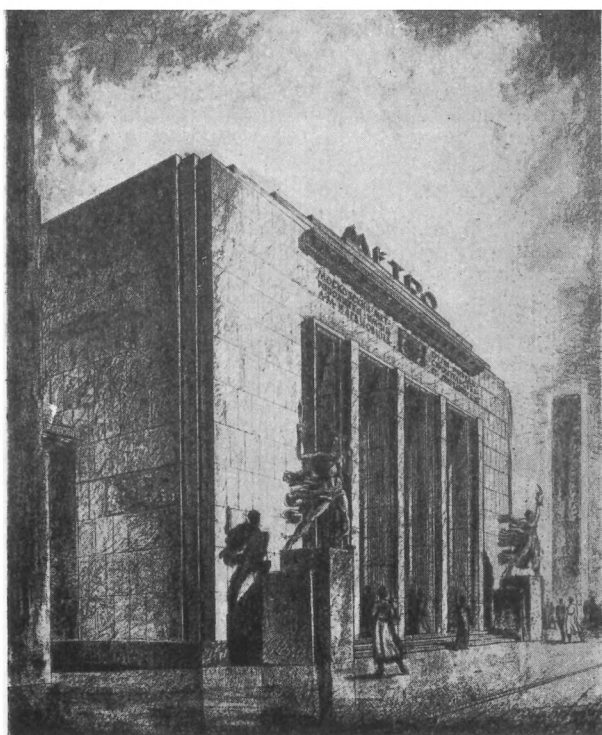
47. Станция метро «Маяковская». Арх. А. Н. Дишкин

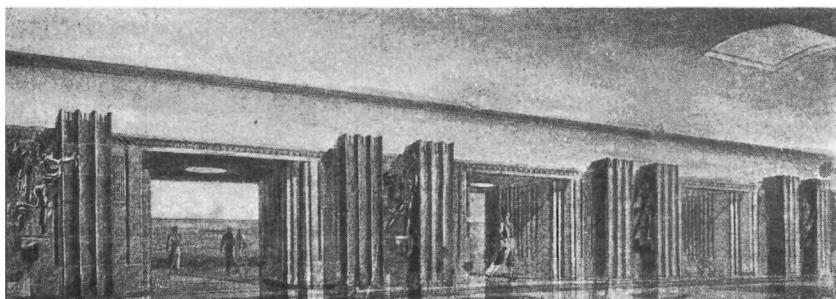
18. Проект станции метро «Павелецкая». Наземный вестибюль. Академики архитектуры В. А. и А. А. Веснины. Соавторы архитекторы С. В. Лященко, С. Ф. Зебек, при участии арх. Е. С. Демченко

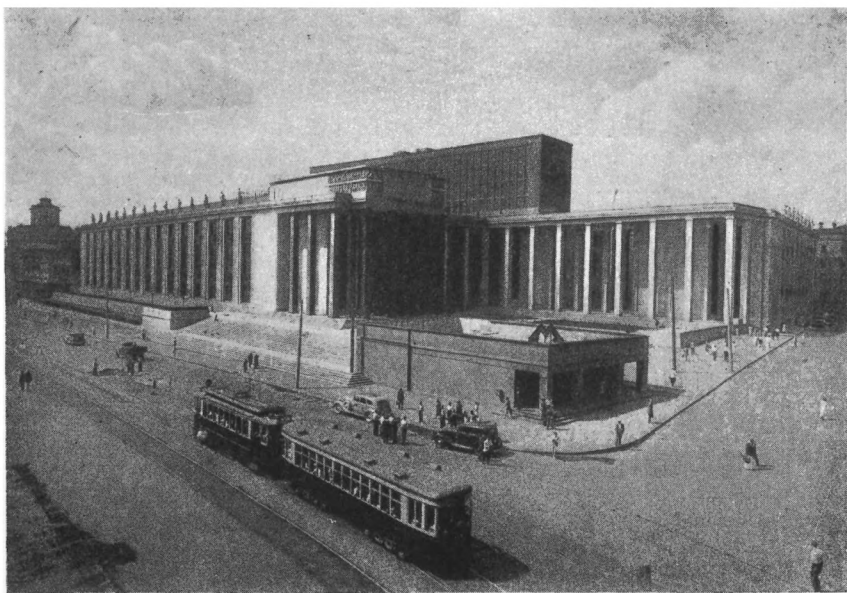
49. Станция метро «Павелецкая». Перронный зал

50. Проект станции метро «Спартакoвская». Наземный вестибюль, Акад. арх. Б. М. Иофан, соавтор арх. Ю. П. Зенкевич

51. Станция метро «Спартакoвская». Перронный зал. Акад. арх. Б. М. Иофан, соавтор арх. Ю. П. Зенкевич

52. Библиотека им. Ленина. Акад. арх. В. А. Щуко, проф. В. Г. Гельфрейх

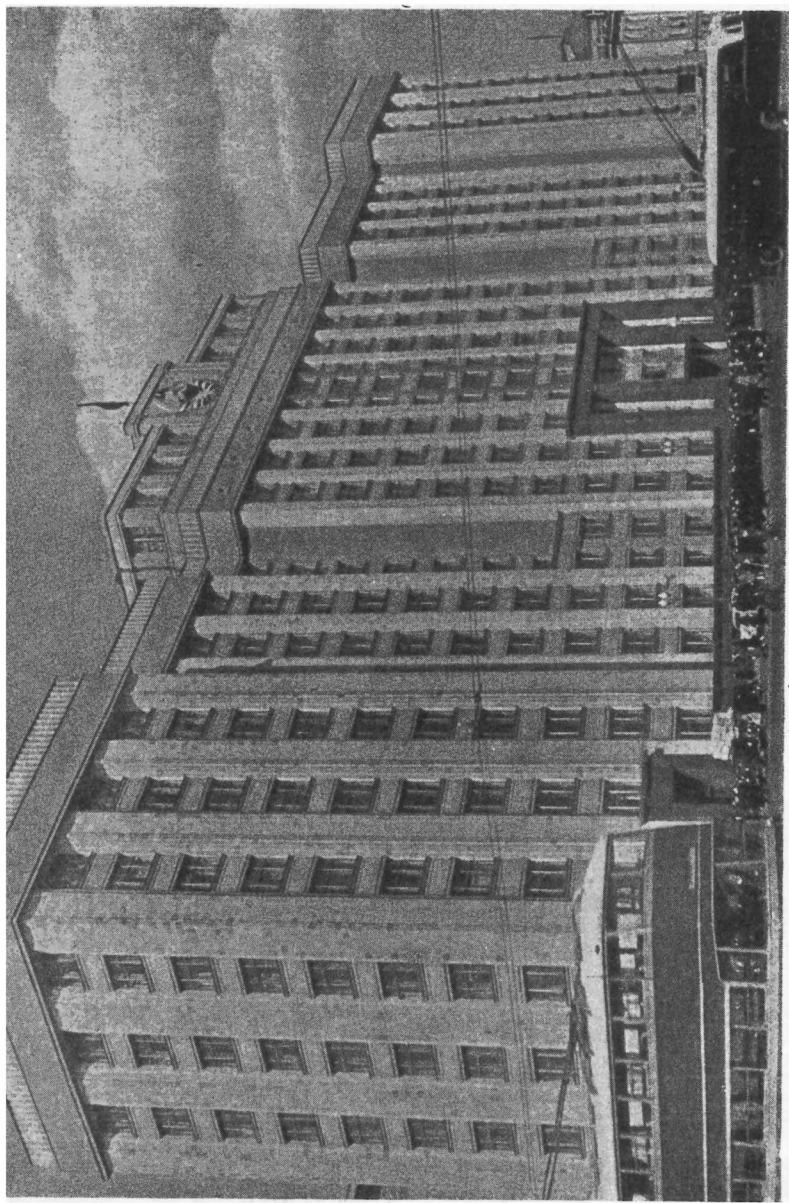
53. Военная академия им. М. В. Фрунзе. Акад. арх. Л. В. Руднев

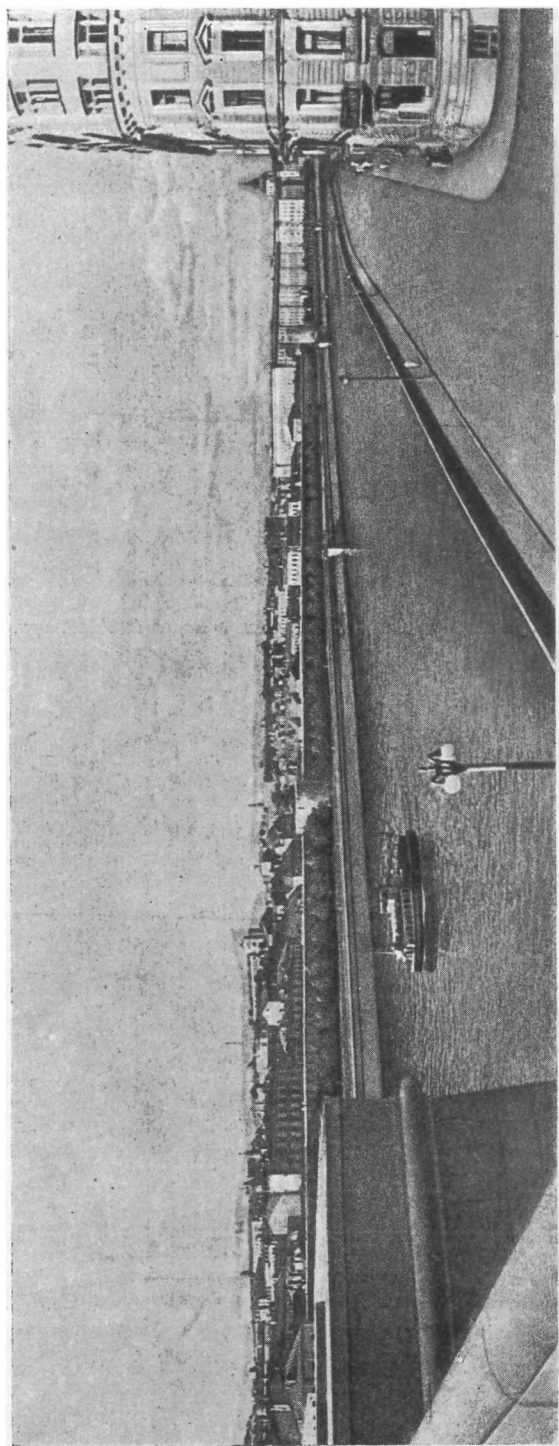
54. Центральный театр Красной Армии. Акад. арх. К. С. Алабян, арх. В. Н. Симбирцев

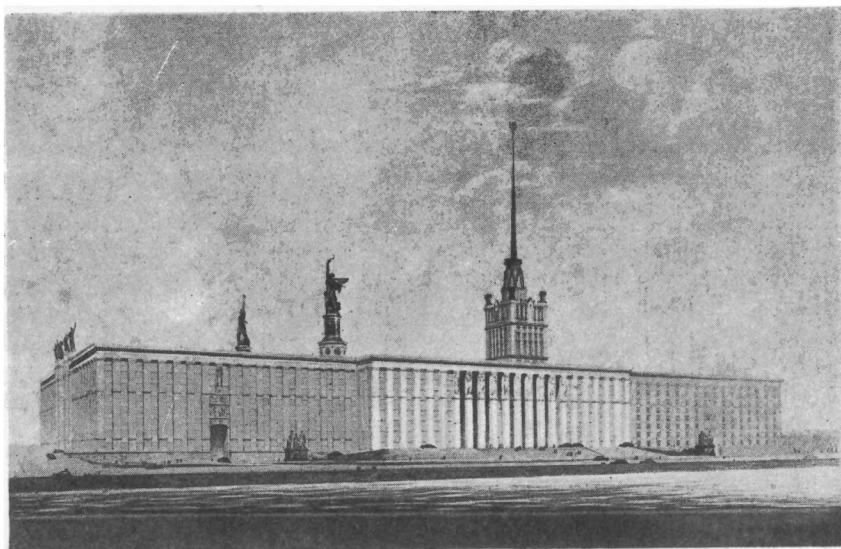
55. Концертный зал им. П. И. Чайковского на пл. Маяковского.
Архитекторы Д. Н. Чечулин, К. К. Орлов

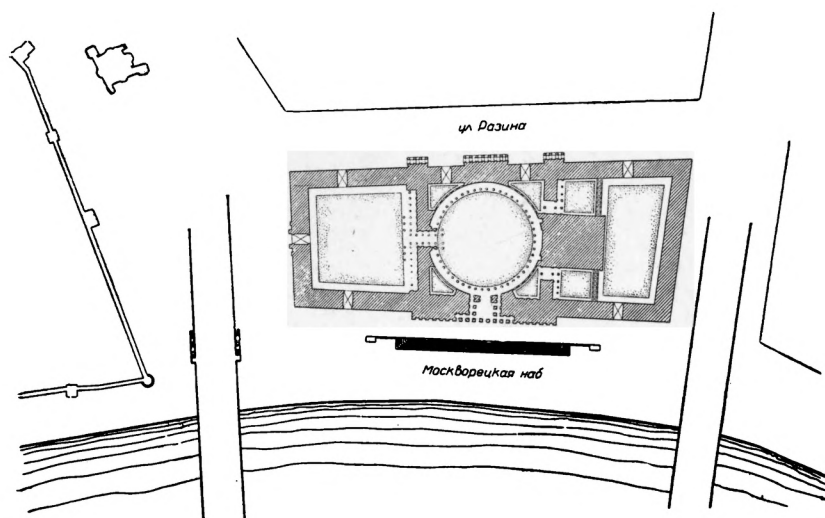
56. Дом Совнаркома в Охотном ряду. Арх. А. Я. Лангман

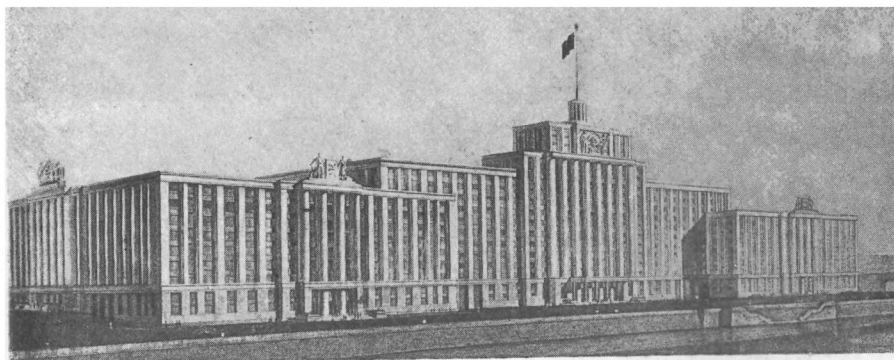
57. Общий вид Зарядья, где будет построен 2-й Дом Совнаркома

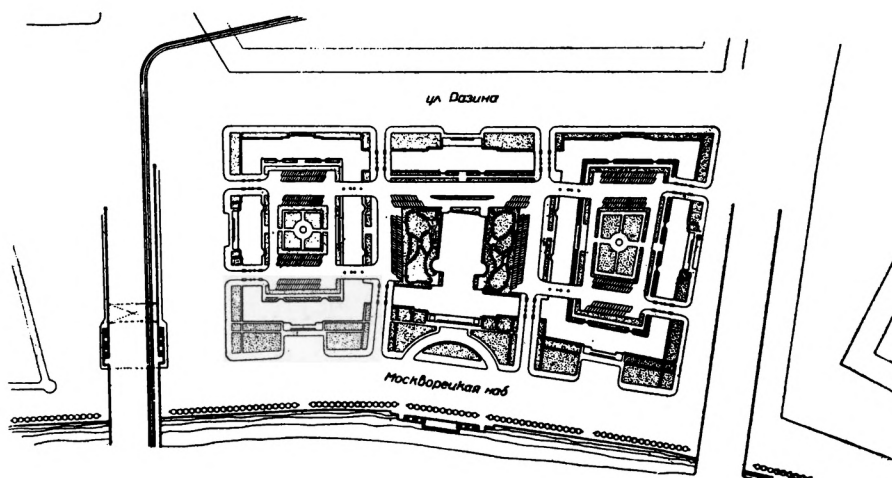
58. Проект 2-го Дома Совнаркома в Зарядьи. Акад. арх. Г. П. Гольц

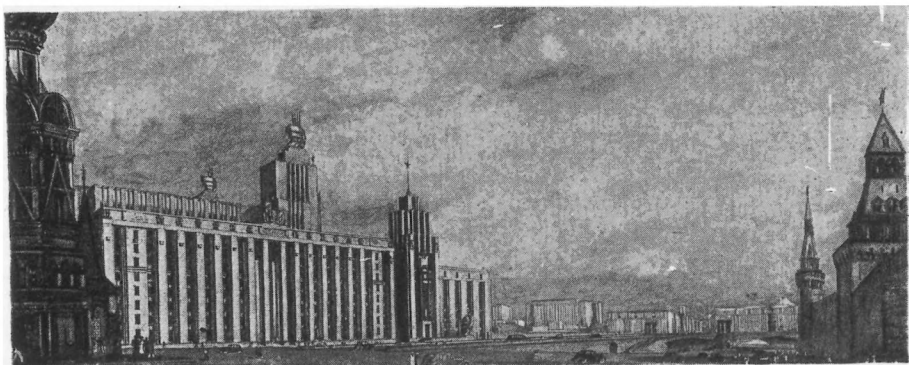
59. Генплан

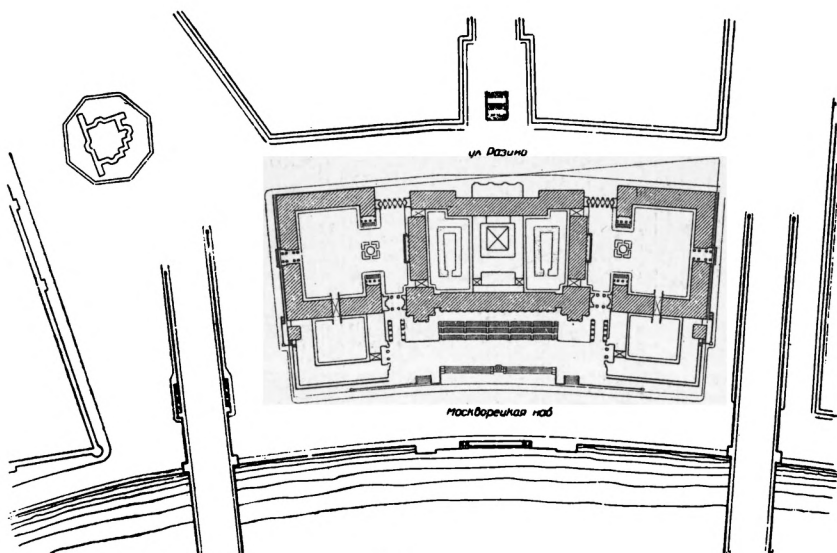
60. Проект, 2-го Дома Совнаркома в Зарядьи, Академики архитектуры
В. А. и А. А. Веснины

61. Генплан

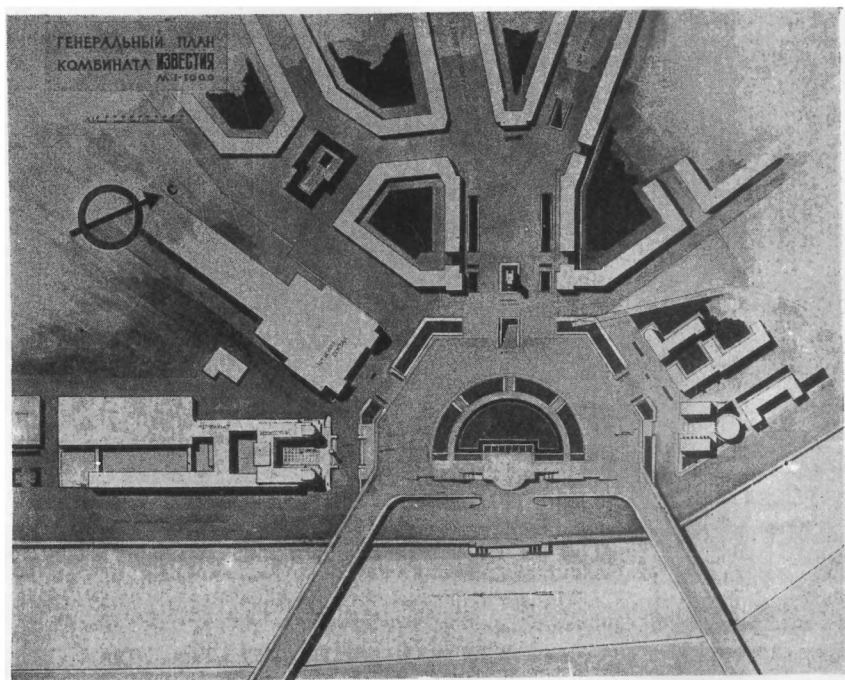
62. Проект 2-го Дома Совнаркома в Зарядьи. Архитекторы Б. Р. Рубаненко, Г. А. Симонов

63. Генплан.

64. Проект комбината «Известий» на пл. Киевского вокзала. Акад. арх. Б. М. Иофан, соавтор арх. А. Ф. Хряков, при участии арх. Д. М. Цыперовича

65. Генплан

68. Жилой дом Наркомлеса на ул. Горького.
Арх. А. К. Буров

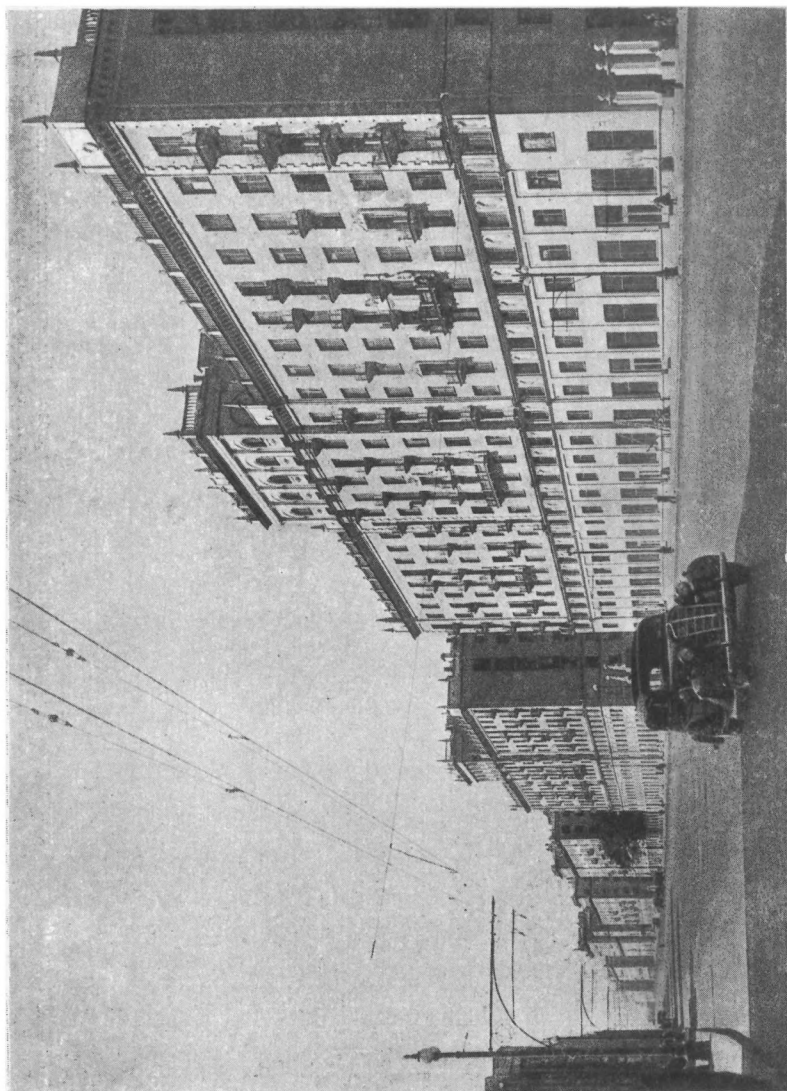
69. Жилой дом на ул. Чкалова. Арх. И. З. Вайнштейн

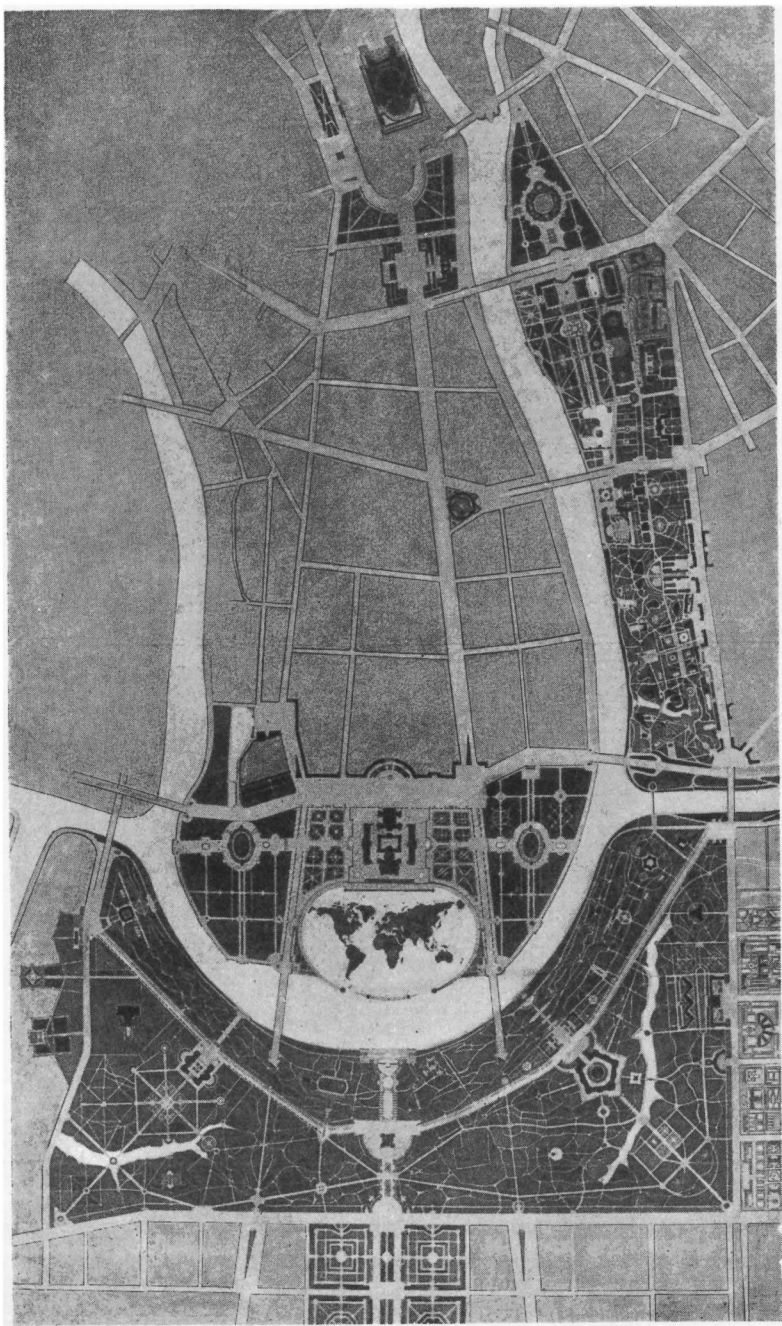
70. Жилой дом на Никитском бульваре. Арх. Е. Л. Иохелес

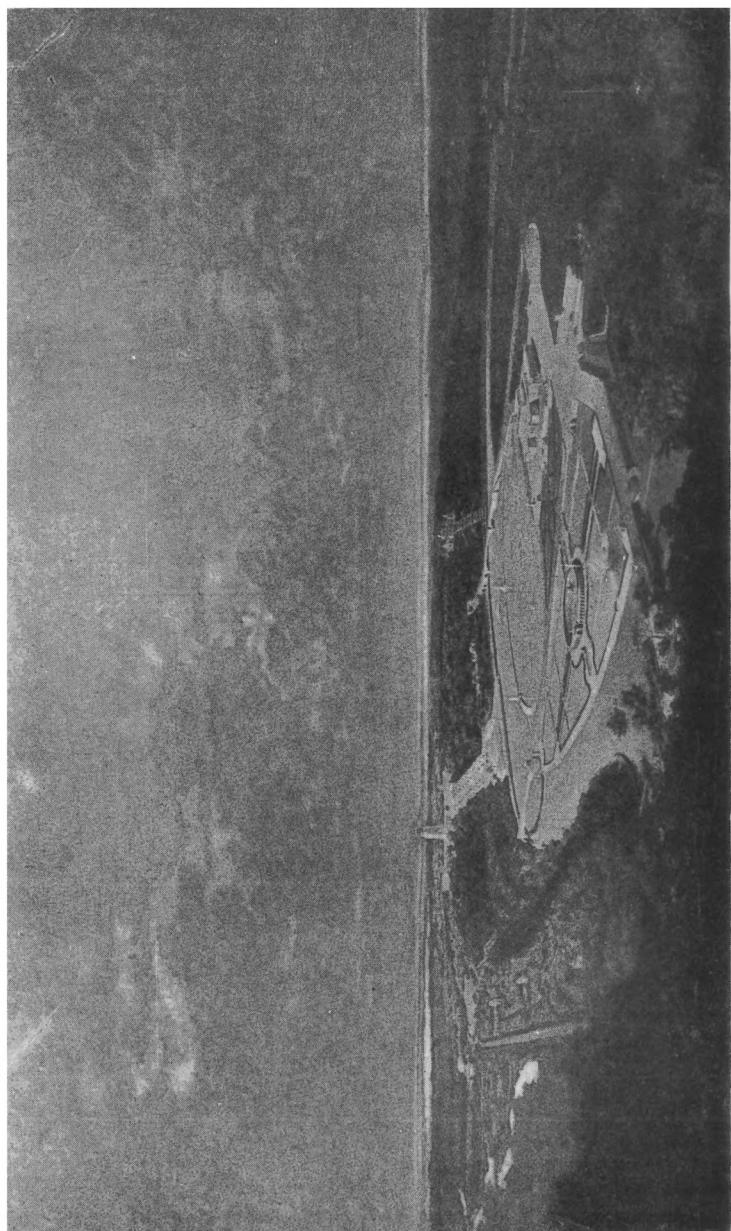
71. Жилой дом на ул. Горького. Арх. М. И. Синявский

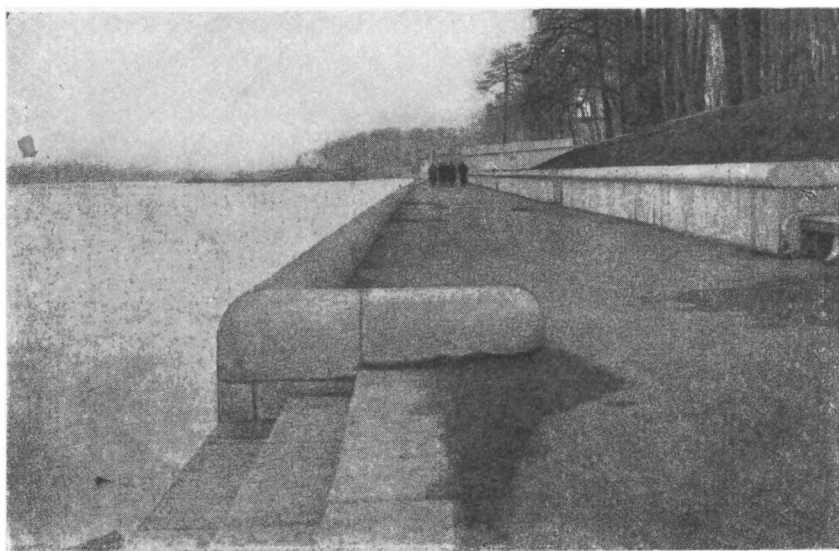
72. Жилые дома на Б. Калужской улице. Акад. арх. А. Г. Мордвинов, акад. арх. Г. П. Гольц, арх. Д. Н. Чечулин

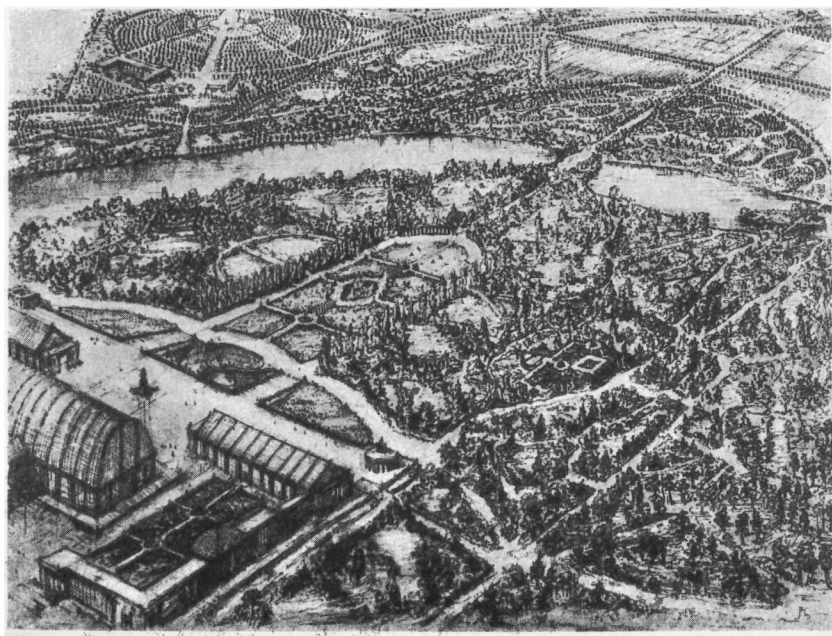
73. Проект реконструкции Центрального парка культуры и отдыха им. Горького. Генеральный план. Архитекторы А. В. Власов, В. Б. Москвин, А. В. Натальченко, Н. Э. Шмидт

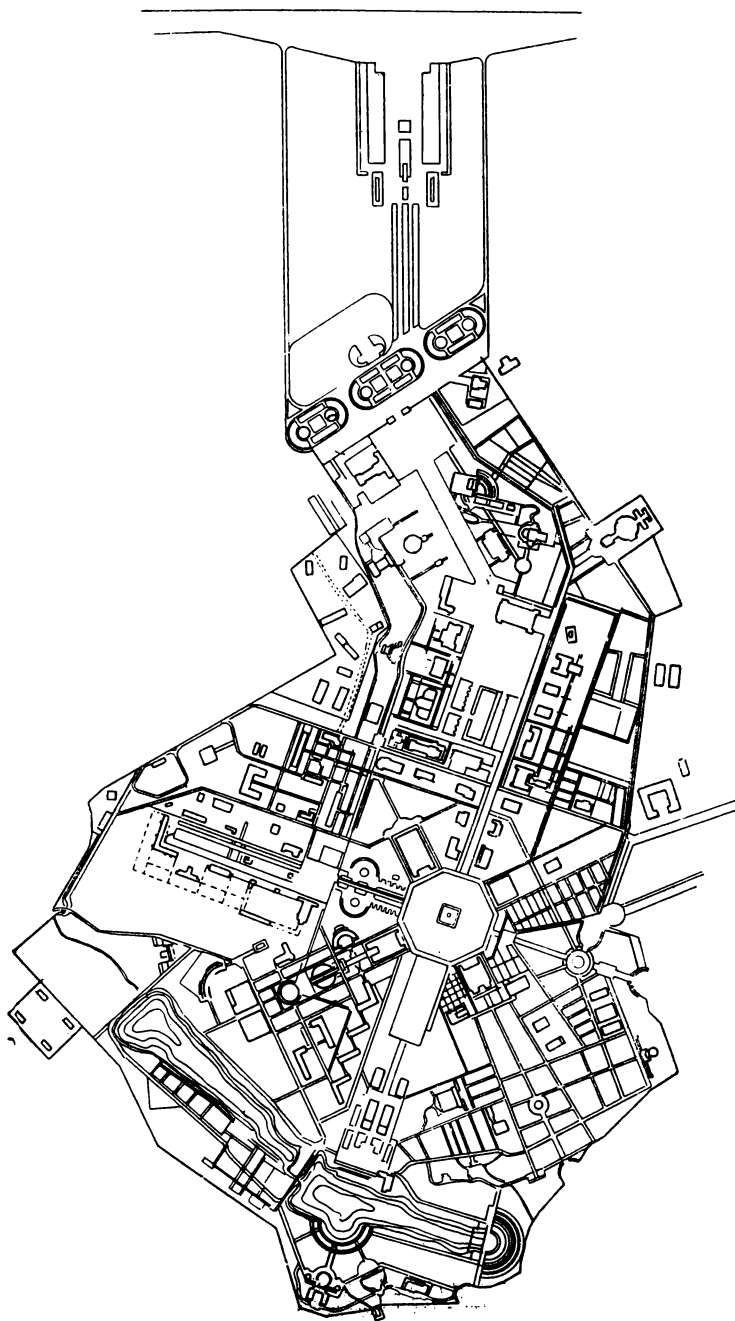
74. Проект реконструкции Центрального парка культуры и отдыха. Перспектива. Арх. А. В. Власов.
Перспектива выполнена арх. П. Резякиным

75. Пушкинская набережная в Центральном парке культуры и отдыха

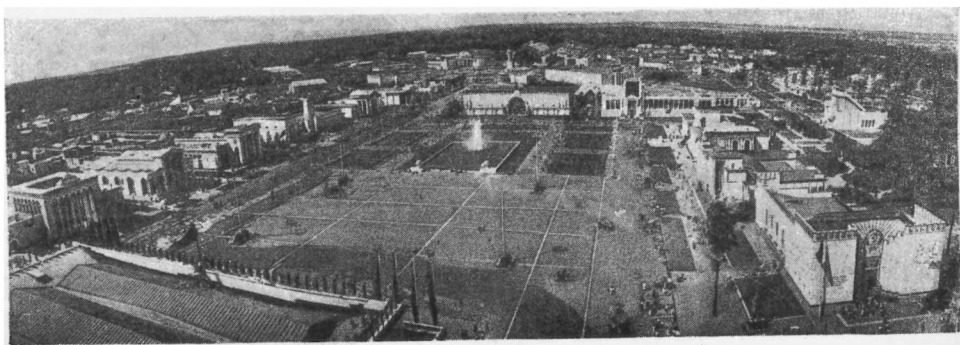
76. Московский Ботанический сад. Общий вид. Арх. А. В. Власов, при участии архитекторов Н. Э. Шмидта, В. Д. Елизарова и А. В. Натальченко

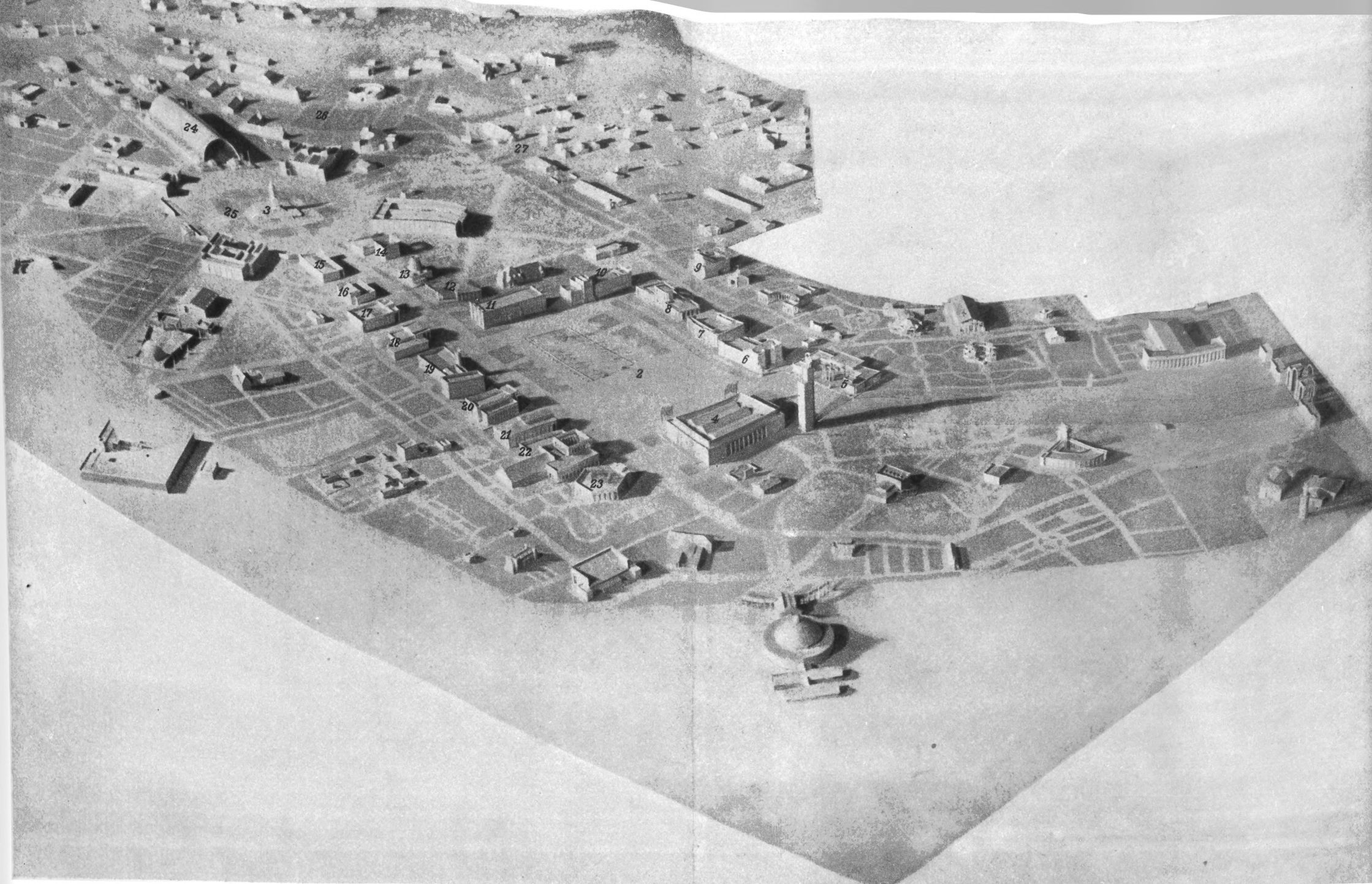
77. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1939—1940 гг. в Москве.
Генеральный план

78. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Подъезд к главному входу. Скульптура В. И. Мухиной

79. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Площадь Колхозов

80. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Макет.

1—главный вход, 2—площадь Колхозов, 3—монумент Сталина, 4—Главный павильон, 5—павильон Узбекской ССР, 6—павильон Дальнего Востока, 7—павильон Сибири, 8—павильон Ленинграда и северо-востока, 9—павильон Карело-Финской ССР, 10—павильон Московской, Тульской и Рязанской областей, 11—павильон Украинской ССР, 12—павильон Туркменской ССР, 13—павильон Башкирской ССР, 14—павильон центральных областей, 15—павильон Киргизской ССР, 16—павильон Татарской АССР, 17—павильон Таджикской ССР, 18—павильон Белорусской ССР, 19—павильон «Поволжье», 20—павильон Азербайджанской ССР, 21—павильон Армянской ССР, 22—павильон Грузинской ССР, 23—павильон Казахской ССР, 24—павильон Механизации, 25—площадь Механизации, 26—животноводческие постройки, 27—раздел «Новое в деревне»

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово ответственного секретаря правления Союза советских архитекторов СССР акад. арх. К. С. Алабяна	4
Итоги реконструкции Москвы за пять лет. Доклад председателя Мосгорисполкома П. П. Пронина	5
Вопросы архитектуры в реконструкции Москвы. Доклад акад. арх. К. С. Алабяна.	14

Выступления по докладам

В. П. Кондратьев (Москва)—32. В. И. Новиков (Харьков)—36. И. В. Ламцов (Москва)—38. В. А. Витман (Ленинград)—40. Г. И. Рублев (Москва)—41. Л. Я. Талалай (Москва)—43. М. С. Булатов (Ташкент)—45. М. С. Родионов (Москва)—46. Г. Т. Крутиков (Москва)—47. С. А. Дадашев (Баку)—49. С. М. Георгиева (Ашхабад)—51. Л. А. Ильин (Ленинград)—52. С. Д. Меркуров (Москва)—54. Л. В. Руднев (Ленинград)—56. И. Е. Гальперин (Москва)—57. А. М. Заславский (Москва)—58. Н. Я. Колли (Москва)—60. В. И. Мухина (Москва)—61. Л. О. Бумажный (Москва)—63. Н. В. Баранов (Ленинград)—65. А. Д. Гончаров (Москва)—67. Ф. А. Терехин (Москва)—67. З. А. Куфдиани (Тбилиси)—68. В. М. Кусаков (Москва)—71. И. М. Чайков (Москва)—72. В. Ф. Твелькмейер (Ленинград)—73. З. М. Розенфельд (Москва)—74. В. А. Фаворский (Москва)—75. Г. В. Головкин (Киев)—77. Д. Б. Пигута (Москва)—78. М. В. Григорян (Ереван)—79. Д. Ф. Фридман (Москва)—80. Д. С. Марков (Москва)—81. Б. О. Гиршович (Москва)—82. Б. М. Иофан (Москва)—84. Д. Н. Чечулин (Москва)—85. А. Г. Мордвинов (Москва)—88. Н. П. Былинкин (Москва)—89. С. Е. Чернышев (Москва)—91.

Архитектурные вопросы реконструкции Москвы — резолюция VII пленума правления Союза советских архитекторов СССР . . .	94
Иллюстрации	99—156